ПОЗЖЕ

СТИВЕН КИНГ

Лишь у мертвых НЕТ секретов

2021

Позже
Стивен Кинг

Аннотация
ПОЗЖЕ. Стивен Кинг
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Аннотация

Сын бедной матери-одиночки Джейми Конклин хочет обычного детства. Но мальчик родился с необычными способностями.

Мама убеждает хранить в секрете, что Джейми может видеть никому невидимое и узнавать то, что никто другой не может узнать.

Когда детектив полиции Нью-Йорка втягивает мальчика в погоню за убийцей, угрожающим нанести удар из могилы, Джейми обнаруживает, что его способности таят смертельную опасность.

Ужасающий, чувственный, душераздирающий и честный роман

Чарльз Ардай, редактор Hard Case Crime (книжной серии издательства Titan Books, в которой вышла книга)

ПОЗЖЕ
Стивен Кинг

Посвящается Крису Лоттсу [1]

«...не откладывайте на завтра».
***Майкл Лэндон*[2]**

[1] Примечания: 1.1
известный в США литературный агент

[2] Примечания: 1.2
Майкл Лэндон (урождённый Юджин Морис Оровиц 1936 — 1991) - американский телевизионный актёр, продюсер, сценарист и режиссёр, примерный перевод полной цитаты гласит: «Чтобы вы ни хотели сделать, делайте это сегодня и без раздумий, не откладывайте на завтра».

Я не люблю начинать с извинений - вероятно, есть даже правило против этого, например, никогда не заканчивать предложение предлогом, - но после прочтения тридцати страниц, которые я написал до сих пор, я чувствую, что в этом есть необходимость. Речь идет об одном слове, которое я постоянно использую. Я выучил много четырехбуквенных слов от своей матери и использовал их с раннего возраста (как вы еще узнаете), но в этом слове пять букв. И это слово «*Позже*», как в выражениях: «Попозже», «Позже я узнал» и «Только позже я понял». Я знаю, что это тавтология, но у меня нет выбора, потому что моя история начинается в то время, когда я еще верил в Санта-Клауса и Зубную Фею (хотя даже в шесть лет на этот счет у меня были сомнения). Мне сейчас двадцать два, а значит это действительно позже, верно? Наверное, когда мне будет за сорок - если, конечно, я так далеко зайду, - я оглянусь на то, что, как мне казалось, я понял в двадцать два, и пойму, что на самом деле многого не понимал. Всегда есть *позже*, теперь я это точно знаю. По крайней мере, пока мы не умрем. Тогда, наверное, все сведется к выражению *до этого момента*.

Меня зовут Джейми Конклин, и однажды я нарисовал индейку на День благодарения, которая,

по моему мнению, была абсолютной кошачьей задницей. Позже - и не намного позже - я обнаружил, что она больше похоже на то, что выходит из кошачьей задницы. Иногда правда - настоящий отстой.

Я думаю, это страшная история. Зацените.

1

Мы с мамой возвращались домой из школы. Она держала меня за руку. В другой руке я сжимал индейку, которую мы нарисовали в первом классе за неделю до Дня Благодарения. Я так ей гордился, что чуть не срал пятаками. И вот как это делается: вы кладете руку на лист бумаги, а затем обводите карандашом. Получаются хвост и тело. Ну а когда дело доходит до головы, тут уже настоящий полет фантазии.

Я показал рисунок маме, и она вся такая: «да, да, да, просто великолепно, правда, правда», но я не думаю, что она внимательно его рассматривала. Вероятно, её мысли были заняты одной из книг, которые она пыталась продать. «Подогнать товар», так она это называла. Видите ли, мама была литературным агентом. Раньше этим занимался ее брат, мой дядя Гарри, но мама взвалила на шею его бизнес за год до того времени, о котором я вам рассказываю. Это долгая история и конкретный облом.

- Я использовал темно зеленый, потому что это мой любимый цвет. Ты ведь это знала? - К тому

времени мы уже почти добрались до нашего дома. Но были все еще в трех кварталах от моей школы.

Она опять вся такая: «да-да-да». И еще:

- Когда мы вернемся домой, малыш, ты поиграешь или посмотришь «Барни» или «Волшебный школьный автобус»[3], мне нужно будет сделать миллион звонков.

Теперь пришел *мой черед* говорить «да, да, да», из-за чего я заработал тычок и улыбку. Мне нравилось, когда я вызывал у мамы улыбку, потому что даже в шесть лет я понимал, что она воспринимает мир ну очень уж серьезно. Позже я узнал, что отчасти причина была во мне. Она думала, что воспитывает сумасшедшего ребенка. В тот день, о котором я вам рассказываю, она окончательно решила, что я не сумасшедший. Что, должно быть, было своего рода облегчением, а может, и нет.

- Ты никому об этом не рассказывай, - сказала она мне позже в тот же день. - Кроме меня. И, может быть, даже мне, малыш. Ладно?

Я сказал «хорошо». Когда ты маленький и это твоя мама, ты говоришь «хорошо» на все её пред-

---

[3] Примечания: 1.3

The Magic School Bus - познавательно-приключенческий мультсериал по мотивам комиксов Джоанны Коул

ложения. Если, конечно, она не говорит, что пора идти спать. Или доесть брокколи.

Мы добрались до нашего дома, и лифт все еще был сломан. Можно сказать, что все могло бы пойти по-другому, если бы он работал, но я так не думаю. Я думаю, что люди, которые говорят, что жизнь, как и дороги, по которым мы идем - это выбор, который мы делаем сами, отъявленные лжецы. Потому что хоть по лестнице, хоть на лифте, мы все равно попали бы на третий этаж. Когда переменчивый перст судьбы указывает на тебя, все дороги ведут в одно и то же место, вот что я думаю. Я могу изменить свое мнение, когда стану старше, но на самом деле я не думаю, что это случится.

- К черту этот лифт, - сказала мама. И добавила: - Ты этого не слышал, малыш.

- Чего не слышал? - сказал я, что вызвало у неё еще одну улыбку. Последняя ее улыбка в тот день, скажу я вам. Я спросил ее, не хочет ли она, чтобы я понес ее сумку, в которой, как всегда, лежала рукопись, в тот день большая, похожая на пятисотстраничный пейджер (мама всегда сидела на скамейке и читала, ожидая, когда я выйду из школы, если погода хорошая).

- Милое предложение, но что я тебе всегда го-

ворю?

- Ты должен сам нести свою ношу, - сказал я.

- Корректамундо[4].

- Это Реджис Томас? - Спросил я.

- Точно. Старый добрый Реджис, который оплачивает наши счета.

- Это что-то о Роаноке[5]?

- Тебе даже не нужно спрашивать, Джейми. - Я не смог удержаться, и хихикнул. *Все*, что писал старый добрый Реджис, было о Роаноке. Такова ноша, которую он несет в этой жизни.

Мы поднялись по лестнице на третий этаж, где были еще две квартиры плюс наша - в конце коридора. Наша была самой модной. Мистер и миссис Беркетт стояли у двери квартиры 3А, и я сразу понял, что что-то не так, потому что мистер Беркетт курил сигарету, чего я раньше не видел, да и вообще в нашем здании это было запре-

---

[4] Примечания: 1.4

сленговое выражение, означающее правильно, верно, точно

[5] Примечания: 1.5

Колония Роанок - английская колония на одноимённом острове (в настоящее время - в округе Дэйр, Северная Каролина, США). Её глава, Джон Уайт, отправившийся в Англию за подмогой, не обнаружил колонистов по возвращении, зато на столбе частокола было нацарапано слово «Cro» (вероятно, начальные буквы слова Кроатоан). Популярная история об «исчезнувшей колонии», тесно связанная с соседствующим индейским племенем кроатоан, послужила основой множества художественных произведений и фильмов. В том числе упоминается в телесериалах по произведениям С.Кинга «Дитя Колорадо» и «Буря столетия»

щено. Его глаза были налиты кровью, а волосы взъерошены и похожи на седые шипы. Я всегда называл его мистером, но на самом деле он был профессором Беркеттом и преподавал что-то умное в Нью-Йоркском университете. Английскую и европейскую литературу, как я позже узнал. Миссис Беркетт была одета в ночную рубашку, а ее ноги были босыми. Эта ночнушка была довольно прозрачной. Я мог видеть большую часть ее причиндалов прямо через неё.

Мама спросила:

- Марти, что случилось?

Прежде чем он успел что-то ответить, я показал ему свою индейку. Потому что он выглядел грустным, и мне хотелось его подбодрить, и еще потому, что я был горд за свою работу.

- Посмотрите, мистер Беркетт! Я нарисовал индейку! Посмотрите, миссис Беркетт! - Я поднес рисунок к ее лицу, потому что не хотел, чтобы она подумала, что я смотрю на ее причиндалы.

Мистер Беркетт не обратил на это никакого внимания. По-моему, он меня даже не расслышал.

- Тиа, у меня ужасные новости. Мона умерла сегодня утром.

Мама уронила сумку с рукописью между ног и

прикрыла рот рукой.

- О нет! Скажи мне, что это неправда!

Он начал плакать.

- Она встала ночью и сказала, что хочет пить. Я вернулся ко сну, а когда проснулся утром, она лежала на диване, натянув одеяло до подбородка, и поэтому я на цыпочках прошел на кухню и поставил кофе, потому что думал, что приятный запах ее р-р-разбудит.... должен разбудить...

И тогда он сломался. Мама обняла его так же, как обнимала меня, когда я поранюсь, хотя мистеру Беркетту было около ста (семьдесят четыре, как я узнал позже).

Вот тогда-то миссис Беркетт и заговорила со мной. Ее было тяжело расслышать, но не так тяжело, как некоторых из них, потому что умерла она совсем недавно.

- Индейки не бывают зелеными, Джеймс.

- Ну а моя такая, - сказал я.

Мама все еще держала мистера Беркетта в объятиях, словно укачивала его. Они не слышали миссис Беркетт, потому что не могли, и не слышали меня, потому что занимались взрослыми делами: мама утешала, мистер Беркетт рыдал.

- Я позвонил доктору Аллену, он пришел и сказал, что её, вероятно, хватил удар, - сказал мистер

Беркетт. По крайней мере, мне так показалось. Он плакал так сильно, что трудно было разобрать. - Он позвонил в похоронное бюро. Ее увезли. Я не знаю, что буду без нее делать.

- Мой муж сожжет волосы твоей матери своей сигаретой.

И, конечно же, так и произошло. Я почувствовал запах паленых волос, что-то вроде запаха из салона красоты. Мама была слишком вежлива, чтобы сказать ему об этом, но она попросила отпустить ее, а затем взяла у него сигарету, бросила на пол и наступила на нее. Я подумал, что свинячить в общем коридоре было плохим поступком, но ничего не сказал. Я понял, что это *особая* ситуация.

А еще я знал, что мой диалог с миссис Беркетт его напугает. И маму тоже. Даже маленький ребенок знает некоторые базовые вещи, если у него чердак на месте. Ты говоришь «пожалуйста», ты говоришь «спасибо», ты не пердишь на публике и не жуешь с открытым ртом, и ты не разговариваешь с мертвецами, когда они стоят рядом с живыми людьми, которые только начинали тосковать по ним. Я только хочу сказать в свое оправдание, что, когда я ее увидел, я не знал, что она мертва. Позже я научился лучше распозна-

вать различие, но тогда я только этому учился. Я видел все через ее ночную рубашку, но не через саму миссис Беркетт. Мертвецы выглядят точно так же, как живые, и они всегда носят ту одежду, в которой умерли.

Тем временем мистер Беркетт пересказывал все заново, уточняя некоторые детали. Он рассказал моей матери, как сидел на полу рядом с диваном и держал жену за руку, пока не пришел врач, и продолжал сидел рядом, пока не пришел тот парень, гробовщик, чтобы забрать её. «Препроводить её» - вот что он на самом деле сказал, но я не понял, пока мама мне не объяснила. Сначала я вообще подумал, что он сказал *косметолог*[6], может быть, из-за запаха подпаленных маминых волос. Его плач было поутих, но теперь снова усилился.

- Ее кольца пропали, - сказал он сквозь слезы. - И помолвочное кольцо, и обручальное, с большим бриллиантом. Я осмотрел ночной столик рядом с ее кроватью, куда она их обычно кладет, когда втирает в руки этот ужасно пахнущий крем от артрита.

- Да, пахнет скверно, - признала миссис Беркетт.

---

[6] Примечания: 1.6
игра слов: mortician — гробовщик, beautician - косметолог

- Ланолин - это, по сути, бараний жир, но он действительно помогает.

Я кивнул, показывая, что понял, но ничего не сказал.

- ... и на раковине в ванной, потому что иногда она оставляет их там... Я *везде* искал.

- Они найдутся, - успокоила мама, и теперь, когда ее волосы были в безопасности, она снова обняла мистера Беркетта. - Они найдутся, Марти, не волнуйся.

- *Я так по ней скучаю! Я уже скучаю по ней!*

Миссис Беркетт хлопнула ладонями по лицу.

- Я даю шесть недель, прежде чем он пригласит Долорес Магауэн на ленч.

Мистер Беркетт рыдал, а мама успокаивала его, как делала это всякий раз, когда я разбивал коленку или когда я пытался приготовить ей чашку чая и проливал горячую воду себе на руку. Другими словами, шума было много, так что я рискнул, но старался говорить тихо.

- Где ваши кольца, миссис Беркетт? Вы знаете?

Они должны говорить тебе правду, когда умирают. Я не знал этого в шесть лет, я просто предполагал, что все взрослые говорят правду, живые *или* мертвые. Конечно, в то время я также верил, что Златовласка - настоящая девушка. На-

зывайте меня глупцом, если хотите. По крайней мере, я не верил, что три медведя на самом деле могли говорить.

- Верхняя полка шкафа в прихожей, - сказала она. - В самом конце, за альбомами.

- Почему там? - спросил я, и мама как-то странно на меня посмотрела. Насколько она могла видеть, я разговаривал с пустым дверным проемом... хотя к тому времени она уже знала, что я не совсем такой, как другие дети. После того, что случилось в Центральном парке, - плохие вещи, но я еще до этого дойду - я подслушал, как она говорила по телефону одному из своих друзей-редакторов, что я «с чудинкой». Это напугало меня до чертиков, потому что я подумал, что она имела в виду, что хочет сменить мое имя на Фэй[7],что было девичьим именем.

- Не имею ни малейшего представления, - ответила миссис Беркетт. - К тому времени, наверное, у меня уже случился инсульт. Мои мысли утонули в крови.

Мысли тонут в крови. Я никогда этого не забывал.

Мама спросила мистера Беркетта, не хочет ли

---

[7] Примечания: 1.7
игра слов: fey — с чудинкой, Fay - имя

он зайти к нам на чашку чая («или чего-нибудь покрепче»), но он ответил, что нет, он собирается еще раз поохотиться за пропавшими кольцами своей жены. Она спросила его, не хочет ли он, чтобы мы принесли ему что-нибудь из китайского ресторанчика, - эту еду моя мама планировала на ужин, - и он сказал, что это было бы хорошо, спасибо, Тиа.

Моя мать сказала «де нада[8]» (это выражение она использовала почти так же часто, как «да, да, да» и «правда, правда»), а затем сказала, что мы принесем к нему еду около шести, если только он не хочет поесть с нами в нашей квартире, что он мог бы без проблем сделать. Он сказал, что нет, он хотел бы поесть в своей, но он хотел бы, чтобы мы поели вместе с ним. За исключением того, что на самом деле он сказал, «в нашей квартире», как будто миссис Беркетт была жива. А живой она уже не была, хотя и находилась рядом.

- К тому времени ты уже найдешь ее кольца, - сказала мама. Она взяла меня за руку. - Ну же, Джейми. Мы увидимся с мистером Беркеттом позже, а пока давай оставим его в покое.

- Индейки зелеными не бывают, Джейми, - ска-

---

[8] Примечания: 1.8
на здоровье (исп.)

зала миссис Беркетт, - да и на индейку она не очень похожа. Она похожа на шарик с торчащими из него пальцами. Ты не Рембрандт.

Мертвые люди должны говорить правду, и это нормально, когда вы хотите знать ответ на вопрос, но, как я уже сказал ранее, правда может быть отстойной. Я начал было на нее злиться, но в этот момент она заплакала, и я не смог. Она повернулась к мистеру Беркетту и сказала:

- Кто теперь будет следить за тем, чтобы ты не пропускал заднюю петлю на поясе твоих брюк? Долорес Магован? Я должна улыбнуться и поцеловать свинью. - Она поцеловала его в щеку... или поцеловала сквозь нее, я не мог точно сказать. - Я любила тебя, Марти. И до сих пор люблю.

Мистер Беркетт поднял руку и почесал то место, где ее губы его коснулись, как будто у него был зуд. Наверное, он так и подумал.

2

Так что да, я вижу мертвых. Насколько я помню, так было всегда. Но это совсем не как в фильме с Брюсом Уиллисом[9].Это может быть интересно, иногда это может быть страшно (чувак из Центрального парка), это может быть занозой в заднице, но в основном это просто *обыденность*, как например, быть левшой, или уметь играть классическую музыку, когда тебе три года, или рано заболеть болезнью Альцгеймера, что случилось с дядей Гарри, когда ему было всего сорок два. В шесть лет сорок два казались мне далекими как звезды, но даже тогда я понимал, что он слишком молод, чтобы забыть кто он. Или как там более литературно можно описать то, что с ним произошло - почему-то именно этот момент пугал меня больше всего, когда мы ходили к дяде Гарри. Его мысли не тонули в крови из пробитого сосуда головного мозга, но все равно тонули.

Мы с мамой добрались до 3С, и она запустила

---

[9] Примечания: 1.9

скорее всего имеется в виду фильм «Шестое чувство» (англ. *The Sixth Sense*) - мистический фильм американского режиссёра М. Найта Шьямалана, вышедший в прокат 6 августа 1999 года

нас внутрь. Это заняло некоторое время, потому что на двери было три замка. Она говорила, что это цена, которую вы платите за роскошную жизнь. У нас была шестикомнатная квартира с видом на авеню. Мама называла наш дом Дворцом-на-парковой. У нас была уборщица, которая приходила два раза в неделю. У мамы в гараже на Второй авеню стоял «Рейнджровер», и иногда мы ездили к дяде Гарри в Спеонк. Благодаря Реджису Томасу и нескольким другим писателям (но в основном старому доброму Реджису) мы жили на широкую ногу. Это продолжалось недолго благодаря удручающему развитию событий, о котором я вам скоро расскажу. Оглядываясь назад, я иногда думаю, что моя жизнь похожа на роман Диккенса, только с нецензурщиной.

Мама бросила сумку с рукописью и портмоне на диван и села. Диван издал пердящий звук, что обычно вызывало у нас улыбку, но только не в этот день.

- Гребаный насрать, - сказала мама и подняла руку в жесте «Стоп». - Ты…

- Ничего не слышал, - сказал я.

- Хорошо. Мне нужен ошейник под напряжением, который будет бить меня током каждый раз, когда я при тебе ругаюсь, или нечто подобное. Это

бы привело меня в чувство. - Она выпятила нижнюю губу и сдула челку. - Мне нужно прочесть еще двести страниц последней книги Реджиса.

- А как она называется? - спросил я, зная, что в названии обязательно будет *Роанок*. Так было всегда.

- «Призрачная Дева из Роанока», - сказала она. - Это одна из лучших его вещей, много сек... много поцелуев и объятий.

Я сморщил нос.

- Извини, малыш, но дамы обожают бьющиеся сердца и разгоряченные бедра. - Она посмотрела на сумку, в которой лежала рукопись «Призрачной Девы из Роанока», скрепленная шестью или восемью обычными резинками, одна всегда лопалась, после чего мама выдавала некоторые из ее лучших ругательств. Большинством из них я пользуюсь до сих пор. - Теперь мне кажется, что я не хочу ничего делать, кроме как выпить бокал вина. Может быть, целую бутылку. Мона Беркетт была настоящей занозой в заднице, возможно, ему даже будет лучше без нее, но сейчас он опустошен. Я молю Бога, чтобы у него были родственники, потому что мне не нравится идея быть Утешителем.

- Она тоже его любила, - сказал я.

Мама странно на меня посмотрела.

- Да? Ты так думаешь?

- Я это знаю. Она сказала что-то гадкое о моей индейке, но потом заплакала и поцеловала его в щеку.

- Тебе это показалось, Джеймс, - сказала она без особого энтузиазма. К тому времени она уже знала, что это не так, но взрослым трудно в это поверить, и я скажу вам почему. Когда в детстве они узнают, что Санта-Клаус - фальшивка, Златовласка - ненастоящая девочка, а Пасхальный Кролик - чушь собачья - всего три примера, я мог бы привести и больше, - у них возникает комплекс, и они перестают верить всему, чего не могут увидеть собственными глазами.

- Нет, не показалось. Она сказала, что я никогда не стану Рембрандтом. - Кто это?

- Художник, - ответила она и снова сдула челку. Я не знаю, почему она просто не подстрижет её или не уложит волосы как-то по-другому. Она могла это сделать, потому что и так была очень хорошенькой.

- Когда мы пойдем на ужин, не смей ничего говорить мистеру Беркетту о том, что, по-твоему, ты видел.

- Не буду, - сказал я, - но она была права. Моя

индейка - отстой.

Мне было стыдно. Наверное, это было заметно, потому что она протянула руки.

- Иди сюда, малыш.

Я подошел и обнял ее.

- Твоя индейка просто прекрасна. Это самая красивая индейка, которую я когда-либо видела. Я поставлю рисунок на холодильник, и он останется там навсегда.

Я обнял ее так крепко, как только мог, и уткнулся лицом в плечо, чтобы почувствовать запах ее духов.

- Я люблю тебя, мама.

- Я тоже, и в тысячу раз больше, Джейми. А теперь иди, поиграй или посмотри телевизор. Мне нужно сделать несколько звонков, а потом я закажу еду из китайского ресторанчика.

- Ладно. - Я было направился в свою комнату, но остановился. - Она положила свои кольца на верхнюю полку шкафа в прихожей, за какими-то альбомами.

Мама уставилась на меня с открытым ртом.

- Зачем ей это делать?

- Я спросил ее, и она ответила, что не знает. Она сказала, что к тому времени ее мысли уже утонули в крови.

- О Боже, - прошептала мама и прижала руку к шее.

- Ты должна придумать, как сказать, когда мы придем к нему на ужин с китайской едой. Тогда он перестанет беспокоиться хотя бы об этом. Могу я заказать «Генерала Цо»[10]?

- Да, - сказала она. - А на гарнир коричневый рис, не белый.

- Хорошо, хорошо, - сказал я и пошел играть со своим «Лего». Я собирал робота.

---

[10] Примечания: 1.10

блюдо из курицы во фритюре, хотя ниже С.Кинг укажет на кисло-сладкую свинину

3

Квартира Беркеттов была меньше нашей, но очень уютная. После ужина, когда мы ели печенье с предсказаниями (мое говорило: «Перо в руке лучше, чем птица в небе», что вообще не имеет смысла), мама спросила:

- Ты проверил шкафы, Марти? Я имею в виду, в поиске колец?

- Зачем ей было прятать кольца в шкаф? - Вполне разумный вопрос.

- Ну, если у нее случился инсульт, она могла уже ничего не соображать.

Мы ели за маленьким круглым столиком в кухонном уголке. Миссис Беркетт сидела на одном из табуретов у стойки и энергично закивала, когда мама это произнесла.

- Может быть, я проверю, - сказал мистер Беркетт. Он говорил довольно неопределенно. - Сейчас я слишком устал и расстроен.

- Ты тщательно проверь шкаф в спальне, - сказала мама. - Я сейчас же проверю тот, что в коридоре. Небольшая растяжка пойдет мне на пользу после всей этой кисло-сладкой свинины.

Миссис Беркетт сказала:

- Неужели она сама все это придумала? Я и не знала, что она такая умная, - ее уже было трудно расслышать. Через некоторое время я уже не мог ее слышать, только видел, как шевелятся ее губы, как будто она находилась за толстым стеклом. Очень скоро она уйдет.

- Моя мама очень умная, - ответил я.

- А я и не говорил, что нет, - сказал мистер Беркетт, - но если она найдет эти кольца в шкафу в прихожей, я съем свою шляпу.

В этот момент мама крикнула: «Бинго!» - и вошла с кольцами в протянутой руке. Помолвочное кольцо было довольно обычным, но обручальное кольцо было размером с глазное яблоко. Настоящий бенгальский огонь.

- О боже! - воскликнул мистер Беркетт. - Как так, во имя Всего Святого?

- Я помолилась Святому Антонию, - сказала мама, но бросила быстрый взгляд в мою сторону. И улыбнулась. - Тони, Тони, приди на помощь! Кое-что потеряно, и нужно найти! И, как видишь, это сработало.

Я подумал, не спросить ли мистера Беркетта, не хочет ли он посыпать шляпу солью и перцем, но не стал. Это было неподходящее время для шуток,

и, кроме того, как всегда говорит моя мама - никто не любит умников.

4

Похороны состоялись через три дня. Это были мои первые похороны, было интересно, но вряд ли об этом действии можно сказать «прикольно». По крайней мере, моей матери не пришлось быть Утешителем, - у мистера Беркетта были сестра и брат, принявшие на себя эту миссию. Они были старыми, но не такими старыми, как он. Мистер Беркетт проплакал всю службу, а сестра, раз за разом, вкладывала ему в руку бумажные салфетки. Ее сумочка, казалось, была наполнена ими. Я был бы удивлен, если бы у нее там нашлось место для чего-то еще.

В тот вечер мы с мамой ели пиццу из «Домино». У нее в руках был бокал с вином, а у меня - «Кул-Эйд» [11] в качестве особого угощения за то, что я хорошо держался на похоронах. Когда остался последний кусок пиццы, она спросила меня, присутствовала ли на церемонии прощания сама миссис Беркетт.

- Ага. Она сидела на ступеньках, ведущих к

---

[11] Примечания: 1.11

порошковый ароматизированный напиток, ставший в США культовым после массового самоубийства членов религиозной секты на Гайане

тому месту, где произносили речи священник и ее друзья.

- Кафедра. Ты мог... - Она взяла последний кусок, посмотрела на него, потом положила и посмотрела на меня. - Ты мог видеть сквозь неё?

- Ты имеешь в виду, как через киношный призрак?

- Да. Полагаю, именно это я и имею в виду.

- Не-а. Она была там, все в той же в ночной рубашке. Я был удивлен, увидев ее, потому что она умерла три дня назад. Обычно это не длится так долго.

- Они просто исчезают? - Как будто она пыталась разобраться в своих мыслях. Я могу точно сказать, что ей не нравилось об этом говорить, но я был рад, что она затронула эту тему. Я испытал облегчение.

- Да.

- Что она делала, Джейми?

- Просто сидела. Раз или два она посмотрела на свой гроб, но в основном смотрела на него.

- На мистера Беркетта, на Марти?

- Да. Она что-то сказала, но я не расслышал. Вскоре после того, как они умирают, их голоса начинают затихать, как будто кто-то приглушает музыку в автомобильном радио. Через некоторое

время их вообще не слышно.

- А потом они исчезают.

- Да, - сказал я. В горле у меня стоял комок, и я выпил остатки «Кул-Эйда», чтобы от него избавиться. - Уходят.

- Помоги мне прибраться, - попросила она. - После чего мы можем посмотреть серию «Торчвуда»[12], если захочешь.

- Да, было бы круто! - На мой взгляд, «Торчвуд» крутым не был, но оставаться на ногах через час после моего обычного времени отхода ко сну - вот это было круто.

- Прекрасно. До тех пор, пока ты понимаешь, что мы не собираемся это практиковать. Но сначала мне нужно кое-что тебе сказать, и это очень серьезно, поэтому я хочу, чтобы ты внимательно все выслушал. *Самым пристальным образом*.

- Ладно.

Она опустилась на одно колено, так что наши лица оказались более или менее на одном уровне, и взяла меня за плечи, мягко, но твердо.

---

[12] Примечания: 1.12

«Торчвуд» (англ. Torchwood) - британский научно-фантастический телесериал с элементами фэнтези о событиях в Кардиффском отделении вымышленного «института Торчвуд», занимающегося изучением пришельцев и сверхъестественных явлений. Сериал представляет собой ответвление от популярного телесериала «Доктор Кто», с которым тесно переплетается.

- Никогда никому не рассказывай о том, что видишь мертвых, Джеймс. *Никогда*.

- Они все равно мне не поверят. Раньше и ты не верила.

- Я *кое-во-что* поверила, - сказала она. - С того самого дня в Центральном парке. Ты помнишь? - Она откинула челку. - Конечно же, помнишь. Как такое можно забыть?

- Я помню. - Мне бы очень хотелось, чтобы этого не было.

Она продолжала стоять на коленях, глядя мне в глаза.

- Так вот. Люди не верят - это хорошо. Но когда-нибудь кто-нибудь может и поверить. И это может привести к различным сплетням и слухам или подвергнуть тебя реальной опасности.

- Почему?

- Есть старая поговорка: мертвецы не болтают, Джейми. Но ведь они *могут* говорить с тобой, не так ли? Мертвые мужчины *и* женщины. Ты говоришь, что они должны отвечать на вопросы и давать правдивые ответы. Как будто смерть подобна дозе пентотала натрия[13].

Я понятия не имел, что это такое, и она, должно

---

[13] Примечания: 1.13
«Сыворотка правды»

быть, увидела это на моем лице, потому что сказала, чтобы я не обращал внимания, но помнил, что сказала мне миссис Беркетт, когда я спросил ее о кольцах.

- И что? - Спросил я. Мне нравилось находиться рядом с мамой, но мне не нравилось, что она так пристально на меня смотрит.

- Эти кольца были очень ценными, особенно обручальное. Люди умирают с секретами, Джейми, и всегда найдутся люди, которые захотят эти секреты узнать. Я не хочу тебя пугать, но иногда страх - это единственный урок, который на самом деле работает.

Как человек из Центрального парка был уроком о том, чтобы быть осторожным в пробках и всегда носить шлем, когда катаешься на велосипеде, подумал я... но не произнес этого вслух.

- Я не буду об этом говорить, - сказал я.

- Никогда и никому. Кроме меня. Если тебе будет нужно выговориться.

- Хорошо. Мы поняли друг друга.

Она поднялась, и мы пошли в гостиную смотреть телевизор. Когда кино закончилось, я почистил зубы, помочился и вымыл руки. Мама укрыла меня одеялом, поцеловала и сказала то, что говорила всегда:

- Сладких снов, приятного отдыха и постели и всей одежде.

Обычно, после сказанного, я больше не видел ее до утра. Я слышал стекольный звон, когда она наливала себе второй бокал вина (или третий), затем свет приглушался, когда она начинала читать какую-то рукопись. Только я думаю, мамы имеют особое шестое чувство, потому что в ту ночь она вернулась и села на мою кровать. Или, может быть, она просто услышала, что я плачу, хотя я изо всех сил старался не шуметь. Потому что, как она всегда говорила, лучше быть частью решения, а не частью проблемы.

- Что случилось, Джейми? - спросила она, откидывая назад мои волосы. - Ты думаешь о похоронах? Или о миссис Беркетт?

- Что будет со мной, если ты умрешь, мама? Неужели мне придется жить в приюте? - Потому что уж точно не с дядей Гарри.

- Конечно же, нет, - сказала мама, все еще разглаживая мои волосы. - И это то, что мы называем спорным вопросом, Джейми, потому что я не собираюсь умирать в течение долгого времени. Мне тридцать пять лет, а это значит, что у меня еще больше половины жизни впереди.

- А что, если ты подхватишь то, что подхватил

дядя Гарри, и тебе придется жить в этом доме вместе с ним? - Слезы текли по моему лицу. Когда она гладила меня, мне становилось легче, но я еще сильнее плакал, кто знает почему. - Это место плохо пахнет. Пахнет *мочой*!

- Вероятность того, что это произойдет, настолько мала, что если ты положишь её рядом с муравьем, муравей будет выглядеть как Годзилла, - сказала она. Я улыбнулся и почувствовал себя лучше. Теперь, когда я стал старше, я знаю, что она либо лгала, либо была дезинформирована, но ген, который запускает то, что было у дяди Гарри - раннее начало болезни Альцгеймера - обошел её стороной, и, слава Богу.

- Я не собираюсь умирать, *ты* не собираешься умирать, и я думаю, что есть хороший шанс, что твоя необычная способность исчезнет, когда ты станешь старше. Итак... у нас все в порядке?

- У нас все в порядке.

- Больше никаких слез, Джейми. Только сладких снов и…

- Приятного отдыха и постели и всей одежде, - закончил я.

- Да, да, да, - она поцеловала меня в лоб и ушла. Оставив дверь приоткрытой, как она всегда делала.

Я не хотел говорить ей, что не похороны вызвали слезы, и не миссис Беркетт, потому что она не была страшной. Как и большинство из них. Но велосипедист в Центральном парке напугал меня до смерти. Он был *мерзкий*.

5

Мы ехали по 86-й Трансверс-стрит, направляясь в Уэйв-Хилл в Бронксе, где у одной из моих детсадовских подружек проходила большая вечеринка по случаю её дня рождения. («Совсем уж разбаловали детей», - сказала мама.) У меня на коленях лежал подарок для Лили. Мы завернули за угол и увидели небольшую толпу людей. Авария, должно быть, произошла только что. Мужчина лежал наполовину на мостовой, наполовину на тротуаре, а рядом с ним валялся искореженный велосипед. Кто-то накинул куртку на верхнюю половину лежащего человека. На его нижней половине были черные велосипедные шорты с красными полосками по бокам, коленный бандаж, и кроссовки, покрытые кровью. Кровь была и на носках, и на ногах. Мы слышали звуки приближающихся сирен.

Рядом с ним стоял тот же мужчина в тех же велосипедных шортах и наколеннике. У него были белые волосы, все в крови. Его лицо было вдавлено прямо посередине, я думаю, возможно, в том месте, каким он ударился о бордюр. Его нос

был, как будто разорван на две части, как и рот.

Поток машин остановился, и мама сказала:

- Закрой глаза. - Конечно же, она смотрела на мужчину, лежащего на асфальте.

- Он мертв! - Я начал плакать. - Этот человек мертв!

Остановились и мы. Нам просто некуда было деться. Из-за других машин, стоящих перед нами.

- Нет, это не так, - сказала мама. - Он просто без сознания, вот и все. Так иногда случается, когда, например, кого-то сильно бьют. С ним все будет в порядке. А теперь закрой глаза.

Я не закрыл. Покалеченный человек поднял руку и помахал мне. Они знают, что я их вижу. Они всегда знают.

- Его лицо разорвано на *две части*!

Мама взглянула еще раз, убедилась, что мужчина прикрыт до пояса, и сказала:

- Просто закрой глаза.

- Он *там*! - Указал я. Мой палец дрожал. *Все* дрожало. - Прямо *там*, стоит рядом с собой!

Сказанное ее напугало. Я понял это по тому, как плотно сжались ее губы. Она положила руку на клаксон. Другой рукой она нажала на кнопку, опускавшую стекло, и начала махать машинам

впереди.

- *Проезжайте*! - крикнула она. - *Шевелитесь! Перестаньте, ради Бога, пялиться, это же не гребаный фильм!*

Они так и сделали, за исключением того, кто стоял прямо перед нами. Тот парень высунулся в окошко и делал фото на свой телефон. Мама нажала на газ и въехала бампером в его крыло. Он показал ей «фак». Мама сдала назад и свернула на встречную полосу, чтобы его объехать. Жаль, что я сам не показал ему «фак», но я был слишком напуган.

Мама едва разминулась с полицейской машиной, ехавшей по встречной полосе, и на всех парах помчалась в Уэст-Сайду. Она уже почти достигла своей цели, когда я начал отстегивать ремень безопасности. Мама крикнула, чтобы я этого не делал, но я все равно отстегнул ремень, опустил стекло, встал на колени на сиденье, высунулся наружу и расплескал содержимое моего желудка по всей машине. Я ничего не мог с собой поделать. Когда мы подъехали к перекрестку Уэст-Сайда и Центрального парка, мама остановила машину и вытерла мне лицо рукавом блузки. Возможно, потом она снова надевала эту блузку, но если и надевала, то я не помню.

- Боже, Джейми. Ты бледный как полотно.

- Я ничего не мог с собой поделать, - сказал я. - Я никогда не видел ничего подобного. Прямо из его свернутого носа торчали *кости*... - Тут я снова блеванул, но умудрился расплескать большую часть на проезжую часть, а не на нашу машину. К тому же рвоты было не так уж и много.

Она погладила меня по шее, не обращая внимания на кого-то (возможно, на мужчину, который ранее показал нам «фак»), кто сигналил, объезжая нашу машину.

- Дорогой, это всего лишь твое воображение.

- Не у того, кто лежал на земле, а того, кто стоял рядом. Он *помахал* мне рукой.

Она долго смотрела на меня, казалось, собираясь что-то сказать, потом просто пристегнула обратно мой ремень безопасности.

- Думаю, нам лучше пропустить эту вечеринку. Как тебе такое предложение?

- Согласен, - сказал я. - Мне все равно не нравится Лили. Она украдкой щиплет меня во время чтения сказок.

Мы поехали домой. Мама спросила меня, смогу ли я выпить чашку какао, и я ответил, что смогу. Мы вместе пили какао в гостиной. Подарок Лили все еще был у меня - маленькая кукла в матрос-

ском костюмчике. Когда на следующей неделе я подарил её Лили, она вместо того, чтобы украдкой ущипнуть меня, поцеловала прямо в губы. Меня из-за этого дразнили, но я ни капельки не возражал.

Пока мы пили какао (возможно, она насыпала немного больше, чем обычно), мама сказала:

- Я обещала себе, когда была беременна, что никогда не буду лгать своему ребенку. Да, тот парень, скорее всего, был мертв. - Она помолчала. - Нет, он *точно* был мертв. Не думаю, что его спас бы даже велосипедный шлем, а я его там не видела.

Нет, на нем не было шлема. Потому что, если бы он был на нем, когда его сбила машина (мы выяснили, что это было такси), он был бы на нем, когда он стоял рядом со своим телом. Они всегда носят то, что было на них в тот момент, когда они умерли.

- Но тебе только показалось, что ты видел его лицо, дорогой. Ты не мог. Кто-то накрыл его курткой. Кто-то очень добрый.

- На нем была футболка с маяком, - сказал я. Потом я подумал кое о чем другом. Это лишь немного скрашивало произошедшее, но после чего-то подобного, вы берете то, что можете

получить. - По крайней мере, он был довольно старый.

- Почему ты так говоришь? - Она как-то странно смотрела на меня. Оглядываясь назад, я думаю, что именно тогда она начала мне верить, по крайней мере, немного.

- У него были белые волосы. За исключением тех частей тела, на которых была кровь.

Я снова заплакал. Мама обнимала меня и укачивала, и я засыпал, пока она это делала. Вот что я вам скажу: нет ничего лучше, если твоя мама рядом в тот момент, когда ты думаешь о каком-либо страшном дерьме.

Нам доставляли «Таймс» прямо к двери. Обычно мама читала ее прямо за столом, пока мы завтракали, сидя в одном халате, но на следующий день после «человека из Центрального парка» за трапезой она читала одну из своих рукописей. Когда завтрак закончился, она сказала мне: «Одевайся и, возможно, мы прокатимся по Кольцевой», так что, должно быть, это была суббота. Помню, я подумал, что это был первый уик-энд, когда человек из Центрального парка был мертв. Это снова вернуло меня к реальности.

Я сделал все, как она сказала, но сначала зашел в ее спальню. Мама в тот момент была в душе.

Газета лежала на кровати, открытая на той странице, куда помещают покойников, достаточно известных для «Таймс». Там была фотография человека из Центрального парка. Его звали Роберт Харрисон. В четыре года я уже читал на уровне третьеклассника, мама очень этим гордилась, да и в заголовке, который я только и прочел, не было сложных слов: ГЕНЕРАЛЬНЫЙ директор ФОНДА «МАЯК» ПОГИБ В ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОМ ПРОИСШЕСТВИИ.

После этого я видел еще несколько мертвых людей - поговорка о том, что в расцвете жизни нас подстерегает смерть вернее, чем большинство людей подозревает, - и иногда я рассказывал что-то маме, но в основном этого не делал, потому что видел, как ее это расстраивает. Только когда умерла миссис Беркетт и мама нашла в шкафу ее кольца, мы снова об этом заговорили.

В ту ночь, когда она ушла из моей комнаты, я думал, что не смогу заснуть, а если и засну, то мне приснится человек из Центрального парка с рассеченным лицом и торчащими из свернутого носа костями, или моя мать в гробу, и одновременно сидящая на ступеньках кафедры, где только я мог ее видеть. Но, насколько я помню, мне ничего не снилось. На следующее утро я

проснулся в хорошем настроении, и мама была в хорошем настроении, и мы шутили, как иногда это делали, и она поставила мою индейку на холодильник, а потом поцеловала рисунок, что привело меня в полный восторг, а затем она проводила меня в школу, и миссис Тэйт рассказала нам о динозаврах, и следующие два года жизнь текла в размеренном русле. До тех пор, пока все не посыпалось.

6

Когда мама поняла, насколько все плохо, я услышал, как она разговаривает по телефону с Энн Стейли, своей подругой-редактором, о дяде Гарри.

- Он был дурковатым еще до того, как его поразило слабоумие. Теперь я это понимаю.

В шесть лет я бы и понятия не имел о чем это она. Но к тому времени мне уже было восемь, ближе к девяти, и я понимал, по крайней мере, отчасти. Она говорила о неприятности, в которую вляпался ее брат - и она сама - еще до того, как болезнь Альцгеймера унесла его мозг, как вор в ночи.

Я, конечно же, был с ней согласен; она была моей мамой, и мы были против всего мира, команда из двух человек. Я возненавидел дядю Гарри за то, что из-за него мы попали в такую передрягу. Только позже, когда мне было двенадцать, а может, и четырнадцать, я понял, что мама тоже была виновата. Она могла бы выпутаться, пока еще было время, скорее всего, могла бы, но не сделала этого. Как и дядя Гарри, основавший

«Литературное агентство Конклина», она много знала о книгах, но мало о деньгах.

Она даже получила два предупреждения. Одно - от ее подруги Лиз Даттон. Лиз была детективом Нью-йоркского полицейского департамента и большой поклонницей серии книг Реджиса Томаса о Роаноке. Мама познакомилась с ней на вечеринке по случаю презентации одной из этих книг, и они друг другу приглянулись. Что, в конце концов, вылилось в большие неприятности. Я еще до этого дойду, но пока скажу только то, что Лиз говорила моей матери о «Фонде Маккензи»: «Слухи слишком хороши, чтобы быть правдой». Возможно, это было примерно в то время, когда умерла миссис Беркетт, я в этом не уверен, но знаю, что это было до осени 2008 года, когда вся экономика страны всплыла вверх брюхом. В том числе и по нашей части.

Дядя Гарри играл в ракетбол [14] в каком-то модном клубе возле Пирса 90, где причаливают большие лодки. Один дружбан, с которым он играл, был бродвейским продюсером. Он-то и

---

[14] Примечания: 1.14

спортивная игра с мячом, проходящая на прямоугольном закрытом корте. В игру играют в одиночку (2 человека) или парами (две команды). Каждая сторона ударяет по мячу по очереди. Мяч должен быть отбит до второго отскока от пола и может коснуться всех стен до того, как упадет на пол.

рассказал дяде Гарри о «Фонде Маккензи». Друг назвал фонд «настоящей лицензией на чеканку монет», и дядя Гарри отнесся к этому весьма серьезно. А почему бы и нет? Друг спродюсировал базиллион мюзиклов, которые шли в течение базиллиона лет, как на Бродвее, так и по всей стране, и его гонорары просто лились рекой. (Я точно знал, что такое гонорар - я был сыном литературного агента.)

Дядя Гарри проверил информацию, поговорил с какой-то большой шишкой, работавшей на фонд (хотя и не с самим Джеймсом Маккензи, потому что дядя Гарри был всего лишь маленьким жуком в великой схеме вещей), и вложил туда кучу денег. Отдача была настолько хорошей, что он вложил еще. И еще. Когда дядя заболел болезнью Альцгеймера - а он очень быстро скатился под откос, - все счета перешли к моей матери, и она не только осталась в «Фонде Маккензи», но и вложила туда еще больше денег.

Монти Гришем, адвокат, который на тот момент помогал с контрактами, говорил ей, чтобы она больше туда не вкладывала, советовал сматываться по-быстрому, пока еще можно. И это было второе предупреждение, которое она получила вскоре после того, как возглавила «Агентство

Конклина». Он также сказал, что если что-то выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой, то, скорее всего, так оно и есть.

Я рассказываю вам все, что узнал, мелкими капельками - как тот подслушанный разговор между мамой и ее приятельницей-редактором. Я уверен, что вы это понимаете, и я уверен, что вам не нужно говорить, что «Фонд Маккензи» на самом деле был большой жирной финансовой пирамидой. Дело было в том, что Маккензи и его веселая воровская шайка брали мега-баксы и выплачивали большие проценты прибыли, воруя большую часть вложенных денег. Они поддерживали фонд, привлекая новых вкладчиков, рассказывая каждому, какой он особенный, потому что в «Фонд» допускались только избранные. Оказалось, что избранных было несколько тысяч, от бродвейских продюсеров до богатых вдов, которые перестали быть богатыми почти в одночасье.

Такая схема зависит от того, насколько вкладчики довольны своей прибылью, чтобы не только оставлять свои первоначальные инвестиции в фонде, но и вкладывать еще. Какое-то время это работало нормально, но когда в 2008 году экономика рухнула, почти все вкладчики фонда

попросили вернуть свои деньги, а денег там не оказалось. Маккензи был ничтожеством по сравнению с Мейдоффом[15], королем финансовых пирамид, по количеству обманутых, но он мог бы дать старине Берну фору по сумме украденного; он привлек в фонд более двадцати миллиардов долларов, но все, что обнаружилось на счетах Маккензи после краха его аферы, было жалкими пятнадцатью миллионами. Он попал в тюрьму, что было приятно, но, как иногда говорила мама: «Крупа - не продукты, а месть не оплачивает счета».

- Все в порядке, все в норме, - сказала она мне, когда фамилия Маккензи начал мелькать на всех новостных каналах и в «Таймс». - Не беспокойся, Джейми. - Но круги под глазами говорили о том, что она очень беспокоится, и причин для этого у нее было предостаточно.

Вот еще кое-что из того, что я узнал позже: у мамы было всего около двухсот тысяч в активах, до которых она могла дотянуться, включая страховые полисы, ее и мои. Что у нее было на странице

---

[15] Примечания: 1.15

Бернард Мейдофф - организовал финансовую аферу, в результате которой пострадало до 3 миллионов человек. Финансовые потери составили около 17,5 миллиардов долларов. Считается крупнейшей в истории.

расходы в бухгалтерской книге, вам вряд ли интересно. Чего стоят только наша квартира, расположенная на Парк-авеню, офис агентства - на Мэдисон-авеню, и реабилитационный центр, где жил дядя Гарри («Если это можно назвать жизнью», - слышу, как добавляет мама), находящийся в Паунд-Ридже[16].

Закрытие офиса на Мэдисон было первым шагом моей мамы. После этого она работала в Дворце-на-парковой, по крайней мере, какое-то время. Она заплатила часть арендной платы вперед, обналичив те страховые полисы, о которых я упоминал, плюс страховые полисы ее брата, но это продержало её на плаву только восемь или десять месяцев. Она сдала в аренду квартиру дяди Гарри в Спеонке. Она продала «Рейнджровер» («Нам все равно не нужна машина в этом городе, Джейми», - сказала она) и кучу книг первых изданий, включая «Оглянись назад, Ангел» Томаса Вулфа, с автографом. Она рыдала над этой книгой и говорила, что не получила и половины суммы, которой она реально стоила, потому что рынок редких книг тоже был в заднице, благодаря кучке деляг, столь же отчаянно нуждающихся в день-

[16] Примечания: 1.16
престижные районы Нью-Йорка

гах, как и она. Наша картина Эндрю Уайета[17] тоже ушла с молотка. И каждый день она проклинала Джеймса Маккензи, называя его вороватым, жадным до денег, ублюдочным, сосущим член, кровоточащим геморроем на ногах. Иногда она также проклинала дядю Гарри, говоря, что к концу года он будет жить за мусорным контейнером, и это послужит ему хорошим уроком. И, честно говоря, позже, она проклинала и себя за то, что не послушала Лиз и Монти.

- Я чувствую себя стрекозой, которая пропела все лето вместо того, чтобы работать, - сказала она мне однажды вечером. Думаю, в январе или феврале 2009 года. К тому времени Лиз иногда оставалась у нас ночевать, но не в ту ночь. Наверное, тогда я впервые и заметил, что в красивых рыжих волосах моей мамы появились седые пряди. Или, может быть, я помню это, потому что она заплакала, и настала моя очередь ее утешать, хотя я был еще совсем маленьким ребенком и не знал, как это делать.

Тем летом мы переехали из Дворца-на-парковой в гораздо меньший дом на Десятой авеню.

---

[17] Примечания: 1.17

Эмндрю Ньюмэлл Уамйет (1917-2009) - американский художник-реалист, один из виднейших представителей изобразительного искусства США XX века.

«Не помойка», - сказала мама, - «да и цена подходящая». И еще добавила: «Будь я проклята, если уеду из Сити. Это как выбросить белый флаг. Я тогда бы начала терять клиентов».

Агентство, конечно же, переехало вместе с нами. Офис находился в том, что, как я полагаю, было бы моей спальней, если бы все не было так чертовски ужасно. Моя комната была альковом, примыкающим к кухне. Летом здесь было жарко, а зимой холодно, но, по крайней мере, пахло тут приятно. Кажется, раньше это была кладовая.

Она перевезла дядю Гарри в спецучреждение в Байонне. Чем меньше будет сказано об этом месте, тем лучше. Единственное, что в этом было хорошего, так это то, что бедный дядя Гарри все равно не понимал, где он находится; он бы точно так же писался в трусы, если бы был в «Беверли Хилтоне».

Другие вещи, которые я помню о 2009 и 2010 годах: Моя мама перестала делать прическу. Она перестала обедать с друзьями и обедала с клиентами только если это было действительно необходимо (потому что она, наверное, была единственным литературным агентом, кто всегда брал оплату по чеку на себя). Она не покупала много новой одежды, а та, которую она покупала,

была из дисконтных магазинов. И она начала пить много вина. Гораздо больше, чем раньше. Бывали ночи, когда она и ее подруга Лиз - поклонница Реджиса Томаса и детектив, о которой я вам уже рассказывал, - изрядно напивались. На следующее утро мама, красноглазая и раздраженная, возилась в своем кабинете в пижаме. Иногда она пела: «Опять наступили дерьмовые деньки, небо снова стало чертовски мрачным»[18]. В те дни я ходил в школу. Конечно же, это была *общественная* школа; мои школьные годы в частном заведении закончились благодаря Джеймсу Маккензи.

Во всем этом мраке было несколько лучиков света. Рынок редких книг, возможно, и был в заднице, но люди снова читали обычные книги - романы, чтобы убежать от реальности и книги по самопомощи, потому что, давайте посмотрим правде в глаза, в 2009 и 10 годах многим людям нужно было помочь самим себе. Мама всегда была большой любительницей всего таинственного, и она строила эту часть конюшни Конклина с тех пор, как взяла на себя обязанности дяди Гарри. У нее под крылом было десять или даже дюжина авторов детективов. Они не были боль-

[18] Примечания: 1.18

переделанная на прямо противоположный смысл песня Барбары Стрейзанд «Наступили счастливые деньки»

шими парнями и девчонками, но их пятнадцати процентов хватало, чтобы платить за квартиру и поддерживать свет в нашем новом доме.

Кроме того, была еще Джейн Рейнольдс, библиотекарь из Северной Каролины. Ее мистический роман под названием «Рыжий мертвец», пришел через транец[19], и мама была в полном восторге. Был объявлен аукцион на право публикации. В нем приняли участие все крупные компании, и права в итоге были проданы за два миллиона долларов. Триста тысяч из них причиталось нам, и мама снова заулыбалась.

- Пройдет еще немало времени, прежде чем мы доберемся до Парк-авеню, - сказала она, - и нам придется долго карабкаться, прежде чем мы выберемся из ямы, которую вырыл для нас дядя Гарри.

- А я не хочу возвращаться на Парк-авеню, - сказал я. - Мне и здесь нравится.

Она улыбнулась и обняла меня.

- Ты ж моя радость. - Она держала меня на расстоянии вытянутых рук и изучала. - И уже не такой маленький. Знаешь, на что я надеюсь,

---

[19] Примечания: 1.19

литературный сленг: рукопись прибыла через транец - т.е. без запроса или предварительной договоренности. Транец (в морском деле) - брус, образующий корму судна.

малыш?

Я отрицательно покачал головой.

- Что эта Джейн Рейнольдс, окажется малышкой на книгу в год[20]. И что по «Рыжему мертвецу» снимут фильм. Даже если ничего из этого не произойдет, есть старый добрый Реджис Томас и его Сага о Роаноке. Он - жемчужина в нашей короне.

Только «Рыжий мертвец» оказался похожим на последний лучик солнечного света перед приближением большой бури. Фильм так и не сняли, а издатели, сделавшие ставку на книгу, ошиблись, как это иногда бывает. Книга провалилась, что не повредило нам в финансовом отношении - деньги уже были выплачены, - но случились другие вещи, и эти триста тысяч исчезли, как пыль на ветру.

Во-первых, мамины зубы мудрости пошли ко всем чертям и загнили. Ей пришлось их все выдернуть. Это было плохо. Потом дядя Гарри, проблемный дядя Гарри, которому еще не исполнилось и пятидесяти, споткнулся в Байоннском спецучреждении и проломил себе череп. И это было намного хуже.

Мама поговорила с адвокатом, который по-

---

[20] Примечания: 1.20

book-a-year babe - сленговое выражение: человек, ежегодно пишущий книги, попадающие в списки бестселлеров

могал ей с контрактами на книги (и откусил солидный кусок от нашего агентского гонорара за свои хлопоты). Он порекомендовал другого адвоката, который специализировался на исках об ответственности и халатности. Адвокат сказал, что у нас выигрышное дело, и, может быть, так оно и было, но еще до того, как дело дошло до зала суда, Байоннское спецучреждение объявило себя банкротом. Единственный, кто заработал на этом деньги, был модный адвокат-неудачник, на счету которого прибавилось чуть меньше сорока тысяч долларов.

- Ох уж эти оплачиваемые сука-часы, - сказала мама однажды вечером, когда они с Лиз Даттон допивали вторую бутылку вина. Лиз рассмеялась, потому что это были не ее сорок тысяч. Мама рассмеялась, потому что ее объегорили. Я был единственным, кто не видел в этом ничего смешного, потому что дело было не только в адвокатских счетах. Мы были на крючке и из-за медицинских счетов дяди Гарри.

Хуже всего было то, что на маму наехала налоговая служба, желающая вернуть налоги, которые задолжал дядя Гарри. Он объегоривал другого дядю - Сэма - чтобы вложить побольше денег в «Фонд Маккензи». Однако оставался еще

Реджис Томас.

Драгоценный камень в нашей короне.

7

А теперь зацените вот что:

На дворе осень 2009 года. Обама - президент, и экономика страны постепенно улучшается. Для нас - не очень. Я учусь в третьем классе, и мисс Пирс заставляет меня решать на доске задачу с дробями, потому что я хорошо разбираюсь в этом дерьме. Хочу сказать, что легко мог вычислять проценты еще с семи лет - я ведь сын литературного агента, помните? Дети позади меня шумят и ерзают, потому что сейчас забавный маленький отрезок учебного процесса между Днем Благодарения и Рождеством. Задача так же проста, как мягкое масло на тосте, и я как раз заканчиваю, когда мистер Эрнандес, помощник директора, просовывает голову в класс. Он и мисс Пирс коротко переговариваются вполголоса, а потом мисс Пирс просит меня выйти в коридор.

Там меня ждет мама, бледная, как стакан молока. *Обезжиренного* молока. Моя первая мысль: *Дядя Гарри, у которого теперь в черепе стальная пластина, защищающая его бесполезный мозг, умер.* Что в ужасном смысле было не плохо, по-

тому что существенно сократило бы расходы. Но когда я спрашиваю, она говорит, что с дядей Гарри - к тому времени он жил в третьеразрядном доме престарелых в Пискатауэе (и продолжал двигаться дальше на запад, как какой-то долбаный безмозглый первопроходец) - все в порядке.

Мама толкает меня по коридору к двери, прежде чем я успеваю задать еще какие-нибудь вопросы. У желтого тротуара, где родители высаживают детей утром и забирают днем, припаркован «Форд-седан» с проблесковым маячком на приборной панели. Рядом с машиной в синей куртке с надписью «Нью-йоркский полицейский департамент» стоит Лиз Даттон.

Мама торопит меня к машине, но я упираюсь и принуждаю ее остановиться.

- В чем дело? - спрашиваю я. - Скажи мне!

Я не плачу, но слезы уже близко. С тех пор, как мы узнали о «Фонде Маккензи», было много плохих новостей, и я не думаю, что смогу вынести ещё одну, но тут же её получаю. Умер Реджис Томас.

Драгоценный камень взял и выпал из нашей короны.

8

Здесь я должен остановиться и рассказать вам о Реджисе Томасе. Моя мать часто говорила, что большинство писателей такие же странные, как дерьмо, которое светится в темноте, и мистер Томас был тому наглядным примером.

Сага о Роаноке - так он ее называл - на момент его смерти, состояла из девяти книг, каждая толщиной с кирпич.

- Старина Реджис всегда подает большую порцию, - однажды сказала мама. Когда мне было восемь, я стащил с одной из полок в офисе экземпляр первой книги - «Смертельное болото Роанока» - и прочитал ее. Никаких проблем. Я был так же хорош в чтении, как и в математике, и видел мертвых людей (это не хвастовство - это чистая правда). К тому же «Смертельное болото» - это не совсем «Поминки по Финнегану»[21]

Я не говорю, что она была плохо написана, не поймите меня превратно; этот человек мог

---

[21] Примечания: 1.21

«Поминки по Финнегану» (англ. Finnegans Wake) - экспериментальный роман ирландского писателя-модерниста Джеймса Джойса, написанный в технике «потока сознания». Вызвал крайне неоднозначную реакцию в литературном сообществе.

рассказывать истории. Там было много приключений, много страшных сцен (особенно в «Смертельном болоте»), поиск зарытых сокровищ и большая горячая порция старого доброго С-Е-К-С-А. Из этой книги я узнал о значении выражения шестьдесят девять больше, чем должен знать восьмилетний ребенок. Я узнал и еще кое-что, хотя настоящую взаимосвязь установил немного позже. Речь идет о тех ночах, когда мамина подруга Лиз оставалась ночевать в нашей квартире.

Я бы сказал, что в «Смертельном болоте» через каждые пятьдесят страниц была сексуальная сцена, включая одну на дереве, в то время как голодные аллигаторы ползали прямо под ним. Мы сейчас говорим о «Пятидесяти оттенках Роанока». В раннем подростковом возрасте Реджис Томас научил меня дрочить, и если это для вас слишком много информации, смиритесь.

Книги действительно были сагой, в том смысле, что они рассказывали одну продолжающуюся историю с участием постоянных персонажей. Это были сильные мужчины со светлыми волосами и веселыми глазами, ненадежные мужчины с бегающими глазками, благородные индейцы (которые в более поздних книгах стали благородными коренными американцами) и великолеп-

ные женщины с упругой, высокой грудью. Все - и хорошие, и плохие, и высокогрудые - были похотливыми.

Сердцем саги, тем, что заставляло читателей раз за разом покупать новую книгу (кроме дуэлей, убийств и секса), был титанический секрет, из-за которого исчезли все поселенцы Роанока. Виноват ли в этом Джордж Тредгилл, - главный злодей? Неужели все поселенцы мертвы? Неужели под Роаноком действительно есть древний город, полный древней мудрости? Что имел в виду Мартин Бетанкур, когда сказал: «Время - это ключ», прямо перед своим исчезновением? Что на самом деле означало загадочное слово «Кроатон», вырезанное на частоколе покинутой общины? Миллионы читателей жаждали получить ответы на эти вопросы. Для тех, кому в далеком будущем будет трудно в это поверить, почитайте что-нибудь из Джудит Кранц[22] или Гарольда Роббинса[23]. Их книги также читают

---

[22] Примечания: 1.22

Джудит Кранц (1928 - 2019) - американская писательница, автор женских романов

[23] Примечания: 1.23

Гарольд Роббинс - (1916-1997) - известный американский писатель. Его книги можно характеризовать как остросюжетные романы, где домантатами являются секс, деньги и власть, в них широко используются светские сплетни и завуалированные факты из биографий известных людей

миллионы людей.

Персонажи Реджиса Томаса были классической проекцией. Или, может быть, я имею в виду нереализованные желания. Он был маленьким сморщенным чуваком, чью авторскую фотографию регулярно меняли, чтобы сделать его лицо менее похожим на дамскую кожаную сумочку. Он не переезжал в Нью-Йорк, потому что не мог. Парень, который писал о бесстрашных мужчинах, прокладывающих себе путь через чумные болота, сражающихся на дуэлях и занимающихся спортивным сексом под звездами, был холостяком-агорафобом[24], который жил в гордом одиночестве. Кроме того, он был невероятным параноиком (так говорила моя мать) в отношении своих книг. Никто не видел рукопись до тех пор, пока она не была закончена, - после того, как первые два тома имели оглушительный успех, оставаясь на вершине списков бестселлеров в течение нескольких месяцев, - в том числе и редактор. Он настаивал, чтобы книги были опубликованы так, как он их написал, слово в слово.

Он не был парнем на книгу в год (Эльдорадо

---

[24] Примечания: 1.24

Агорафобия - боязнь открытого пространства, открытых дверей; расстройство психики, в рамках которого появляется страх скопления людей

каждого литературного агента), но на него можно было положиться; книга с Роаноком в названии появлялась каждые два - три года. Первые четыре появились во время руководства издательством дяди Гарри, следующие пять - мамы. В том числе и «Призрачная дева Роанока», которую Томас объявил предпоследней. Последняя книга серии, пообещал он, ответит на все вопросы, которые его верные читатели задавали с тех самых первых экспедиций в Смертельное Болото. Кроме того, это будет самая длинная книга в серии, может быть, семьсот страниц. (Что позволило бы издателю прибавить один-два доллара к цене.) И как только Роанок и все его тайны будут раскрыты, как он признался моей матери во время одного из ее визитов в его резиденцию на севере штата Нью-Йорк, он намеревался начать многотомную серию, посвященную «Марии Селесте»[25].

Все это звучало хорошо, пока он не упал замертво за своим столом, закончив только тридцать

[25] Примечания: 1.25

«Мария Селеста» - парусный корабль (бригантина), покинутый экипажем по невыясненной причине и найденный 4 декабря 1872 года в 400 милях от Гибралтара. Классический пример корабля-призрака.

или около того страниц своего *магнум опус*[26]. Ему заплатили три миллиона вперед, но без книги аванс придется вернуть, включая нашу долю. Только наша доля либо уже ушла, либо была в закладе. Тут, как вы, наверное, догадались, настал мой выход.

Ладно, вернемся к истории.

[26] Примечания: 1.26

Magnum opus (лат. великая работа) в науке или искусстве - лучшая, наиболее амбициозная работа учёного, писателя, художника или композитора

9

Когда мы подошли к полицейской машине без опознавательных знаков (я знал, что это именно она, я видел ее много раз, припаркованной перед нашим домом с табличкой ДЕЖУРНЫЙ СОТРУДНИК ПОЛИЦИИ на приборной панели), Лиз распахнула полу своей куртки, чтобы показать мне пустую наплечную кобуру. Это было что-то вроде семейной шутки. Никакого оружия рядом с моим сыном, это было твердое мамино правило. Лиз всегда показывала мне пустую кобуру, когда ее носила, и я много раз видел ее на кофейном столике в нашей гостиной. А еще на ночном столике рядом с кроватью, которой мама не пользовалась, и к девяти годам я уже довольно хорошо представлял себе, что это значит. «Смертельное болото Роанока» включала в себя некоторые пикантные вещи, происходящие между Лорой Гудхью и Пьюритти [27] Бетанкур, вдовой Мартина Бетанкура (непорочной она точно не была).

- Что она здесь делает? - спросил я маму, когда

---

[27] Примечания: 1.27
игра слов: Purity(англ.) - Чистый, непорочный

мы садились в машину. Лиз была рядом, так что, наверное, это было невежливо, если не сказать откровенно грубо, но меня только что выдернули из класса и еще до того, как мы вышли на улицу, сказали, что наш талон на питание аннулирован.

- Садись, Чемпион, - сказала Лиз. Она всегда называла меня Чемпионом. - Время дорого.

- Я не хочу. У нас на обед рыбные палочки.

- Не-а, - сказала Лиз, - у нас будут гамбургеры и картошка фри. Я покупаю.

- Садись, - сказала мама. - Пожалуйста, Джейми.

Делать нечего, я сел сзади. На полу валялась пара оберток из «Тако Белл»[28] и пахло, как попкорн из микроволновки. Был и еще один запах, который я связывал с нашими визитами к дяде Гарри в его разнообразные спецучреждения, но, по крайней мере, между задней и передней дверью не было металлической решетки, как я видел в некоторых полицейских шоу, которые смотрела мама (она была неравнодушна к «Про-

---

[28] Примечания: 1.28

Taco Bell (Тако Белл) - международная сеть ресторанов быстрого питания адаптированной кухни текс-мекс.

слушке»[29]).

Мама села спереди, и Лиз выехала, остановившись на первом же светофоре, чтобы включить мигалку. Та начала выдавать свои *бип-бип-бип*, но даже без сирены машины разъезжались с ее пути, когда мы вихрем неслись по Рузвельт-драйв.

Мама обернулась и посмотрела на меня из-за спинки сиденья с таким выражением, что я испугался. Она выглядела отчаявшейся.

- Может быть, он у себя дома, Джейми? Я уверена, что его тело увезли в морг или похоронное бюро, но может он все еще там?

Ответа на этот вопрос я не знал, но сначала не сказал ни этого, ни чего-либо еще. Я был слишком изумлен. И обижен. Может быть, даже зол, точно не помню, но изумление и обиду я помню очень хорошо. Она велела мне никогда никому не рассказывать о том, что я вижу мертвых, и я никогда этого не делал, но *сама* проболталась. Рассказала все Лиз. Вот почему Лиз была здесь, и скоро будет использовать свою мигалку на приборной панели, чтобы убрать машины с нашего пути на Спрейн-Брук-Парквей.

---

[29] Примечания: 1.29

«Прослушка» (англ. The Wire) - американская телевизионная полицейская драма, действие которой происходит в Балтиморе и его окрестностях.

Наконец я произнес:

- Как давно она знает?

В зеркале заднего вида я увидел, как Лиз подмигнула мне, словно говоря: *у нас есть тайны*. Мне это не понравилось. Только мы с мамой должны были знать этот секрет.

Мама перегнулась через сиденье и схватила меня за запястье.

Ее рука была холодной.

- Забей, Джейми, просто скажи мне, может ли он все еще быть там.

- Да, наверное. Если он умер именно там.

Мама отпустила меня и велела Лиз ехать быстрее, но та покачала головой.

- Не очень хорошая идея. Мы нарвемся на патрульных, и они захотят узнать, в чем дело. Я должна сказать им, что нам нужно поговорить с мертвым парнем, прежде чем он исчезнет? - По тому, как она это произнесла, я понял, что она не поверила ни единому слову из того, что сказала ей мама, она просто над ней потешалась. Подшучивала над ней. Меня это вполне устраивало. Что же касается мамы, то, по-моему, ей было все равно, что думает Лиз, лишь бы она доставила нас в Кротон-на-Гудзоне.

- Тогда как можно быстрее.

- Принято Ти-ти. - Мне не нравилось, когда она так называла маму, так некоторые дети в моем классе называли необходимость сходить в туалет, но мама, похоже, не возражала. В тот день ей было бы все равно, даже если бы Лиз назвала ее Большегрудой Бонни. Наверное, даже не заметила бы.

- Некоторые люди умеют хранить секреты, а некоторые - нет, - сказал я. Я ничего не мог с собой поделать. Думаю, я был зол.

- Прекрати, - сказала мама. - Я не могу позволить тебе дуться.

- Я и не дуюсь, - сказал я угрюмо.

Я знал, что они с Лиз были близки, но она и я должны были быть еще ближе. Она могла бы, по крайней мере, спросить меня, что я об этом думаю, прежде чем выдать нашу величайшую тайну однажды ночью, когда они с Лиз были в постели после восхождения по тому, что Реджис Томас называл «лестницей страсти».

- Я вижу, что ты расстроен, и ты можешь позлиться на меня позже, но сейчас ты мне нужен, малыш. - Она как будто забыла о присутствии Лиз, но я видел ее глаза в зеркале заднего вида и знал, что она прислушивается к каждому слову.

- Ладно. - Она меня немного пугала. - Успокойся,

мама.

Она провела рукой по волосам и между делом дернула челку.

- Это так несправедливо. Все, что с нами случилось... все, что происходит сейчас... это какая-то гребаная херня! - Она взъерошила мне волосы. - Ты этого не слышал.

- Да, я ничего не слышал, - сказал я. Потому что все еще злился, но она была права. Помните, я говорил, что в романе Диккенса полно нецензурщины? Знаете, почему люди читают такие книги? Потому что они радуются, что с ними не происходит подобное дерьмо.

- Я жонглирую купюрами уже два года и ни разу ни одной не уронила. Иногда мне приходилось кидать маленьких, чтобы заплатить большим, иногда я кидала больших, чтобы заплатить кучке маленьких, но свет всегда горел, и мы никогда не пропускали ужин. Верно?

- Да, да, да, - сказал я, думая, что это вызовет улыбку. Но этого не произошло.

- Но теперь... - Она еще раз дернула свою челку, заставив волосы слипнуться. - Теперь полдюжины счетов должны быть оплачены сразу и сейчас,

и чертова Служба внутренних доходов[30] возглавляет стаю. Я тону в море красных чернил, и я ожидала, что Реджис меня спасет. А этот сукин сын взял и умер! В пятьдесят девять лет! Кто умирает в пятьдесят девять лет, если только не имеет ста фунтов лишнего веса и не употребляет наркотики?

- Люди, больные раком? - Спросил я.

Мама слабо фыркнула и опять дернула свою бедную челку.

- Полегче, Ти, - пробормотала Лиз. Она положила ладонь на мамину шею, но я не думаю, что мама это почувствовала.

- Книга может нас спасти. Книга, книга, и ничего, кроме книги. - Она дико рассмеялась, что напугало меня еще больше. - Я знаю, что он написал всего пару глав, но больше никто об этом не знает, потому что он не разговаривал ни с кем, кроме моего брата, пока Гарри не заболел, а теперь со мной. Он не делал набросков и не делал записей, Джейми, потому что говорил, что это сковывает творческий процесс. И еще потому,

---

[30] Примечания: 1.30

Налоговая служба США (англ. Internal Revenue Service «Служба внутренних доходов») - государственный орган Федерального правительства Соединённых Штатов Америки, который занимается сбором налогов и контролирует соблюдение законодательства о налогообложении

что ему не нужно было этого делать. Он всегда знал, куда движется.

Она снова взяла меня за запястье и сжала так сильно, что остались синяки. Я видел их позже той ночью.

- Он *все еще* может знать.

10

Мы заехали в Тэрритаунский «Бургер Кинг», и я, как и было обещано, получил огромный гамбургер. И еще шоколадный коктейль. Мама не хотела останавливаться, но Лиз настояла.

- Он растет, Ти. Ему нужна еда, даже если ты этого не понимаешь.

За это она мне нравилась, и за кое-что еще, но было и то, за что она мне не нравилось. Серьезные вещи. Я до этого доберусь, буду вынужден это сделать, но пока давайте просто скажем, что мои чувства к Элизабет Даттон, детективу 2-го класса, Нью-йоркского полицейского департамента, были сложными.

Она сказала еще кое-что, прежде чем мы добрались до Кротона-на-Гудзоне, и я должен об этом упомянуть. Она просто поддерживала разговор, но позже (я знаю, опять это слово) это оказалось важным. Лиз сказала, что Бомбила наконец-то кого-то убил.

Человек, который называл себя Бомбила, в последние несколько лет время от времени появлялся в местных новостях, особенно на «Нью-

Йорк-Ван»[31], который мама смотрела почти каждый вечер, пока готовила ужин (а иногда и пока мы ели, если это был день интересных новостей). «Царство террора»[32] Бомбилы - спасибо, «Нью-Йорк-Ван» за идиому - на самом деле началось еще до моего рождения, и он был своего рода городской легендой. Знаете, как Слендермен [33] или Крюк, только с взрывчаткой.

- Кого? - Спросил я. - Кого он убил?

- Как скоро мы туда доберемся? - спросила мама. У нее не было ни малейшего интереса к Бомбиле; у нее была своя рыба, которую нужно было поджарить.

- Парня, который совершил ошибку, пытаясь воспользоваться одной из немногих оставшихся на Манхэттене телефонных будок, - сказала Лиз,

---

[31] Примечания: 1.31

NY1 (также официально известный как New York One) - американский кабельный новостной телеканал

[32] Примечания: 1.32

Царство террора - период Французской революции, когда после создания Первой Французской Республики в ответ на революционный пыл, антиклерикальные настроения и обвинения в измене со стороны Комитета общественной безопасности произошла серия массовых убийств и многочисленных публичных казней.

[33] Примечания: 1.33

Слендермен (англ. The Slender Man, Slenderman) - персонаж, созданный участником интернет-форума Something Awful в 2009 году в подражание персонажам городских легенд. В качестве интернет-мема Тонкий человек приобрёл широкую известность, породив ряд рассказов,

образцов фан-арта и косплея, а также став персонажем компьютерных и мобильных игр и фильмов ужасов.

игнорируя мою мать. - Саперы считают, что бомба взорвалась в ту же секунду, как он снял трубку. Две динамитные шашки…

- Нам обязательно об этом говорить? - спросила мама. - И почему все эти чертовы светофоры красные?

- Две динамитные шашки, приклеенные скотчем под маленьким выступом, куда люди могут класть сдачу, - продолжала Лиз, ничуть не смутившись. - Надо отдать ему должное, Бомбила - изобретательный СУКИН сын. Они собираются собрать еще одну оперативную группу - уже третью с 1996 года, - и я постараюсь в неё попасть. Я уже была в последней, так что у меня есть шанс, я могу поучаствовать сверхурочно.

- Зеленый свет, - сказала мама. - Двигай.

Лиз нажала на газ.

11

Я все еще доедал картошку фри (к тому времени уже остывшую, но я не возражал), когда мы свернули на маленькую тупиковую улочку под названием Булыжный переулок. Возможно, когда-то здесь и были булыжники, но теперь здесь был просто гладкий асфальт. А вот дом в конце переулка представлял собой настоящий Булыжный коттедж. Это был большой каменный дом с причудливыми резными ставнями и мхом на крыше. Вы слышите меня, *мхом*. С ума сойти, да? Там были ворота, но они были открыты. На столбах ворот, из того же серого камня, что и дом, висели две таблички. Одна гласила: НЕ НАРУШАЙТЕ ГРАНИЦЫ, МЫ УСТАЛИ ХОРОНИТЬ ТЕЛА. Другая, с изображением рычащей немецкой овчарки, гласила: БЕРЕГИТЕСЬ БОЙЦОВОЙ СОБАКИ.

Лиз остановилась и посмотрела на мою мать, подняв брови.

- Единственное тело, которое Реджис когда-либо хоронил, был его любимый попугай Фрэнсис, - сказала мама. - Назван в честь исследователя Фрэнсиса Дрейка. И у него никогда не было собаки.

- Аллергия, - сказал я с заднего сиденья.

Лиз подъехала к дому, остановилась и выключила мигалку на приборной панели.

- Двери гаража закрыты, и я не вижу машин. Как думаешь, здесь есть кто-нибудь?

- Никого, - ответила мама. - Его нашла экономка. Миссис Куэйл. Давина. Она и садовник на полставки составляли весь его штат. Милая женщина. Она позвонила мне сразу после того, как вызвала скорую. *Скорая помощь* навела меня на мысль, а уверена ли она, что он действительно мертв, но она сказала, что это так, потому что, прежде чем работать на Реджиса, она работала медсестрой в доме престарелых, но, как бы там ни было, он все равно должен был сначала попасть в больницу. Я велела ей идти домой, как только тело заберут. Она была очень напугана. Она спросила о Фрэнке Уилкоксе, бизнес-менеджере Реджиса, и я сказала, что свяжусь с ним. Со временем я это сделаю, но в последний раз, когда я разговаривала с Реджисом, он говорил мне, что Фрэнк и его жена находятся в Греции.

- А пресса? - спросила Лиз. - Ведь он был автором бестселлеров.

- Господи, я не знаю, - мама дико огляделась, словно ожидая увидеть репортеров, прячущихся

в кустах. - Я никого не вижу.

- Возможно, они еще не знают, - сказала Лиз. - Если они узнают, если услышат по радиосвязи, то сначала поедут за полицейскими и медиками. Тела здесь нет, значит, и новостей тоже. У нас есть немного времени, так что успокойся.

- У меня есть брат, который, возможно, будет жить в спецучреждении в течение следующих тридцати лет, и мальчик, который, возможно, захочет когда-нибудь поступить в колледж, так что не говори мне, чтобы я успокоилась. Джейми, ты его видишь? Ты ведь знаешь, как он выглядит?

- Я знаю, как он выглядит, но я его не вижу, - сказал я.

Мама застонала и хлопнула ладонью по своей бедной спутанной челке.

Я схватился за дверную ручку, и, к моему удивлению, ее там не оказалось. Я сказал Лиз, чтобы она меня выпустила. Мы все вышли.

- Постучи в дверь, - сказала Лиз. - Если никто не ответит, мы обойдем дом и поднимем Джейми, чтобы он мог заглянуть в окна.

Мы могли это сделать, потому что все ставни - с вырезанными на них причудливыми маленькими декоративными фигурками - были открыты. Мама бросилась к двери, и на мгновение мы с Лиз

остались одни.

- Ты же на самом деле не можешь видеть мертвецов, как парень в том фильме, правда, Чемпион?

Мне было все равно, поверит она мне или нет, но что-то в ее тоне - как будто все это было большой шуткой - меня разозлило.

- Мама рассказала тебе о кольцах миссис Беркетт, не так ли?

Лиз пожала плечами.

- Возможно, это была удачная догадка. Ты случайно не видел по дороге сюда мертвецов?

Я сказал, что нет, но это трудно понять, пока вы с ними не поговорите... или они не поговорят с вами. Однажды, когда мы с мамой ехали в автобусе, я увидел девушку с такими глубокими порезами на запястьях, что они выглядели как красные браслеты, и я был почти уверен, что она мертва, хотя она и близко не была такой мерзкой, как человек из Центрального парка. И как раз в тот день, когда мы выезжали из города, я заметил старую женщину в розовом халате, стоявшую на углу Восьмой авеню. Когда зажегся зеленый свет, она просто стояла и смотрела по сторонам, как турист. У нее в волосах были эти цилиндрические штуковины. Она могла быть мертвой, но

она также могла быть живым человеком, просто бродящим вокруг, как, по словам мамы, иногда делал дядя Гарри, прежде чем ей пришлось поместить его в то первое спецучреждение. Мама рассказывала мне, что когда дядя Гарри начал это делать, иногда в пижаме, она перестала верить, что он может поправиться.

- Гадалки всегда предсказывают удачу, - сказала Лиз. - А еще есть старая поговорка о том, что даже остановившиеся часы дважды в день показывают правильное время.

- Значит, ты считаешь, что моя мать сходит с ума, а я ей в этом потакаю?

Она рассмеялась.

- Это называется *включением*, Чемпион, и нет, я так не думаю. Я думаю, что она расстроена и хватается за соломинку. Ты знаешь, что это значит?

- Ага. Что она сумасшедшая.

Лиз снова покачала головой, на этот раз более решительно.

- У нее сильный стресс. Я все прекрасно понимаю. Но выдумки ей не помогут. Надеюсь, и *ты* это *поймешь*.

Вернулась мама.

- Никто не отвечает, и дверь заперта.

- Хорошо, - сказала Лиз. - Пойдем, заглянем в

окна.

Мы обошли вокруг дома. Я мог заглянуть в окна столовой, потому что они доходили до самого пола, но я был слишком мал для большинства других. Лиз делала ступеньку из рук, чтобы я смог в них заглянуть. Я увидел большую гостиную с широкоэкранным телевизором и множеством причудливой мебели. Я увидел столовую со столом, достаточно длинным, чтобы вместить стартовый состав «Метс»[34], плюс, возможно, их дублирующих питчеров. Что было безумием для парня, который ненавидел компанию. Я увидел комнату, которую мама называла маленькой гостиной, а за ней - кухню.

- Может быть, он наверху. Я никогда там не был, но если он умер в постели... или в туалете... он все еще может быть там.

- Я сомневаюсь, что он умер на троне, как Элвис, но полагаю, что это возможно.

Это меня рассмешило, называть туалет троном, но я тут же остановился, увидев выражение маминого лица. Дело было серьезное, и она теряла надежду. Там была кухонная дверь, и она попы-

---

[34] Примечания: 1.34

«Нью-Йорк Метс» (англ. New York Mets) — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Восточном дивизионе Национальной лиги Главной лиги бейсбола

талась повернуть ручку, но та была заперта, как и входная.

Она повернулась к Лиз.

- Может быть, мы могли бы…

- Даже не думай об этом, - сказала Лиз. - Мы ни в коем случае не будем вламываться, Ти. У меня хватает проблем в отделе и без того, чтобы включать систему безопасности недавно умершего автора бестселлеров и пытаться объяснить, что мы здесь делаем, когда появятся ребята из «Бринкса» или «АДТ»[35]. Или местные копы. Кстати, о копах... Он умер в одиночестве, верно? Его нашла экономка?

- Да, миссис Куэйл. Она позвонила мне, я же тебе говорила…

- Копы захотят задать ей несколько вопросов. Наверное, делают это прямо сейчас. Или, может быть, судмедэксперт. Я не знаю, как тут у них в округе Уэстчестер делаются дела.

- Потому что он знаменит? Потому что они думают, что его кто-то мог убить?

- Потому что это рутина. И да, наверное, потому, что он знаменит. Дело в том, что я бы очень хотела, чтобы нас здесь не было.

---

[35] Примечания: 1.35
частные охранные компании

Плечи мамы поникли.

- Ничего, Джейми? Никаких следов?

Я отрицательно покачал головой.

Мама вздохнула и посмотрела на Лиз.

- Может, стоит проверить гараж?

Лиз пожала плечами, давая понять, что это *не её вечеринка*.

- Джейми? А ты как думаешь?

Я не мог себе представить, почему мистер Томас болтается в своем гараже, но догадывался, что это возможно. Может быть, у него была любимая машина.

- Думаю, мы должны попробовать. Если уж мы здесь.

Мы направились к гаражу, но тут я остановился. За бассейном мистера Томаса была посыпанная гравием дорожка. Дорожка была обсажена деревьями, но поскольку время позднеосеннее и большая часть листьев уже опала, я смог разглядеть небольшое зеленое здание. Я указал на него.

- Что это?

Мама еще раз шлепнула себя по лбу. Я уже начал беспокоиться, что у нее может развиться опухоль мозга или что-нибудь в этом роде.

- О Боже, *La Petite Maison dans le Bois*[36]! Почему я не подумала об этом с самого начала?

- Что это? - Спросил я.

- Его кабинет! Там, где он пишет! Если он где-то и есть, то только там! Вперед!

Она схватила меня за руку и повела вокруг мелкого края бассейна, но когда мы добрались до места, где начиналась гравийная дорожка, я остановился. Мама продолжала идти, и если бы Лиз не схватила меня за плечо, я, вероятно, упал бы лицом вниз.

- Мама? *Мама!*

Она нетерпеливо обернулась. Вот только это не то слово. Она выглядела почти безумной.

- Вперед, туда! Говорю вам, если он *здесь*, то это может быть только *там*!

- Тебе нужно успокоиться, Ти, - сказала Лиз. - Мы проверим его писательскую каюту, а потом, думаю, уберемся отсюда.

- *Мама!*

Мама не обратила на меня внимания. Она начала плакать, чего почти никогда не делала. Она не сделала этого, даже когда узнала, сколько денег хочет получить с неё Налоговая служба, в

---

[36] Примечания: 1.36
маленький домик в лесу(франц.)

тот день она просто стучала кулаками по столу и называла их кучкой кровососущих ублюдков, но сейчас она плакала.

- Ты можешь убираться отсюда, если хочешь, но мы останемся здесь, пока Джейми не убедится, что это облом. Для тебя это может быть просто увеселительная прогулка, потакание сумасшедшей леди…

- Это несправедливо!

- ... но мы говорим о *моей* жизни.

- Я это знаю.

-… и жизни Джейми, и…

- *МАМА!*

Одна из худших вещей в том, чтобы быть ребенком, может быть, самая худшая, - это то, что взрослые игнорируют тебя, когда занимаются своим дерьмом. - *МАМА! ЛИЗ! ВЫ ОБЕ! ПРЕКРАТИТЕ!*

Они прекратили перепалку. Они посмотрели на меня. Мы стояли, две женщины и маленький мальчик в толстовке «Нью-Йорк Метс» с капюшоном, у осушенного бассейна пасмурным ноябрьским днем.

Я указал на посыпанную гравием дорожку, ведущую к маленькому домику в лесу, где мистер Томас писал свои книги о Роаноке.

- Он здесь, - сказал я.

12

Он подошел к нам, что меня не удивило. Большинство из них, не все, но большинство, на какое-то время притягиваются к живым людям, как жуки летят на свет. Это ужасный способ выразить происходящее, но это все, что я могу придумать. Я бы знал, что он мертв, даже если бы не знал, что он мертв, из-за того, во что он был одет. День был прохладный, но он был одет в простую белую футболку, мешковатые шорты и сандалии с ремешками, которые мама называла туфлями Иисуса. Кроме того, было еще кое-что, что-то странное: желтый пояс с голубой лентой, приколотой к нему.

Лиз что-то говорила маме о том, что там никого нет, а я просто делаю вид, но я не обращал на это внимания. Я высвободился из маминой руки и подошел к мистеру Томасу. Он остановился.

- Здравствуйте, мистер Томас, - сказал я. - Я Джейми Конклин. Сын Тиа.

- Да ладно тебе, - сказала Лиз у меня за спиной.

- Успокойся, - сказала мама, но скептицизм Лиз, должно быть, до нее дошел, потому что она

спросила меня, уверен ли я, что мистер Томас действительно там.

Это я тоже проигнорировал. Меня интересовал пояс, который он носил. Он был на нем, когда он умер.

- Я сидел за своим столом, - сказал он. - Я всегда ношу пояс, когда пишу. Это мой талисман.

- А зачем вам голубая лента?

- Когда учился в шестом классе, я выиграл Региональный конкурс по орфографии. Обошел всех детей из двадцати других школ. Я проиграл в Государственном конкурсе, но получил эту голубую ленту за Региональный. Мама сделала пояс и приколола к нему ленту.

Мне показалось странным, что он до сих пор носит эту вещь, потому что шестой класс, должно быть, был для мистера Томаса миллион лет назад, но он сказал все это без всякого смущения или застенчивости. Некоторые мертвецы могут чувствовать любовь - помните, я рассказывал вам, как миссис Беркетт поцеловала мистера Беркетта в щеку? - и они могут чувствовать ненависть (это я узнал позже), но большинство других эмоций, кажется, уходят, когда они умирают. Даже любовь никогда не казалась мне такой уж сильной. Мне не хотелось бы говорить вам об этом, но

ненависть чувствуется сильнее и длится дольше. Я думаю, что люди видят призраков (в отличие от мертвых людей), только потому, что они их ненавидят. Люди думают, что призраки страшны, потому что они *сами такие*.

Я повернулся к маме и Лиз.

- Мама, ты знаешь, что мистер Томас носит пояс, когда пишет?

Ее глаза расширились.

- Это было в интервью, которое он давал «Салону» пять или шесть лет назад. Пояс и сейчас на нем?

- Ага. На поясе прикреплена голубая ленточка. Он…

- Он выиграл орфографический конкурс! В интервью он смеялся и называл это «моей глупой прихотью».

- Может быть, и так, - сказал мистер Томас, - но у большинства писателей есть глупые прихоти и суеверия. В этом смысле мы как бейсболисты, Джимми. И кто может спорить с автором девяти бестселлеров «Нью-Йорк Таймс» подряд?

- Я - Джейми, - сказал я.

- Ты рассказала Чемпиону об интервью, Ти, - сказала Лиз. Должно быть. Или он сам это прочитал. Он чертовски внимательный читатель.

Он знал, вот и все и он…

- *Замолчи*, - с яростью сказала мама. Лиз подняла руки, словно сдаваясь.

Мама встала рядом со мной, глядя на то, что для нее было просто гравийной дорожкой, на которой никого не было. Мистер Томас стоял прямо перед ней с руками, засунутыми в карманы его шорт. Шорты были слишком свободны, и я надеялся, что он не будет сильно уж давить на свои карманы, потому что мне показалось, что на нем не было нижнего белья.

- Скажи ему то, что я велела тебе сказать!

Мама хотела, чтобы я сказал ему, что он должен помочь нам, иначе тонкий финансовый лед, по которому мы ходили год или больше, сломается, и мы утонем в море долгов. Кроме того, агентство начало терять клиентов, потому что некоторые из ее авторов знали, что мы в беде и, возможно, будем вынуждены закрыться. Крысы, бегущие с тонущего корабля - так она назвала их однажды вечером, когда Лиз не было дома, а мама допивала четвертый бокал вина.

Впрочем, я не стал утруждать себя всем этим бла-бла-бла. Мертвые люди должны отвечать на ваши вопросы - по крайней мере, пока они не исчезнут, - и они должны говорить правду. Поэтому

я просто взял и перешел к делу.

- Мама хочет знать, что там было в «Секрете Роанока». Она хочет знать всю историю. Вы ведь *знаете* всю историю, мистер Томас?

- Ну конечно. - Он засунул руки поглубже в карманы, и теперь я мог видеть небольшую полоску волос, бегущую по середине его живота от пупка и ниже. Я не хотел этого видеть, но все же увидел.

- У меня *всегда* все готово, *прежде* чем я что-нибудь напишу.

- Вы держите все это в голове?

- Приходится. Иначе кто-нибудь может все украсть. Выложить в Интернет. Испортить сюрприз.

Если бы он был жив, это прозвучало бы как паранойя. Мертвый, он просто констатировал факт или то, что считал фактом. И я подумал, что он прав. Компьютерные тролли всегда выкладывали в Сеть всякую ерунду, начиная от скучного дерьма вроде политических секретов и заканчивая действительно важными вещами, вроде того, что должно было произойти в финале

сезона «Граней»[37].

Лиз отошла от нас с мамой, села на одну из скамеек у бассейна, скрестила ноги и закурила. Очевидно, она решила позволить сумасшедшим управлять приютом. Меня это вполне устраивало. У Лиз были свои плюсы, но в то утро она в основном мешала.

- Мама хочет, чтобы вы мне все рассказали, - сказал я мистеру Томасу. - Я перескажу ей, и она напишет последнюю книгу о Роаноке. Она скажет, что вы выслали ей все это перед смертью, вместе с заметками о том, как закончить последние две главы.

Живым он бы взвыл при мысли, что кто-то другой закончит его книгу; его работа была самой важной вещью в его жизни, и он был настоящим собственником. Но сейчас он лежал где-то на столе в похоронном бюро, одетый в шорты цвета хаки и желтый пояс, который был на нем, когда он писал последние несколько предложений. И моя версия будущих событий больше не была для него ревнивой или собственнической по отноше-

---

[37] Примечания: 1.37

«Грань», или «За гранью» (англ. Fringe) - американский научно-фантастический телесериал Дж. Дж. Абрамса, Алекса Куртцмана и Роберто Орси. Премьера сериала состоялась в США 9 сентября 2008 года на телеканале Fox. Финальная сотая серия сериала вышла в эфир 18 января 2013 года

нию к его секретам.

- Она сможет это сделать? - только и спросил он.

Мама заверила меня (и Лиз) по дороге в Булыжный коттедж, что она действительно может это сделать. Реджис Томас настаивал, чтобы ни один переписчик не запятнал ни одного его драгоценного слова, но на самом деле мама годами переписывала его книги, не говоря ему об этом - даже тогда, когда дядя Гарри был еще в здравом уме и управлял бизнесом. Некоторые из изменений были довольно серьезными, но он этого не знал… или, по крайней мере, никогда ничего об этом не говорил. Если кто в мире и мог подражать стилю мистера Томаса, так это моя мать. Но стиль не был проблемой. Проблема была в *истории*.

- Она сможет, - сказал я, потому что это было проще, чем пересказывать ему все вышеизложенное.

- Кто эта другая женщина? - спросил мистер Томас, указывая на Лиз.

- Это подруга моей матери. Ее зовут Лиз Даттон. - Лиз быстро подняла глаза и закурила новую сигарету.

- Они с твоей мамой трахаются? - спросил мистер Томас.

- Скорее всего, да.

- Я так и думал. Видно по тому, как они смотрят друг на друга.

- Что он сказал? - с тревогой спросила мама.

- Он спросил, являетесь ли вы с Лиз близкими подругами, - сказал я. Немного неубедительно, но это все, что я смог придумать в тот момент. - Так вы перескажете нам «Тайну Роанока»? - спросил я мистера Томаса. - Я имею в виду всю книгу, а не только ее секретную часть.

- Да.

- Он сказал «да», - передал я маме, и она достала из сумки телефон и маленький диктофон. Она не хотела пропустить ни единого слова.

- Скажи ему, чтобы он был как можно более подробным.

- Мама говорит быть…

- Я все слышал, - сказал мистер Томас. - Я мертвый, а не глухой. - Его шорты были ниже, чем когда-либо.

- Круто, - сказал я. - Послушайте, может быть, вам лучше подтянуть шорты, мистер Томас, а то ваш Вилли замерзнет.

Он подтянул шорты так, что они повисли на его костлявых бедрах.

- Здесь холодно? Мне так не кажется. - Затем, не

меняя тона: - Тиа начинает стареть, Джимми.

Я не стал повторять ему, что меня зовут Джейми. Вместо этого я посмотрел на свою мать, и, Боже мой, она действительно выглядела старой. Во всяком случае, начинала. Когда это произошло?

- Расскажите нам эту историю, - попросил я. - Начните с самого начала.

- С какого начала? - спросил мистер Томас.

13

Это заняло полтора часа, и к тому времени, как мы закончили, я был вымотан, и, думаю, мама тоже. Мистер Томас выглядел точно так же, как и в начале, стоя там с этим вызывающим жалость желтым поясом, спадающим на его обрюзгший живот, и низко сидящими шортами. Лиз припарковала машину между столбами ворот с работающей мигалкой на приборной панели, что, вероятно, было хорошей идеей, потому что новость о смерти мистера Томаса получила распространение, и перед домом начали появляться люди, желающие сфотографировать Булыжный коттедж. Один раз она подошла к нам, чтобы спросить, как долго мы еще здесь пробудем, и мама просто от нее отмахнулась, сказала, чтобы она осмотрела территорию или что-то в этом роде, но в основном Лиз держалась от нас подальше.

Это было напряженно и утомительно, потому что наше будущее зависело от книги мистера Томаса. Это было несправедливо по отношению ко мне - нести такой груз ответственности, только не в девять лет, но выбора не было. Мне прихо-

дилось повторять все, что мистер Томас говорил маме - вернее, записывающим устройствам мамы, - а мистеру Томасу было что сказать. Когда он говорил мне, что может держать все в голове, он не просто пускал пыль. А мама продолжала задавать вопросы, в основном, уточняющие. Мистер Томас, казалось, не возражал (на самом деле, похоже, ему было все равно), но то, как мама тянула время, начало доставать меня до чертиков. К тому же во рту у меня жутко пересохло. Когда Лиз принесла мне остатки «Кока-колы» из «Бургер Кинга», я проглотил несколько глотков и обнял ее.

- Спасибо, - сказал я, возвращая бумажный стаканчик. - Мне это было нужно.

- Не стоит благодарности. - Лиз уже не выглядела скучающей. Теперь она выглядела задумчивой. Она не могла видеть мистера Томаса, и я не думаю, что она на сто процентов поверила, что он был там, но она знала, что что-то происходит, потому что слышала, как девятилетний мальчик рассказывает сложный сюжет с участием полудюжины главных персонажей и, по крайней мере, двух десятков второстепенных. О, а вот и тройничок (под воздействием канареечной травы, поставляемой услужливым коренным

американцем из народности Ноттоуэй), который составляли Джордж Тредгилл, Пьюрити Бетанкур и Лора Гудхью. Последняя, в итоге, и забеременела. Бедняжке Лоре всегда доставалась палка с дерьмовым концом[38].

В конце не такого уж и краткого резюме мистера Томаса открылся большой секрет, и это было слабовато. Я не собираюсь пересказывать его вам. Прочтите книгу и убедитесь сами. Если, конечно, вы её еще не читали.

- Теперь я скажу тебе последнюю фразу, - произнес мистер Томас. Он казался таким же свежим, как и в начале... Хотя «свежим», вероятно, не то слово, которое следует употреблять по отношению к покойнику. Однако его голос уже начал угасать. Правда, совсем чуть-чуть. - Потому что я всегда вставляю это предложение в финальную сцену, с самой первой книги. Это маяк, к которому я плыву.

- Последнее предложение на подходе, - сказал я маме.

- Слава Богу, - сказала она.

Мистер Томас поднял палец, как старый актер, готовящийся произнести свою большую речь.

---

[38] Примечания: 1.38
табуированная лексика: попасть в неприятное положение

- В тот день красное солнце зашло над опустевшим поселением, и вырезанное слово, которое озадачит поколения, засияло, словно обагренное кровью: КРОАТОН. Скажи ей, «кроатон» заглавными буквами, Джимми.

Я передал послание (хотя и не знал точно, что значит «обагренное кровью»), а затем спросил мистера Томаса, закончили ли мы. Как раз в тот момент, когда он сказал, что мы закончили, я услышал короткую сирену снаружи - два *вуп* и один *бла*.

- О Боже, - сказала Лиз, но не в панике; скорее, она этого ожидала. - Ну вот.

Она пристегнула значок к поясу и расстегнула куртку, чтобы его было видно. Потом она вышла за ворота и вернулась с двумя полицейскими. На них были куртки с нашивками полиции округа Уэстчестер.

- Черт с ними, с копами, - сказал мистер Томас, чего я совсем не понял. Позже, когда я спросил маму, она сказала, что это сленг из далеких 50-х.[39]

- Это мисс Конклин, - сказала Лиз. - Она моя подруга и была агентом мистера Томаса. Она

---

[39] Примечания: 1.39

сленг - Беги или убирайся отсюда, потому что полиция идет. Используется как настоятельный императив. Черт с ним, с копами! Меня не поймают! — полное выражение

попросила меня отвезти ее сюда, потому что боялась, что кто-нибудь может воспользоваться случаем и украсть что-нибудь на сувениры.

- Или украсть рукописи, - добавила мама. Маленький диктофон лежал в ее сумке, а телефон - в заднем кармане джинсов. - В частности, последнюю книгу из цикла романов, которые писал мистер Томас.

Лиз бросила на нее взгляд, который говорил: *достаточно уже*, *заткнись*, но мама продолжала:

- Он только что её закончил, и миллионы людей захотят ее прочесть. Я считала своим долгом убедиться, что у них есть этот шанс.

Копов это, похоже, не очень интересовало; они пришли осмотреть место, где умер мистер Томас. А еще убедиться, что люди, которые были замечены на его участке, имели веские причины там быть.

- По-моему, он умер в своем кабинете, - сказала мама и указала на *La Petite Maison*.

- Угу, - сказал один из полицейских. - Именно это мы и слышали. Обязательно проверим. - Ему пришлось наклониться, упершись руками в колени, чтобы встретиться со мной лицом к лицу; в те дни я был довольно хилым. - Как тебя зовут, сынок?

- Джеймс Конклин. - Я многозначительно посмотрел на мистера Томаса. - *Джейми*. А это моя мама. - Я взял ее за руку.

- Ты сегодня прогуливаешь школу, Джейми?

Прежде чем я успел ответить, вмешалась мама, сама любезность.

- Обычно я забираю его сразу после занятий, но я подумала, что сегодня не успею вернуться вовремя, поэтому мы заехали за ним, и забрали пораньше. Правда, Лиз?

- Роджер, - сказала Лиз. - Офицеры, мы не проверяли кабинет, поэтому я не могу сказать вам, заперт он или нет.

- Экономка оставила его открытым, а тело лежало внутри, - сказал тот, что разговаривал со мной. - Но она дала мне ключи, и мы запрем дверь после того, как его осмотрим.

- Ты мог бы сказать им, что никакого преступления не было, - сказал мистер Томас. - У меня был сердечный приступ. Больно, до чертиков.

Я не собирался рассказывать им ничего подобного. Мне было всего девять, но это не делало меня дураком.

- А ключ от ворот тоже есть? - спросила Лиз. Теперь она вела себя как профессионал. - Потому что они были открыты, когда мы сюда приехали.

- Есть, и мы запрем их, когда будем уходить, - сказал второй полицейский. - Хорошо, что вы припарковали там свою машину, детектив.

Лиз развела руками, вся такая профи.

- Если вы готовы, мы уходим с вашего пути.

- Мы должны знать, как выглядит эта ценная рукопись, чтобы убедиться, что она в безопасности.

Это был мяч, который моя мать могла отбить.

- Он прислал мне оригинал на прошлой неделе. На флешке. Я не думаю, что есть еще один экземпляр. Он в этом настоящий параноик.

- Был, - уточнил мистер Томас. Его шорты снова опустились.

- Спасибо, что вы приехали сюда и за всем присмотрели, - сказал второй полицейский. Он и другой коп пожали руки маме и Лиз, а также мне. Потом они пошли по гравийной дорожке к маленькому зеленому зданию, где умер мистер Томас. Позже я узнал, что многие писатели умирали за своими столами. Должно быть, в этой профессии это смерть Топ 1.

- Пойдем, Чемпион, - сказала Лиз. Она попыталась взять меня за руку, но я не позволил.

- Постойте минутку у бассейна, - сказал я. - Вы обе.

- Зачем? - спросила мама.

Я посмотрел на маму так, как никогда не смотрел раньше, - как будто она была глупой. И в тот момент я действительно думал, что она глупая. Они обе. Не говоря уже о том, что они были чертовски неблагодарными.

- Потому что ты получила то, что хотела, и я должен сказать спасибо.

- О, Боже! - Сказала мама, и снова шлепнула себя по лбу. - О чем я только думала? Спасибо, Реджис. Огромное.

Мама направляла свою благодарность цветочной клумбе, поэтому я взял ее за руку и повернул.

- Он здесь, мама.

Она еще раз поблагодарила его, но мистер Томас не ответил. Казалось, ему было все равно. Затем она подошла к Лиз, стоявшей у пустого бассейна и закуривавшей очередную сигарету.

На самом деле мне не нужно было никого благодарить, к тому времени я уже знал, что мертвым людям наплевать на такие вещи, но я все равно сказал спасибо. Это была дань вежливости, но кроме этого, мне хотелось и кое-чего другого.

- Мамина подруга, - сказал я. - Лиз?

Мистер Томас не ответил, но посмотрел на нее.

- Ей кажется, что я все выдумываю насчет

встречи с вами. Я имею в виду, она знает, что произошло что-то странное, потому что ни один ребенок не смог бы придумать всю эту историю - кстати, мне очень понравилось то, что случилось с Джорджем Тредгиллом...

- Спасибо. Лучшего он и не заслуживал.

- Но она будет работать над этим в своей голове, пока, в конце концов, не получит желаемый результат.

- Она найдет рациональное объяснение.

- Ну, если вы так говорите.

- Вот-вот.

- А вы можете как-нибудь показать ей, что вы здесь? - Я вспомнил о том, как мистер Беркетт почесал щеку, когда его поцеловала жена.

- Я не знаю. Джимми, а ты часом не в курсе, что будет со мной дальше?

- Простите, мистер Томас. Но нет.

- Полагаю, я сам это выясню.

Он направился к бассейну, где больше никогда не будет плавать. Кто-нибудь может заполнить его, когда вернется теплая погода, но к тому времени он уже будет далеко. Мама и Лиз тихо разговаривали и делились сигаретой Лиз. Одна из вещей, которые мне не нравились в Лиз, это то, что она вернула мою мать к этой дурной при-

вычке. Пусть изредка, и только с ней, но все же.

Мистер Томас встал перед Лиз, сделал глубокий вдох и выдохнул. У Лиз не было челки, чтобы взметнуться, ее волосы были туго стянуты назад и завязаны в конский хвост, но она все равно прищурилась, как бывает, когда ветер дует в лицо, и отпрянула. Я думаю, она упала бы в бассейн, если бы мама ее не схватила.

Я сказал:

- Ты это почувствовала? - Глупый вопрос, конечно почувствовала. - Это был мистер Томас.

Который теперь удалялся от нас, возвращаясь в свой кабинет.

- Еще раз спасибо, мистер Томас! - крикнул я. Он не обернулся, но поднял руку, прежде чем сунуть ее обратно в карман своих шорт. Мне открылся отличный вид на его трещину сантехника[40](так мама называла эту штуку, когда замечала парня в джинсах с низким верхом), и если это тоже слишком много информации для вас, то очень плохо. Мы заставили его рассказать нам - за один час! - все, на что у него ушли месяцы размышлений.

---

[40] Примечания: 1.40

термин используется для описания чьего-то разреза на заднице, показывающегося над брюками, обычно при наклоне. Называется трещиной сантехника из-за большого количества сантехников с избыточным весом, которые не могут подобрать соответствующие своему весу шорты

Он не мог сказать «нет», и, возможно, это давало ему право показать нам свою задницу.

Конечно же, я был единственным, кто мог это видеть.

14

Пришло время рассказать вам о Лиз Даттон, так что зацените. Разберем *её* со всех сторон.

Она была примерно пяти футов шести дюймов[41], ростом с мою маму, с черными волосами до плеч (когда не стягивала их в одобренный для копов конский хвост), и у нее было то, что некоторые мальчики в моем четвертом классе назвали бы - как будто они имели хоть какое-то представление о том, о чем говорят - «шикарнейшим телом». У нее была великолепная улыбка, а еще серые глаза, которые обычно были теплыми. Если, конечно, она не злилась. Когда она злилась, эти серые глаза становились холодными, как мокрый ноябрьский день.

Она мне *нравилась*, потому что умела быть доброй, как тогда, когда у меня пересохло во рту и в горле, и она дала мне то, что осталось от «Кока-колы» из «Бургер Кинга», не спрашивая маму (моя мать была просто зациклена на том, чтобы узнать все подробности последней ненаписанной книги мистера Томаса). Кроме того, она иногда приноси-

---

[41] Примечания: 1.41
~167 см.

ла модельки автомобилей от «Матчбокс», чтобы пополнить мою растущую коллекцию, и время от времени садилась прямо на пол рядом со мной, и мы вместе играли. Иногда она обнимала меня и трепала волосы. Иногда она щекотала меня до тех пор, пока я не кричал, чтобы она прекратила, или я уссусь… что она называла «уюшить трусишки».

Она мне *не нравилась*, потому что иногда, особенно после нашей поездки в Булыжный коттедж, я поднимал глаза и ловил ее на том, что она меня изучает, как какого-то жука на слайде. В тот момент в ее серых глазах не было тепла. Или когда она говорила мне, что в моей комнате беспорядок, что, честно говоря, обычно и было, хотя мама, похоже, не возражала. «Ну, просто кровь из глаз», - говорила в таком случае Лиз. Или: «Ты собираешься так прожить всю свою жизнь, Джейми?» Она также считала, что я слишком взрослый для ночника, но моя мать положила конец этой дискуссии, сказав: «Оставь его в покое, Лиз. Он сам от него откажется, когда будет готов».

И самая важная вещь. Она воровала слишком много внимания и привязанности моей матери, которые я раньше получал. Гораздо позже, когда я прочитал некоторые теории Фрейда, изучая психологию на втором курсе университета,

мне пришло в голову, что в детстве у меня была классический материнский комплекс, - я просто видел в Лиз соперницу.

Ну да.

Конечно же, я ревновал, и у меня были на это веские причины. У меня не было отца, я даже не знал, кто он такой, потому что моя мать не хотела о нем говорить. Позже я узнал, что у нее для *этого* были веские причины, но в то время все, что я должен был знать, это: «Ты и я против всего мира, Джейми». Пока не появилась Лиз. И запомните, я не был избалован материнским вниманием даже *до* Лиз, потому что мама была слишком занята, пытаясь спасти агентство после того, как ее и дядю Гарри трахнул Джеймс Маккензи (я ненавидел то, что у нас с ним было одно имя). Мама всегда искала золото в навозной куче, надеясь наткнуться на очередную Джейн Рейнольдс.

Я должен сказать, что симпатии и антипатии были довольно равномерно сбалансированы в тот день, когда мы совершили путешествие в Булыжный коттедж, с симпатией немного впереди, по крайней мере, по четырем причинам: модельки автомобилей от «Матчбокс» на полу не валялись; сидеть между ними на диване и смот-

реть «Теорию Большого взрыва»[42] было весело и уютно; я хотел нравиться тому, кто нравился моей матери; Лиз делала ее счастливой. Позже (вот оно опять это слово), не так чтобы очень.

То Рождество было замечательным. Я получил классные подарки от них обеих, и мы вышли пораньше и пообедали в «Китайском Смокинге»[43], прежде чем Лиз отправилась на работу. Потому что, сказала она: «Преступность никогда не берет отпуск». После чего мы с мамой отправились вдвоем в наш старый дом на Парк-авеню.

Мама поддерживала связь с мистером Беркеттом после того, как мы оттуда переехали, и иногда мы тусовались втроем.

- Потому что он одинок, - сказала мама, - но еще и потому, а ну-ка подскажи-ка мне, Джейми?

- Потому что он нам нравится, - сказал я, и это было правдой.

Мы устроили рождественский ужин в его квартире (честно говоря - были только сэндвичи с

---

[42] Примечания: 1.42

американский ситком, премьера которого состоялась в 2007 году на канале CBS, а показ финального сезона завершился 16 мая 2019 года.

[43] Примечания: 1.43

популярный ресторан китайской кухни в Нью-Йорке

индейкой и клюквенным соусом от Забара[44]), потому что его дочь жила на западном побережье и не смогла приехать. Об этом я узнал позже.

И да, потому что он нам нравился.

Как я уже говорил, мистер Беркетт на самом деле был *профессором* Беркеттом, в настоящее время Почетным профессором, что, как я понял, означало, что он ушел в отставку, но ему все еще позволялось околачиваться в Нью-Йоркском университете и время от времени вести занятия по своей супер заумной специальности, которая называлась АиЕ - «Английская и европейская литература». Однажды я допустил ошибку, назвав её «Лит», и он поправил меня, сказав, что «лит» говорят, когда кто-то держится на плаву или отрывается на вечеринке.

Во всяком случае, даже без обжираловки - только веганский морковный салат на гарнир, - это был хороший ужин, да еще и куча подарков после него. Я подарил мистеру Беркетту снежный шар для его коллекции. Позже я узнал, что это была коллекция его жены, и он пришел в восторг, поблагодарил меня и поставил на каминную полку вместе с остальными. Мама подарила ему

[44] Примечания: 1.44

магазин на углу Бродвея 2245 и 80-й улицы, в Верхнем Вест-Сайде Манхэттена в Нью-Йорке, основанный Луисом Забаром и Лилиан Забар.

толстенную книгу под названием «Новый аннотированный Шерлок Холмс», потому что, когда он работал на полный рабочий день, он читал курс «Мистика и готика в английской художественной литературе».

Он подарил маме медальон, который, по его словам, принадлежал его жене. Мама запротестовала и сказала, что он должен сохранить его для своей дочери. На что мистер Беркетт ответил, что Шевон и так достались все лучшие украшения Моны, и, кроме того: «кто не успел, тот опоздал», имея в виду, я думаю, что если его дочь (судя по произношению, мне показалось, что её зовут *Шивонн*[45]) не потрудилась приехать на восток, она может идти лесом. Я вроде как был с этим согласен, потому что кто знает, сколько еще рождественских праздников она сможет провести рядом с отцом? Он был старше Бога. Кроме того, я питал слабость к отцам, ведь у меня самого его не было. Я знаю, говорят, что нельзя скучать по тому, чего у тебя никогда не было, и в этом есть доля правды, но я так же понимал, что *что-то* упускаю.

Мистер Беркетт так же подарил мне книгу. Она

---

[45] Примечания: 1.45

Siobhan - ирландская женская версия имени Джоан (от др.-евр. Йоханан, «Бог милостлив»), имеет довольно сложное произношение

называлась «Двадцать сказок без купюр».

- Ты знаешь, что значит «без купюр», Джейми? - Профессор всегда профессор.

Я отрицательно покачал головой.

- А как ты думаешь? - Он наклонился вперед, зажав большие узловатые руки между тощими бедрами, и улыбнулся. - Ты можешь догадаться по контексту названия?

- Без цензуры? Как в системе рейтингов[46]?

- В точку, - сказал он. - Молодец.

- Надеюсь, в них не слишком много секса, - сказала мама. - Он читает литературу по списку средней школы, но ему всего девять.

- Никакого секса, только старое доброе насилие и жестокость, - сказал мистер Беркетт (в те дни я никогда не называл его *профессор*, потому что это казалось каким-то вычурным). - Например, в оригинальной сказке о Золушке, которую ты здесь найдешь, злые сводные сестры…

Мама повернулась ко мне и театральным шепотом произнесла:

- Сейчас пойдут спойлеры.

---

[46] Примечания: 1.46

система рейтингов Американской киноассоциации (англ. MPAA film rating system) - принятая в США система оценки содержания фильма, введённая Американской киноассоциацией (MPAA). В зависимости от полученной оценки, зрительская аудитория картины может быть ограничена за счёт исключения из неё детей и подростков.

Но мистера Беркетта было не остановить. Он перешел в режим обучения. Я не возражал, это было интересно.

- В оригинале злые сводные сестры отрезали себе пальцы на ногах, пытаясь подогнать стеклянную туфельку.

- Ух-ты! - Сказал я тоном, который означал: *мерзость, конечно, но расскажите мне что-нибудь еще.*

- И хрустальная туфелька вовсе не была стеклянной, Джейми. Похоже, это была ошибка перевода, которая была увековечена Уолтом Диснеем, этим гомогенизатором сказок. Туфелька на самом деле была из беличьего меха.

- Ух-ты, - еще раз сказал я. Не так интересно, как сводные сестры, отрезающие себе пальцы на ногах, но мне хотелось, чтобы он продолжал.

- В оригинальной истории о «Короле-лягушке» принцесса не целует лягушку. Вместо этого она…

- Хватит, - сказала мама. - Пусть прочтет и сам во всем разберется.

- Да, так будет лучше всего, - согласился мистер Беркетт. - И, возможно, мы обсудим их позже, Джейми.

Ты хочешь сказать, что будешь рассказывать, а я буду слушать, - подумал я, но это было нор-

мально.

- Может, выпьем горячего шоколада? - спросила мама. - Он тоже от Забара, а они делают лучшее. Я могу приготовить его в мгновение ока.

- Вперед, Макдафф, - продекламировал мистер Беркетт, - будь проклят тот, кто первым крикнет: «Хватит!»[47] - Что, видимо, означало «да», и мы сожрали его с взбитыми сливками.

В моей памяти это было лучшее Рождество, которое я пережил в детстве, от блинов Санта-Клауса, которые Лиз испекла утром, до горячего шоколада в квартире мистера Беркетта, прямо по коридору от того места, где мы с мамой когда-то жили. Канун Нового года тоже прошел отлично, хотя я лажанулся и заснул на диване прямо между мамой и Лиз еще до полуночи. Все было хорошо. Но в 2010 году начались ссоры.

До этого у Лиз и моей мамы были, как мама называла, «оживленные дискуссии», в основном о книгах. Им нравились одни и те же писатели (они сошлись на книгах Реджиса Томаса, помните) и одни и те же фильмы, но Лиз считала, что моя мать была слишком сосредоточена на таких вещах, как продажи и авансы, а так же

---

[47] Примечания: 1.47
цитата из «Макбета» У. Шекспира

послужном списке различных писателей вместо их историй. И она действительно насмехалась над работами нескольких маминых клиентов, называя их «второсортными». На что мама отвечала, что эти второсортные писатели платят за квартиру и поддерживают свет в доме. (Держат их «лит», то есть на плаву.) Не говоря уже о плате за спецучреждение, где дядя Гарри мариновался в собственной моче.

Затем споры стали отходить от более или менее безопасной почвы книг и фильмов и накаляться. Некоторые были о политике. Лизе нравился этот конгрессмен, Джон Бейнер[48]. Моя мать называла его Джон Дрочила, а родители некоторых моих знакомых называли его мистер Стояк[49]. Или, может быть, они имели в виду снять стояк, но я так не думаю. Мама же считала, что Нэнси Пелоси (еще один политик, которого вы, вероятно, знаете, поскольку она все еще на арене) была храброй женщиной, работающей в «мужском

---

[48] Примечания: 1.48

Джон Эндрю Бейнер - американский политик, 53-й спикер Палаты представителей Конгресса США. Член Республиканской партии США. Сменил на этом посту нижеприведенную Нэнси Пелоси. В марте 2014 года включён МИД России в список лиц, в отношении которых введены санкции.

[49] Примечания: 1.49

игра слов Boehner- Бейнер, Boner - дрочила, Stiffy — стояк

клубе». Лиз же считала, что она просто либеральное козье дерьмо.

Самая большая ссора между ними из-за политики случилась, когда Лиз сказала, что не верит в то, что Обама родился в Америке. Мама назвала ее глупой и расисткой. Они находились в спальне за закрытой дверью - именно там происходило большинство их ссор, - но тон их голосов был настолько повышен, что я мог слышать каждое слово прямо из гостиной. Через несколько минут Лиз ушла, хлопнув дверью, и не возвращалась почти неделю. Когда она вернулась, они помирились. В спальне. За закрытой дверью. И это я тоже очень хорошо слышал, потому что примирение было довольно шумным. Стоны, смех и скрипение пружин.

Они также спорили о тактике действия полиции, и это было за несколько лет до того, как возникло движение «Черные жизни имеют значение». Вот уж где было больное место для Лиз, как вы можете догадаться. Мама осуждала то, что она называла «расовым профилированием», а Лиз говорила, что можно нарисовать профиль только в том случае, если черты лица ясны. (Я не понял этого тогда, не понимаю и сейчас). Мама говорила, что когда чернокожих и белых пригова-

ривают за одно и то же преступление, то именно чернокожие получают самые тяжелые сроки, а белые иногда вообще не сидят.

- Покажи мне бульвар Мартина Лютера Кинга в любом городе, и я покажу тебе район с высоким уровнем преступности.

Споры стали чаще, и даже в моем нежном возрасте я знал главную причину - они слишком много пили. Горячие завтраки, которые мама готовила два или даже три раза в неделю, почти прекратились. Я выходил утром, а они сидели там, в одинаковых халатах, сгорбившись над чашками с кофе, с бледными лицами и красными глазами. В мусорном ведре валялись три, а то и четыре пустые бутылки из-под вина и гора окурков.

Мама говорила:

- Джейми, пока я буду одеваться, налей себе сок и хлопья.

А Лиз говорила мне, чтобы я не шумел, потому что аспирин еще не подействовал, голова раскалывается, а ей еще ехать на развод или сидеть в засаде по какому-нибудь делу. Но только не в оперативную группу по розыску Бомбилы, в нее она так и не вошла.

В такие утренние часы я пил сок и ел хлопья

тихо, как мышь. К тому времени, когда мама одевалась и была готова проводить меня в школу (игнорируя замечание Лиз о том, что я уже достаточно большой, чтобы ходить туда самостоятельно), она начинала приходить в себя.

Все это казалось мне нормальным. Я не думаю, что мир начинает вращаться вокруг вас, пока вам не исполнится пятнадцать или шестнадцать; до тех пор вы просто берете то, что у вас есть, и плывете по течению. Эти две похмельные женщины, сгорбившиеся над своим кофе, были именно тем, с кем я начинал свой день по утрам, что в конечном итоге стало обыденностью. Я даже не замечал запаха вина, который начал пропитывать все вокруг. Только часть меня, должно быть, все замечала и запоминала, потому что годами позже, в колледже, когда мой сосед пролил бутылку «Зинфанделя»[50] в гостиной нашей маленькой квартиры, все это вернулось, и было похоже на удар по лицу доской. Всклокоченные волосы Лиз. Пустые глаза моей матери. И я, отлично знающий, как закрыть шкаф, где хранились хлопья медленно и тихо.

---

[50] Примечания: 1.50

зинфандель - сорт чёрного винограда, используемый для производства красных вин. Выращивают в основном в США, южной Италии и Хорватии.

Я сказал своему соседу, что иду в «Севен-Элевен» за пачкой сигарет (да, в конце концов, я подхватил эту дурную привычку), но на самом деле мне просто нужно было уйти от этого запаха. Если бы у меня был выбор между видением мертвых людей - да, я все еще вижу их - и воспоминаниями, вызванными запахом пролитого вина, я бы выбрал мертвых.

В любой день гребаной недели.

15

Моя мать четыре месяца писала «Тайну Роанока», не выпуская из рук свой верный диктофон. Однажды я спросил ее, не похоже ли написание книги мистера Томаса на написание картины. Она немного подумала и сказала, что это больше похоже на один из наборов «Раскрась по цифрам», где вы просто следуете указаниям и в итоге получаете что-то, что якобы «хоть в рамку вставляй».

Она наняла помощницу, чтобы работать над этим почти полный рабочий день. Она сказала мне во время одной из наших прогулок из школы до дома - это был практически единственный свежий воздух, который она получала зимой 2009 и 2010 годов, - что не может позволить себе нанять помощника и не может позволить себе не делать этого. Барбара Минс только что закончила Вассар по специальности «английский язык и литература» и была готова трудиться в агентстве за опыт, и она на самом деле была хороша, что было большим подспорьем. Мне нравились ее большие зеленые глаза, которые я считал красивыми.

Мама писала, мама переписывала, мама чи-

тала книги о Роаноке и мало что еще в течение этих месяцев, желая погрузиться в стиль Реджиса Томаса. Она прислушивалась к моему голосу. Она перематывала запись вперед-назад бесчисленное число раз. Наконец, она раскрасила картинку. Однажды вечером, за второй бутылкой вина, я услышал, как она сказала Лиз, что если ей придется написать еще одно предложение, содержащее фразу типа «упругие груди с торчащими розовыми сосками», она может сойти с ума. Кроме того, ей приходилось отвечать на звонки из издательства, и один раз ей позвонили из редакции Шестой страницы «Нью-Йорк Пост», чтобы разузнать, в каком состоянии сейчас находится работа над последней книгой Томаса, потому что ходили самые разные слухи. (Все это живо вспомнилось мне, когда умерла Сью Графтон[51], так и не написав последней книги своей алфавитной серии.) Мама говорила, что ненавидит ложь.

- Ах, но как же ты чертовски хороша в этом, - помню, сказала Лиз, чем заслужила один из тех холодных взглядов, которые я все чаще и чаще видел у матери в последний год их отношений.

Она солгала и редактору Реджиса, сказав, что

---

[51] Примечания: 1.51

Сью Графтон (1940-2017) - американская писательница детективного жанра

незадолго до своей смерти Реджис проинструктировал ее, что рукопись «Секрета» должна быть скрыта от всех (кроме мамы, конечно) до 2010 года, «чтобы подогреть интерес у читателей».

- Во всяком случае, Фиона никогда его не редактировала, - сказала она. Я имею в виду Фиону Ярбро, которая работала в издательстве мистера Томаса «Даблдей». - Ее единственной работой было писать Реджису письма после того, как она получала каждую новую рукопись, говоря ему, что на этот раз он превзошел самого себя.

Как только книга, наконец-то, была сдана, мама провела неделю, расхаживая по квартире и набрасываясь на всех (я не был исключением), ожидая, что Фиона позвонит и скажет: «Реджис не писал эту книгу, это все немного на него не похоже, я думаю, что ее написала ты, Тиа». Но, в конце концов, все обошлось. Либо Фиона не догадалась, либо ей было все равно. Конечно, рецензенты ничего не поняли, когда книга была запущена в производство и появилась на книжных полках осенью 2010 года.

«Публишер Уикли»: Лучшее Томас приберег напоследок!

«Киркус Ревью»: Поклонники слащаво-дикой исторической фантастики снова погрузились в

страсть-разжигающее чтиво.

Дуайт Гарнер из «Нью-Йорк Таймс»: Тягучая, безвкусная проза типичная для Томаса: грубый эквивалент еды из буфета «все-что-вы-можете-съесть» в сомнительном придорожном ресторане.

Маму не волновали рецензии, ее волновал огромный аванс и новые гонорары за предыдущие тома о Роаноке. Она жаловалась, что получила только пятнадцать процентов, хотя написала все, но отыгралась, посвятив ее себе.

- Потому что я это заслужила, - сказала она.

- Я в этом не уверена, - сказала Лиз. - Если подумать, Ти, ты была всего лишь секретаршей. Может, тебе стоило посвятить его Джейми?

Это принесло Лиз еще один холодный взгляд моей мамы, но я подумал, что в замечании Лиз что-то есть. Хотя, если хорошенько подумать, я *тоже* был всего лишь секретарем. Это все еще была книга мистера Томаса, мертвый он там или нет.

16

А теперь зацените:

Я раскрыл вам, по крайней мере, некоторые причины, по которым мне *нравилась* Лиз, и их, вероятно, было еще несколько. Я раскрыл вам все причины, по которым мне *не нравилась* Лиз, и, вероятно, их тоже было еще несколько. То, чего я никогда не рассматривал ни тогда, ни позже (ага, опять это слово), было возможностью того, что *я* ей не нравлюсь. С чего бы? Я привык к тому, что меня любят, почти пресыщаясь этим. Меня любили моя мать и мои учителя, особенно госпожа Уилкокс, моя учительница в третьем классе, которая обняла меня и сказала, что будет скучать по мне в день окончания школы. Меня любили мои лучшие друзья Фрэнки Райдер и Скотт Абрамович (хотя, конечно, мы об этом не говорили и даже не думали). И не забудьте о Лили Райнхарт, которая однажды приложилась к моим губам. Она дала мне свою визитную карточку, прежде чем я сменил школу. Спереди на ней был грустный щенок, а сзади было написано: «Я БУДУ СКУЧАТЬ ПО ТЕБЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ». Она нарисова-

ла маленькие сердечки над «i». А также крестики над «o»[52].

Лиз *любила* меня, по крайней мере, какое-то время, в этом я был уверен. Но все начало меняться после Булыжного коттеджа. Вот тогда-то она и начала видеть во мне ошибку природы. Я думаю - нет, я знаю - именно тогда Лиз начала меня бояться, а то, чего боишься, трудно любить. Может быть, невозможно.

Хотя она считала, что девять лет - это достаточно много, чтобы я мог самостоятельно идти домой из школы, Лиз иногда приходила за мной вместо мамы, если работала в так называемую «пересменку», которая начиналась в четыре утра и заканчивалась в полдень. Эту смену детективы старались избегать, но Лиз попадала в неё довольно часто. И это была еще одна вещь, о которой я тогда не задумывался, но позже (вот оно снова, да, да, да, правда, правда) я понял, что начальство ее недолюбливает. Или не доверяет. Это не имело никакого отношения к ее жизни с моей матерью; когда дело доходило до секса, Нью-йоркский полицейский департамент медленно двигался в 21-й век. И дело было не в выпивке, потому

---

[52] Примечания: 1.52
в английском написании этого предложения есть две «i» и две «o»

что она была не единственным полицейским, который любил вкинуть за воротник. Но некоторые люди, с которыми она работала, начали подозревать, что Лиз - продажный полицейский. И - внимание, спойлер! - они были правы.

17

Мне нужно рассказать вам о двух конкретных случаях, когда Лиз забирала меня после школы. В обоих случаях она была на своей машине - не той, на которой мы ездили в Булыжный коттедж, а той, которую она называла личной. Первый раз это было в 2011 году, когда они с мамой еще были вместе. Второй был в 2013 году, примерно через год после того, как они перестали быть парой. Я еще до этого дойду, но сначала о первом.

В тот мартовский день я вышел из школы с рюкзаком, перекинутым через одно плечо (так делали крутые шестиклассники), и Лиз ждала меня у тротуара в своей «Хонде-Цивик». Собственно говоря, на желтой части тротуара, предназначенной для инвалидов, но для этого у нее был маленький значок Дежурный Полицейский... данный факт, конечно же, должен был кое-что рассказать мне о ее характере даже в нежном возрасте одиннадцати лет.

Я сел, стараясь не морщить нос от запаха затхлого сигаретного дыма, который не мог скрыть даже маленький освежитель воздуха с запахом

сосны, висевший на зеркале заднего вида. К тому времени, благодаря «Тайне Роанока», у нас была своя квартира, и нам больше не нужно было жить в агентстве, поэтому я ожидал, что меня подвезут домой, но вместо этого Лиз повернула в сторону центра.

- Куда мы едем? - Спросил я.

- Небольшая экскурсия, Чемпион, - сказала она. - Увидишь.

Экскурсия была на кладбище «Вудлон» в Бронксе, где покоились, в частности, Дюк Эллингтон[53], Герман Мелвилл[54] и Бартоломью Мастерсон[55] по прозвищу «Летучая мышь». Я знаю о них, потому что навел справки, а позже написал реферат о «Вудлоне» для школы. Лиз въехала со стороны Уэбстер-авеню, а потом просто начала разъезжать по кладбищенским лабиринтам. Это было круто, но и немного страшно.

---

[53] Примечания: 1.53

Дюк Эллингтон (1899-1974) - руководитель джаз-оркестра Duke Ellington Orchestra, джазовый композитор, аранжировщик и пианист. Один из наиболее известных джазовых музыкантов XX века.

[54] Примечания: 1.54

Герман Мелвилл (1819-1891) - американский писатель, поэт и моряк, автор классического романа «Моби Дик».

[55] Примечания: 1.55

Уильям Барклай «Бэт» Мастерсон (1853-1921) - американский страж закона времён Дикого Запада, скаут армии, игрок в покер, охотник на бизонов, рыбак, спортивный журналист

- Ты знаешь, сколько здесь покоится людей? - спросила она и, когда я покачал головой, добавила: - Триста тысяч. Чуть меньше, чем население Тампы. Я проверила это в Википедии.

- Зачем мы здесь? Потому что это все, конечно же, интересно, но мне нужно делать домашнее задание. - Я не обманывал, но все же лишних полчаса у меня было. Стоял яркий солнечный день, и она казалась вполне нормальной - просто Лиз, подруга моей мамы, - но все же это была своего рода странная экскурсия.

Она проигнорировала закидон с домашним заданием.

- Здесь все время хоронят людей. Посмотри налево. - Она указала и замедлила скорость с двадцати пяти или около того до «еле ползу». Там, куда она указывала, вокруг гроба, установленного над открытой могилой, стояли люди. У изголовья могилы стоял какой-то священник с раскрытой книгой в руке. Я знал, что он не раввин, потому что на нем не было шапочки.

Лиз остановила машину. Никто из присутствующих на похоронах не обращал на нас внимания. Они были поглощены тем, что говорил священник.

- Ты видишь мертвецов, - сказала она. - Теперь

я это принимаю. После того, что случилось у Томаса, трудно было бы не принять. Ты видишь их здесь?

- Нет, - ответил я, чувствуя себя еще более неловко, чем обычно. Не из-за Лиз, а потому, что я только что получил известие, что в настоящее время мы окружены 300 000 трупов. Хотя я знал, что мертвые уходят через несколько дней - самое большее через неделю, - я почти ожидал увидеть их стоящими возле своих могил или прямо на них. А потом, может быть, они пойдут на нас, как в гребаном фильме про зомби.

- Ты уверен?

Я посмотрел на похороны (или надгробную службу, или как там это называется). Священник, должно быть, начал молитву, потому что все присутствующие склонили головы. Все, кроме одного. Он просто стоял и равнодушно смотрел в небо.

- Тот парень в синем костюме, - сказал я наконец. - Тот, что без галстука. Может быть, он и мертв, но я не уверен. Если с их внешностью все в порядке, когда они умирают, ничего такого, что было бы *заметно*, они выглядят почти как обычный человек.

- Я не вижу человека без галстука, - сказала

она.

- Ну ладно, тогда он мертв.

- Они всегда приходят на свои похороны? - спросила Лиз.

- Откуда мне знать? Я первый раз на кладбище, Лиз. Я видел миссис Беркетт на похоронной службе, но не знаю, как насчет кладбища, потому что мы с мамой туда не ходили. Мы после службы просто пошли домой.

- Но ты же видишь *его*, - она смотрела на похоронную процессию, словно в трансе. - Ты мог бы пойти туда и поговорить с ним, как в тот день разговаривал с Реджисом Томасом.

- Я туда не пойду! - Мне не хотелось бы говорить, что я это прокричал, но в значительной степени так и было. - Перед всеми его друзьями? На глазах у жены и детей? Ты не сможешь меня заставить!

- Успокойся, Чемпион, - сказала она и взъерошила мне волосы. - Я просто пытаюсь в этом разобраться. Как, ты думаешь, он сюда попал? Потому что он точно не брал «Убер»[56].

- Я не знаю. Я хочу домой.

- Скоро поедем, - сказала она, и мы продолжили нашу экскурсию по кладбищу, проезжая мимо

---

[56] Примечания: 1.56
международная служба такси

могил и памятников и около миллиарда обычных надгробий. Мы миновали еще три надгробные службы, две небольшие, как и первая, где главная звезда шоу невидимо присутствовала, и одна огромная, - там около двухсот человек собрались на склоне холма, а ведущий церемонию (шапочка, плюс клевая накидка) использовал микрофон. Каждый раз Лиз спрашивала меня, могу ли я распознать, кто в данной толпе мертвец, и каждый раз я отвечал, что понятия не имею.

- Ты, наверное, не сказал бы мне, если бы даже и понял кто, - резюмировала она. - Я вижу, ты в плохом настроении.

- Я в нормальном настроении.

- Нет, это не так, и если ты скажешь Ти, что я возила тебя сюда, мы, вероятно, поссоримся. Я не думаю, что ты скажешь ей, что мы ездили за мороженым, не так ли?

К тому времени мы уже почти вернулись на Уэбстер-авеню, и я почувствовал себя немного лучше. Убеждая себя, что Лиз имеет право быть любопытной, как и любой другой.

- Может быть, и скажу, если ты действительно купишь мне одно.

- Подкуп! Это преступление класса Б! - Она рассмеялась, взъерошила мне волосы, и все пришло

в обычный нормальный ритм.

Мы выехали с кладбища, и я увидел молодую женщину в черном платье, которая сидела на скамейке и ждала автобуса. Рядом с ней сидела маленькая девочка в белом платье и блестящих черных туфельках. У девочки были золотистые волосы, розовые щеки и дырка в горле. Я помахал ей рукой. Лиз не видела, как я это сделал; она пыталась сделать поворот и вклиниться в интенсивный поток машин. Я не сказал ей, что видел мертвеца. В тот вечер Лиз после ужина ушла либо на работу, либо к себе домой, и я чуть было не рассказал обо всем маме. Как бы там ни было, я этого не сделал. В конце концов, я оставил девочку с золотыми волосами только в своей памяти. Позже я пришел к выводу, что дыра в ее горле была от того, что малышка чем-то подавилась, и они пробили ей горло, чтобы она могла дышать, но было уже слишком поздно. Она сидела рядом с матерью, а мать ничего не знала. Но я знал. Я видел. Когда я помахал ей, она помахала в ответ.

18

Когда мы ели мороженое в «Ликети Сплит»[57] (Лиз позвонила моей матери, чтобы сказать, где мы и чем занимаемся), Лиз сказала:

- Это так *странно*. Тебя это не пугает?

Я хотел было спросить, не пугает ли ее то, что она смотрит по ночам на звезды и знает, что они светят целую вечность, но не стал. Я просто сказал «нет». Вы привыкаете к чудесным вещам. Вы принимаете их как должное. Вы можете попытаться этого не делать, но вряд ли это у вас получится. Слишком уж много чудес. Они повсюду.

---

[57] Примечания: 1.57

сеть кофеен, в которых подаются разнообразные десерты и мороженое

19

Я расскажу вам о другом случае, когда Лиз забрала меня из школы раньше положенного, но сначала я должен рассказать вам о том дне, когда они расстались. Это было страшное утро, поверьте мне.

В тот день я проснулся еще до того, как зазвонил будильник, потому что мама кричала. Я слышал и раньше, как она злится, но *такого* еще никогда не было.

- Ты принесла *это* в квартиру? Где я живу со своим *сыном*?

Лиз что-то ответила, но это было не более чем бормотание, и я не расслышал.

- Ты думаешь, это не мое дело? - крикнула мама. - На полицейских шоу они называют это «крупная партия»! Я могу загреметь в тюрьму как соучастник!

- Не драматизируй, - сказала Лиз. Теперь громче. - Нет ни малейшего шанса…

- *Это не имеет значения!* - завопила мама. - Это было здесь! Это все еще *здесь*! На гребаном столе рядом с гребаной сахарницей! Ты принесла нар-

котики в мой дом! *Крупную партию!*

- Может, перестанешь это талдычить? Это ведь не эпизод «Закона и порядка»[58]. - Теперь Лиз тоже прибавила громкость. Разозлилась. Я стоял, прижавшись ухом к двери спальни, босой, одетый в пижаму, с бешено колотящимся сердцем. Это была не дискуссия и даже не спор. Это было нечто большее. И намного хуже. - Если бы ты не рылась в моих карманах...

- Шмонала твои вещи, так ты об этом думаешь? Я пыталась сделать тебе *одолжение*! Я собиралась сдать в чистку твою запасную форменную куртку вместе со своей шерстяной юбкой. Как давно это там хранится?

- Совсем недавно. Парень, которому это принадлежит, на время уехал из города. Он должен вернуться завтр...

- *Как давно?*

Ответ Лиз снова прозвучал слишком тихо, чтобы я мог его расслышать.

- Тогда зачем ты принесла это сюда? Я не понимаю. Почему бы не положить это в оружейный

---

[58] Примечания: 1.58

Law & Order — американский телесериал в жанрах полицейский процедурал и юридическая драма , созданный Диком Вульфом. Премьера состоялась 13 сентября 1990 года на канале NBC. 24 мая 2010 был показан заключительный эпизод телесериала.

сейф в твоем доме?

- У меня нет... - Она запнулась.

- Чего у тебя нет?

- На самом деле в моем доме *нет* оружейного сейфа. И еще в моем доме неоднократно имели место кражи со взломом. Кроме того, я собиралась пожить здесь. Мы ведь должны были провести эту неделю вместе. Я думала, это избавит меня от лишней поездки.

- *Избавит тебя от лишней поездки?*

На это Лиз ничего не ответила.

- В твоем доме нет оружейного сейфа. О скольких еще вещах ты мне лгала? - Мама больше не злилась. По крайней мере, не в этот момент. - В ее голосе звучала обида. Как будто ей хотелось плакать. Мне захотелось выйти и сказать Лиз, чтобы она оставила мою мать в покое, даже если моя мать и заварила всю эту кашу и нашла то, что нашла - крупную партию. Но я просто стоял и слушал. И дрожал.

Лиз пробормотала что-то еще.

- Так вот почему у тебя неприятности в Департаменте? Тебя используют в качестве... я не знаю, *курьера*? *Наркодилера?*

- Я не употребляю и не продаю!

- Ну, значит, ты *передаешь* это другим! - мамин

голос снова повысился. - По-моему, это называется *распространение.* - Затем она вернулась к тому, что ее действительно беспокоило. Ну, не только это, но это беспокоило ее больше всего. - Ты принесла эту дрянь в мою *квартиру*. Где находится мой *сын*. Ты запираешь пистолет в машине, я всегда на этом настаивала, но теперь я нахожу *два фунта кокаина* в твоей запасной куртке. - Она рассмеялась, но не так, как смеются люди, когда слышат что-то смешное. - Твоей запасной *полицейской* куртке!

- Там не два фунта. - Голос Лиз звучал угрюмо.

- Я выросла, взвешивая и продавая отцовское мясо на рынке, - сказала мама. - Я могу определить два фунта[59], когда держу их в руке.

- Я это уберу, - сказала она. - Прямо сейчас.

- Сделай одолжение, Лиз. И поскорее. А потом ты можешь вернуться за своими вещами. По предварительной договоренности. Когда я здесь, а Джейми нет. Иначе - никогда.

- На самом деле ты этого не хочешь, - сказала Лиз, но даже через дверь я мог определить, что она не верит в то, что говорит.

- Уж поверь. Я сделаю тебе одолжение и не ста-

---

[59] Примечания: 1.59
~907 гр.

ну докладывать о том, что обнаружила, твоему начальнику, но если ты еще хоть раз здесь появишься - за исключением того единственного, чтобы забрать свое дерьмовое шмотье, - я это сделаю. Обещаю.

- Ты меня выгоняешь? Серьезно?

- Серьезнее не бывает. Забирай свою дурь и проваливай.

Лиз начала плакать. Это было ужасно. Потом, когда она ушла, начала плакать мама, и это было еще хуже. Я вышел на кухню и обнял ее.

- Что из всего этого ты слышал? - спросила мама и, прежде чем я успел ответить, добавила: - Я не собираюсь лгать тебе, Джейми. Или отмазывать Лиз. У нее была наркота, много наркоты, и я не хочу, чтобы ты кому-нибудь об этом говорил, ладно?

- Это действительно был кокаин? - Я тоже плакал, но не осознавал этого, пока не услышал, что мой голос стал хриплым.

- Да, он. И поскольку ты уже и так много знаешь, я могу сказать тебе, что пробовала его в колледже, всего пару раз. Я попробовала то, что было в пакетике, и мой язык онемел. Да, это был кокаин.

- Но теперь его нет. Она его забрала.

Мамы знают, чего боятся дети, если они хо-

рошие мамы. Критик мог бы назвать это романтической идеей, но я думаю, что это просто практический факт.

- Она забрала, с этим все в порядке. Это был отвратительный способ начать день, но что есть, то есть. Мы проводим под этим черту и двигаемся дальше.

- Хорошо, но... Лиз действительно больше не твоя подруга?

Мама вытерла лицо кухонным полотенцем.

- Думаю, она уже довольно давно не является моей подругой. Я просто этого не осознавала. А теперь собирайся в школу.

В тот вечер, когда делал уроки, я услышал доносящееся из кухни «буль-буль-буль» и почувствовал запах вина. Запах был намного сильнее, чем обычно, даже круче чем в те ночи, когда мама и Лиз приговаривали множество бутылок. Я вышел из своей комнаты, чтобы посмотреть, не пролила ли она вино (хотя разбитого стекла не было), и увидел маму, стоящую над раковиной с кувшином красного вина в одной руке и кувшином белого в другой. Она выливала вино в канализацию.

- Почему ты его выливаешь? Неужели все так плохо?

- В каком-то смысле, да, - сказала она. - По-моему, все стало плохо еще около восьми месяцев назад. Пора остановиться.

Позже я узнал, что моя мать некоторое время ходила к Анонимным Алкоголикам после того, как рассталась с Лиз, а потом решила, что ей это больше не нужно. («Старики ссут в потолок и стонут из-за выпивки, которую выпили тридцать лет назад», - сказала она). Но я не думаю, что она окончательно бросила пить, потому что раз или два мне показалось, что я чувствую запах вина в ее дыхании, когда она целовала меня на ночь. Может быть, после ужина с клиентом. Если она и держала бутылку в квартире, я никогда не знал, где она ее прятала (не то чтобы я очень старался). Что я знаю точно, так это то, что в последующие годы я никогда не видел ее пьяной и никогда не видел ее с похмелья. Для меня этого было достаточно.

20

После случившегося я долго не видел Лиз Даттон - год или чуть больше. Сначала я по ней скучал, но продолжалось это недолго. Когда данное чувство приходило, я просто напоминал себе, что она спала с моей мамой, и с большим удовольствием. Я все ждал, что у мамы появится новая подруга на ночь, но ее все не было и не было. Ну, вот совсем. Я спросил ее об этом однажды, и она ответила:

- Однажды сгорела, второй раз стесняюсь[60]. Главное, что у нас с тобой все в порядке.

Так и было. Благодаря Реджису Томасу - 27 недель в списке бестселлеров «Нью-Йорк Таймс» - и паре новых клиентов (одного из них подогнала Барбара Минс, которая к тому времени работала на полный рабочий день и, в конце концов, в 2017 году, получила табличку со своим именем на двери), агентство вернулось на твердую почву. А дядя Гарри вернулся в спецучреждение в Байонне (то же учреждение, новое руководство),

---

[60] Примечания: 1.60

песня Once Burned Twice Shy, пописполнителя - Agnetha Fdltskog из альбома Wrap Your Arms Around Me

которое было небольшим, но все же лучше, чем последнее. Мама больше не злилась по утрам и накупила себе новой одежды.

- Приходится покупать, - сказала она мне однажды. - Я потеряла пятнадцать фунтов винного веса.

К тому времени я уже учился в средней школе, что в некоторых отношениях было отстойно, в других - нормально, и у меня была отличная привилегия: студенты-спортсмены, у которых не было занятий в течение последнего периода учебного дня, могли ходить в спортзал, художественную комнату, музыкальную комнату или просто получить освобождение. Я играл в баскетбол за младшую лигу, и хотя сезон закончился, я все равно ходил в спортзал, чтобы не потерять квалификацию. Иногда я заглядывал в художественную комнату, потому что там околачивалась эта лисичка-сестричка по имени Мэри О'Мэлли. Если она не работала там над одной из своих акварелей, я брал освобождение и шел домой. Ходил пешком, если была хорошая погода (самостоятельно, само собой, разумеется), ездил на автобусе, если погода была не очень.

В тот день, когда Лиз Даттон вернулась в мою жизнь, я даже не пытался искать Мэри, потому

что получил новенький «Xbox» на свой день рождения и хотел погрузиться в пучину игр. Я шел пешком с тяжеленным рюкзаком за плечами (я больше не носил рюкзак на одном плече; шестой класс был в доисторическом прошлом), когда она меня окликнула.

- Эй, Чемп-мышка, как твои делишки, а бамбино?

Она стояла, прислонившись к своей машине, скрестив ноги в лодыжках, одетая в джинсы и блузку с глубоким вырезом. Поверх блузки вместо форменной куртки был надет блейзер, но на груди все так же красовался значок с надписью «Нью-йоркский полицейский департамент», и она, как и встарь распахнула полу, чтобы показать мне свою наплечную кобуру. Только на этот раз она не была пуста.

- Привет, Лиз, - пробормотал я. И, потупив взор на свои ботинки, свернул направо - на улицу.

- Подожди, мне нужно с тобой поговорить.

Я остановился, но не повернулся к ней. Как будто она была Медузой, и один взгляд на ее кишащую змеями голову мог превратить меня в камень.

- Не думаю, что мне следует это делать. Мама рассердится.

- Ей и не нужно знать. Повернись, Джейми. Пожалуйста. Вид твоей спины меня убивает.

Она говорила так, как будто действительно плохо себя чувствовала, и из-за этого я тоже чувствовал себя плохо. Я обернулся. Блейзер был запахнут, но я все равно видел контуры ее пистолета.

- Я хочу, чтобы ты со мной прокатился.

- Не очень хорошая идея, - сказал я. Я думал о девушке по имени Рамона Шейнберг. В начале года она посетила пару занятий в моем классе, но потом ее не стало, и мой друг Скотт Абрамович рассказал мне, что родной отец похитил ее во время судебного процесса об установлении опеки и увез куда-то, откуда не было экстрадиции. Скотт выразил надежду, что это хотя бы место с пальмами.

- Мне нужно то, что ты можешь сделать, Чемпион, - сказала она. - Очень нужно.

Я ничего не ответил, но она, должно быть, заметила, что я колеблюсь, потому что улыбнулась. Это был приятный взгляд, который осветил ее серые глаза. В тот день в них не было влаги.

- Может быть, ничего и не выйдет, но я хочу попробовать. Я хочу, чтобы *ты* попробовал.

- Попробовать что?

Она не ответила, только протянула мне руку.

- Я помогла твоей матери, когда умер Реджис Томас. Не поможешь ли ты мне сейчас?

Формально, ***я*** был тем, кто в тот день помог маме, Лиз просто быстро провезла нас по Спрейн-Брук-Парквей, но она остановилась, чтобы купить мне гамбургер, когда мама требовала ускориться. И она дала мне остатки «Колы», когда у меня пересохло во рту от болтовни. Поэтому я сел в машину. Мне было не по себе, но я это сделал. Взрослые обладают властью, особенно когда умоляют, а именно это Лиз и делала.

Я спросил Лиз, куда мы едем, и она ответила, что в Центральный парк. Может быть, посетим еще нескольких других мест. Я сказал, что если не вернусь домой к пяти, мама будет волноваться. Лиз сказала, что постарается вернуть меня пораньше, но дело очень важное.

Тогда-то она и рассказала мне, что к чему.

21

Парень, который называл себя Бомбилой, установил свою первую бомбу в Истпорте, городке на Лонг-Айленде, недалеко от Спеонка, где одно время базировался дяди Гарри (литературная шутка). Это было в 1996 году. Бомбила бросил динамитную шашку, подсоединенную к таймеру, в мусорное ведро возле туалетов супермаркета «Кинг Куллен». Таймер был всего лишь простым дешевым будильником, но он сработал. Динамит взорвался в 9 часов вечера, как раз в тот момент, когда супермаркет закрывался. Пострадали три человека, все работники магазина. Двое из них получили поверхностные ранения, но третий парень в тот момент, когда взорвалась бомба, как раз выходил из мужского туалета. Он потерял глаз и правую руку до локтя. Через два дня в полицейское управление округа Саффолк пришла записка. Она была набрана на «Ай-Би-Эм Селектрик»[61]. И там было сказано: *Как вам нравится*

[61] Примечания: 1.61

IBM Selectric - серия электромеханических пишущих машин американской компании «IBM». В отличие от механических печатных машин, в IBM Selectric носителем литер являлся быстросменный шар, который при печати перед ударом поворачивался нужной стороной.

моя работа? Лучшее еще впереди! БОМБИЛА.

Бомбила установил девятнадцать бомб, прежде чем кого-то убил. «Девятнадцать!» - воскликнула Лиз. - Не то чтобы он не старался. Он разбрасывал их по всем пяти районам города, а также еще парочку в Нью-Джерси - Джерси-Сити и Форт-Ли - на всякий случай. Весь динамит - канадского производства.

Убитых не было, но число покалеченных и раненых было велико. И приближалось к пятидесяти, когда он наконец-то убил человека, который выбрал не тот телефон-автомат на Лексингтон-авеню. За каждым бумом следовала записка в полицию, ответственную за район, где произошел этот бум, и содержание записок всегда было одним и те же: *Как вам нравится моя работа? Лучшее еще впереди! БОМБИЛА.*

До Ричарда Скализа (так звали человека из телефона-автомата), между каждым новым взрывом, проходило немало времени. Две самых близких были с разницей в шесть недель. Самый длительный промежуток был около года. Но после Скализа, Бомбила ускорился. Бомбы становились все больше и больше, а таймеры - все изощреннее. Девятнадцать взрывов между 1996 и 2009 годами - двадцать, если считать бомбу

в телефоне-автомате. Между 2010 годом и майским днем 2013 года, когда Лиз вернулась в мою жизнь, он установил еще десять, ранив двадцать человек и убив троих. К тому времени Бомбила был не просто городской легендой или главным пугалом «Нью-Йорк-Ван»; к тому времени он был общенациональным явлением.

Он хорошо умел избегать камер слежения, а те, которых он избежать не мог, просто снимали парня в пальто, солнцезащитных очках и низко надвинутой кепке «Янки». Он старался не поднимать головы. По бокам и сзади шапочки виднелись седые пряди, но это вполне мог быть парик. За семнадцать лет «царства террора» были созданы три различные оперативные группы для его поимки. Первая распалась во время долгого перерыва в его «царствовании», когда полиция решила, что с ним покончено. Вторая распалась после большой перетряски в Департаменте. Третья была создана в 2011 году, когда стало ясно, что Бомбила набирает обороты. Лиз не рассказала мне всего этого по дороге в Центральный парк; я узнал это позже, как и многое другое.

Наконец, два дня назад в деле случился прорыв, которого ждали и на который надеялись.

Сын Сэма[62] прокололся на штрафе за парковку. Теда Банди[63] поймали, потому что он забыл включить фары. Бомбила - настоящее имя Кеннет Алан Террио - был разоблачен, потому что в день вывоза мусора с управляющим здания, где он проживал, произошел небольшой несчастный случай. Управляющий катил тележку, нагруженную мусорными баками, по переулку к мусоровозу, стоящему у входа в здание. Колесо тележки попало в выбоину, и один из баков упал и раскрылся. Когда управляющий стал убирать кавардак, то обнаружил пучок проводов и желтый клочок бумаги - бланк компании «Канако» - с отпечатанным текстом. Он мог бы и не позвонить в полицию, если бы там больше ничего не было, но там было - к одному из проводов был прикреплен динамитный капсюль-детонатор.

Мы добрались до Центрального парка и припарковались рядом с кучей полицейских машин (еще одна вещь, которую я узнал позже - в Центральном парке есть свой собственный полицейский

---

[62] Примечания: 1.62

Дэвид Берковиц (род. 1953), также известный как Сын Сэма и Убийца с 44 калибром - американский серийный убийца

[63] Примечания: 1.63

Теодор Роберт (Тед) Банди (1946-1989) - американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е годы.

участок - 22-й). Лиз выставила свой маленький полицейский значок на приборную панель, и мы немного прошлись по 86-й улице, прежде чем свернуть на дорожку, ведущую к памятнику Александру Гамильтону. Чтобы это узнать мне не потребовалось никакого *позже*; я просто прочел надпись на чертовой табличке. Или мемориальной доске. Или как там еще.

- Управляющий сфотографировал провода, клочок бумаги и капсюль-детонатор с помощью своего телефона, но оперативная группа получила все это только на следующий день.

- Вчера, - ответил я.

- Правильно. Как только мы все это увидели, то поняли, что парень у нас в руках.

- Конечно, из-за капсюля-детонатора.

- Да, но не только. Помнишь клочок бумаги? «Канако» - канадская компания, производящая динамит. Мы получили список всех жильцов этого здания и без особого труда исключили большинство из них, потому что знали, что ищем мужчину, вероятно одинокого, и, вероятно, белого. Было всего шесть жильцов, которые могли выносить мусор в эти баки, и только один парень, который когда-либо работал в Канаде.

- Вы их погуглили. - Мне стало интересно.

- Правильно. И среди прочего мы выяснили, что Кеннет Террио имеет двойное гражданство - США и Канады. Он работал на всевозможных строительных работах там, на Великом белом севере, плюс на гидроразрывах и сланцевых месторождениях. Он и был Бомбилой, по крайней мере, должен был быть им.

Я только мельком взглянул на Александра Гамильтона, достаточно, чтобы прочитать надпись и отметить его модные брюки. Лиз держала меня за руку и вела к тропинке чуть дальше статуи. Тянула меня, на самом деле.

- Мы ворвались с группой спецназа, но его квартира была пуста. Ну, *не совсем* пуста, - все его вещи были на месте - но сам он скрылся. К сожалению, управляющий не стал скрывать свое великое открытие, хотя ему и велели. Он проболтался кому-то из местных, и слух распространился. Одна из вещей, найденная в его квартире - «Ай-Би-Эм Селектрик».

- Это пишущая машинка?

Она кивнула.

- Эти малыши раньше продавались с разными наборными элементами для разных шрифтов. Эта машинка полностью соответствовала запискам Бомбилы.

Прежде чем мы доберемся до дорожки и скамейки, которой там уже не было, мне нужно рассказать вам еще кое-что, о чем я узнал позже. Она говорила правду о том, как Террио, в конце концов, споткнулся о свой член, но при этом использовала местоимение *мы*. *Мы* это - *мы* то, но сама Лиз не входила в нынешнюю оперативную группу по Бомбиле. Она *была* членом второй оперативной группы, той самой, которая распалась во время большой перетряски в Департаменте, когда все бегали по зданию, как курицы с отрубленными головами, но к 2013 году Лиз Даттон, эта заноза в заднице, оставалась в полиции Нью-Йорка лишь одной ногой, и только потому, что у копов есть крутой профсоюз. Остальная ее часть уже была за дверью. Отдел внутренних расследований кружил, как стервятник над свежим трупом, и в тот день, когда она забрала меня из школы, ее ни за что не включили бы в оперативную группу по отлову серийных убийц. Ей нужно было чудо, и я должен был им стать.

- К сегодняшнему дню, - продолжала она, - каждый полицейский в округе знал имя и описание Кеннета Террио. Каждый выход из города контролировался человеческими глазными яблоками, а также камерами - и, как я уверена, ты знаешь, ка-

мер в городе великое множество. Поймать этого парня, живого или мертвого, стало нашим приоритетом номер один, потому что мы боялись, что он может решить уйти в тень в самом сиянии своей славы. Может быть, взорвать бомбу перед «Саксом» на Пятой авеню или на Гранд-Сентрал. Только он оказал нам услугу.

Она остановилась и указала на место рядом с тропинкой. Я заметил, что трава в том месте была примята, как будто там стояло множество людей.

- Он пришел в парк, сел на скамейку и вышиб себе мозги из «Ругера» 45 калибра.

Я с благоговейным трепетом смотрел на это место.

- Скамейка находится в криминалистической лаборатории полиции Нью-Йорка на Ямайке, но именно здесь он это и сделал. Итак, главный вопрос. Ты его видишь? Он здесь?

Я огляделся. Я понятия не имел, как выглядит Кеннет Алан Террио, но если бы он вышиб себе мозги, я бы не смог его пропустить. Я видел, как какие-то ребята бросали фрисби, а их собака бегала от одного к другому (вообще-то собака без поводка в Центральном парке - табу), я видел пару бегунов, инвалида-колясочника и пару стариков,

сидящих на скамейках дальше по дорожке, и читающих газеты, но я не видел ни одного парня с дыркой в голове, и я сказал ей об этом.

- Черт, - сказала Лиз. - Ну, ладно. У нас есть еще два шанса, по крайней мере, я так думаю. Он работал санитаром в больнице «Город Ангелов» на 70-й улице - довольно скромный финал его строительных изысков, но ему было за семьдесят, - а многоквартирный дом, где он жил, находится в Квинсе. Что ты об этом думаешь, Чемпион?

- Мне кажется, я хочу домой. Он может быть где угодно.

- Неужели? Разве ты не говорил, что они околачиваются в тех местах, где проводили время, когда были живы? Прежде чем, я не знаю, исчезнут навсегда?

Я не мог точно вспомнить, когда я ей это говорил, но это было правдой. И все же я все больше и больше чувствовал себя Рамоной Шейнберг. Другими словами, меня похитили.

- Зачем тебе это нужно? Он ведь мертв, верно? Дело закрыто.

- Не совсем. - Она наклонилась, чтобы посмотреть мне в глаза. В 2013 году ей уже не приходилось сильно нагибаться, потому что я рос. Конечно, во мне было не шесть футов, как сейчас,

но все же я стал на пару дюймов выше. - К его рубашке была приколота записка. Которая гласила: *Есть еще одна, и это царь-бомба. Пошли вы к черту и увидимся в аду*. И подпись: *БОМБИЛА*.

Что ж, это кое-что меняло.

22

Сначала мы отправились в «Город Ангелов», потому что он был ближе. Перед входом не было никакого парня с дыркой в голове, только несколько курильщиков, поэтому мы вошли в отделение неотложной помощи. Там сидело много людей, и у одного парня из головы текла кровь. Рана выглядела скорее как рваная, чем пулевое отверстие, и он был моложе, чем Лиз рассказывала о Кеннете Террио, но я спросил Лиз, может ли она его видеть, просто чтобы удостовериться. Она сказала, что может.

Мы подошли к регистратуре, где Лиз показала свой значок и представилась детективом Нью-йоркского полицейского департамента. Она спросила, есть ли комната, где санитары хранят свои вещи и переодеваются к смене. Дама за стойкой сказала, что есть, но другие полицейские уже там побывали и обыскали шкафчик Террио. Лиз спросила, там ли они еще, и дама ответила, что нет, последний ушел несколько часов назад.

- Как бы там ни было, я бы хотела взглянуть, - сказала Лиз. - Подскажите, как туда добраться.

Дама посоветовала спуститься на лифте на уровень Б и повернуть направо. Затем она улыбнулась мне и произнесла:

- Ты помогаешь своей маме в ее расследованиях, молодой человек?

Мне хотелось сказать: *Она не моя мама, но, наверное, помогаю, потому что она надеется, что если мистер Террио все еще болтается где-то поблизости, я его увижу*. Конечно же, это не прокатит, так что я промолчал.

Лиз - нет. Она объяснила, что школьная медсестра думает, что у меня может быть мононуклеоз[64], так что это, похоже, наш шанс проверить мое здоровье и одновременно обследовать рабочее место Террио. Убить двух зайцев одним выстрелом.

- Наверное, вам лучше обратиться к своему семейному врачу, - сказала дежурная. - Сегодня это место - сумасшедший дом. Вы можете ждать часами.

- Пожалуй, так будет лучше, - согласилась Лиз. Я подумал, как естественно она говорит и как ловко врет. Я не мог решить, то ли мне противно, то ли я восхищаюсь. Думаю, немного того и другого.

---

[64] Примечания: 1.64

острое вирусное заболевание, которое характеризуется лихорадкой, поражением зева, лимфатических узлов, печени, селезёнки и своеобразными изменениями состава крови.

Дежурная подалась вперед. Я был очарован тем, как ее огромные буфера растолкали бумаги на стойке. Это напомнило мне ледокол, который я видел в кино. Она понизила голос:

- Все были шокированы, скажу я вам. Кен был самым старым из санитаров и самым милым. Трудолюбивый, всегда готовый угодить. Если кто-то просил его что-то сделать, он никогда не отказывал. И делал дело с улыбкой. Подумать только, мы работали рядом с убийцей! Знаете, что это доказывает?

Лиз покачала головой, с явным нетерпением ожидая, когда мы получим возможность двинуться в путь.

- Ты ничего никогда не знаешь, - сказала дежурная. Она говорила как человек, сообщающий великую истину. - Никогда ничего не знаешь наверняка!

- Он хорошо умел маскироваться, это точно, - сказала Лиз, и я подумал, что мне нужно кое-что прояснить.

В лифте я спросил:

- Если ты в оперативной группе, то почему не с ними?

- Не мели ерунды, Чемпион. Я что, должна была представить *тебя* оперативной группе? Приду-

мать правдоподобную историю для женщины в регистратуре и то было достаточно сложно. - Лифт остановился. - Если кто-нибудь спросит, помни, зачем ты здесь.

- Мононуклеоз.

- Правильно.

Но спрашивать было не кому. Комната отдыха санитаров была пуста. На двери висела желтая лента с надписью ПОЛИЦЕЙСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ. НЕ ВХОДИТЬ. Мы с Лиз нырнули под нее, при этом она держала меня за руку. Внутри были скамейки, несколько стульев и около двух дюжин шкафчиков. Кроме того, в распоряжении санитаров был холодильник, микроволновая печь и тостер. Возле тостера стояла открытая коробка с «Поп-тартсами»[65]и я подумал, что в тот момент не отказался бы от печенья. Но Кеннета Террио там не было.

На шкафчиках, на двусторонний скотч «Дымо», были наклеены имена. Лиз открыла дверку с именем «Террио», воспользовавшись носовым платком из-за остатков порошка для отпечатков

---

[65] Примечания: 1.65

«Pop-Tarts» - название печенья, наиболее популярный бренд компании Kellogg. Представляет собой два слоя запечённого теста, между которыми находится сладкая начинка. Несмотря на то, что печенье продаётся уже пригодным для употребления в пищу, рекомендуется подогревать его в тостере

пальцев. Она сделала это медленно, как будто ожидала, что тот прячется внутри и выпрыгнет, как Бугимен из детского шкафчика. Террио и был кем-то вроде Бугимена, вот только его там не было. Шкафчик был пуст. Копы все забрали.

Лиз снова сказала «черт». Я посмотрел на телефон, чтобы узнать время. Было двадцать минут четвертого.

- Помню, помню, - сказала она. Ее плечи были опущены, и хотя я был возмущен тем, что она подхватила меня как хищная птица, и унесла, я не мог не испытывать к ней жалости. Я вспомнил, как мистер Томас сказал, что моя мама выглядит старой, и теперь я подумал, что бывшая подруга моей мамы тоже выглядит старой. И слишком худой. Я должен признать, что испытывал по отношению к ней еще и некоторое восхищение, потому что она пыталась поступить правильно и спасти жизни. Она была похожа на героиню боевика, на одинокого волка, который хочет решить дело самостоятельно. Может быть, она действительно заботилась о невинных людях, которые могли испариться в последней бомбе Бомбилы. Возможно, нет - в тот момент я не мог разобраться. Но теперь я точно знаю, что в большей мере она была озабочена спасением своей работы.

Мне не хочется думать, что это было главной ее целью, но в свете того, что произошло позже - к этому я еще вернусь - мне не приходится в этом сомневаться.

- Ладно, еще один выстрел. И перестань пялиться в свой дурацкий телефон, Чемпион. Я знаю, сколько сейчас времени, и не важно, какие у тебя будут неприятности, если я не доставлю тебя домой до того, как появится твоя мать.

- Она наверняка пригласит Барбару выпить по бокалу вина, прежде чем пойдет домой. Барбара сейчас работает в агентстве. - Не знаю, зачем я это сказал. Полагаю потому, что также хотел спасти невинные жизни, хотя это казалось мне довольно дурацким занятием, так как я не думал, что мы обнаружим где-нибудь Кеннета Террио. А еще потому, что Лиз выглядела слишком подавленной. Вот я и загнал себя в угол.

- Что ж, нам повезло, - сказала Лиз. - Нам остается посетить всего лишь одно место.

23

«Фредерик Армс» представляло собой двенадцатиэтажное или четырнадцатиэтажное здание из серого кирпича, с решетками на окнах квартир первого и второго этажей. Для ребенка, выросшего в Дворце-на-парковой, оно больше походило на тюрьму из «Побега из Шоушенка», чем на многоквартирный дом. И Лиз сразу поняла, что мы никогда не попадем внутрь этого здания, не говоря уже о квартире Кеннета Террио. Место просто кишело копами. Зеваки стояли посреди улицы, как можно ближе к полицейским заградительным барьерам, и все фотографировали. Фургоны теленовостей были припаркованы по обеим сторонам квартала с поднятыми антеннами и змеящимися повсюду кабелями. Над головой парил вертолет «Четвертого канала».

- Смотри, - сказал я. - Стейси-Энн Конвей! Она из «Нью-Йорк-Ван»!

- Спроси меня, есть ли мне до этого дело, - сказала Лиз.

Я не спросил.

Нам еще повезло, что мы не наткнулись на

репортеров в Центральном парке или «Городе Ангелов», и я понял, что единственная причина, по которой этого не произошло, заключалась в том, что все они были здесь. Я посмотрел на Лиз и увидел, как по ее щеке катится слеза.

- Может, сходим на его похороны? Вдруг он будет там.

- Скорее всего, его кремируют. В частном порядке, за счет города. Родственников нет. Он пережил их всех. Я отвезу тебя домой, Чемпион. Прости, что притащила тебя сюда.

- Да ладно, - сказал я и похлопал ее по руке. Я знал, что маме это не понравилось бы, но мамы там не было.

Лиз развернулась и направилась в обратную сторону, к мосту Куинсборо. В квартале от «Фредерик Армс» я взглянул на маленькую бакалейную лавку и сказал:

- Вот он.

Она бросила на меня взгляд широко раскрытых глаз.

- Ты уверен? Ты *уверен*, Джейми?

Я наклонился вперед, и меня вырвало прямо между кроссовок. Это был тот ответ, который ей был нужен.

24

Я не могу сказать, выглядел ли он так же плохо, как тот мужик из Центрального парка, ведь это было очень давно. Могло быть и хуже. Как только вы первый раз увидите, что может случиться с человеческим телом, подвергшимся акту насилия - будь-то несчастный случай, самоубийство, убийство, - возможно, это даже не будет иметь значения. Кеннет Террио, он же Бомбила, выглядел плохо. Очень плохо.

По обе стороны от входа в бакалейную лавку стояли скамейки, где люди могли съесть то, что там покупали. Террио сидел на одной из них, положив руки на бедра брюк цвета хаки. Люди проходили мимо, направляясь туда, куда они направлялись. В магазин вошел чернокожий парень со скейтбордом под мышкой. Вышла дама с дымящимся бумажным стаканчиком с кофе. Ни один из них даже не взглянул на скамью, на которой сидел Террио.

Должно быть, он был правшой, потому что эта сторона его головы выглядела не так уж плохо. В его виске зияла дыра размером с десятицентовик,

или чуть меньше, окруженная темной короной - то ли синяк, то ли порох. Скорее, порох. Я сомневаюсь, что его тело успело собрать достаточно крови, чтобы получился синяк.

Настоящие повреждения были слева, там, где вышла пуля. Дыра с этой стороны была размером с десертную тарелку и окаймлялась неровными костяными клыками. Плоть на его голове была опухшей, словно от сильной инфекции. Его левый глаз вытек наружу и свисал из глазницы. Хуже всего было то, что по его щеке стекала серая жидкость. Это был его мозг.

- Не останавливайся, - сказал я. - Просто едем. - В носу стоял сильный запах блевотины, а во рту - ее вкус, мерзкий и склизкий. - Пожалуйста, Лиз, я не могу это видеть.

Вместо этого она свернула на обочину перед пожарным гидрантом в самом конце квартала.

- Ты должен. И я должна. Извини, Чемпион, но нам просто необходимо все разузнать. А теперь возьми себя в руки, чтобы люди не пялились на нас и не думали, что я над тобой издеваюсь.

Но ведь ты это делаешь, - подумал я. - *И ты не остановишься, пока не получишь то, чего хочешь.*

Вкус во рту напомнил о равиоли, которые я ел

в школьном кафе. Как только я это осознал, то открыл дверь, высунулся наружу, и меня снова вырвало. Как в тот день, когда я увидел мужчину из Центрального парка, когда так и не попал на день рождения Лили в супернавороченный Уэйв-Хилл[66]. Это было *дежавю*, без которого я мог бы обойтись.

- Чемпион? *Чемпион!*

Я повернулся к ней, и она протянула мне пачку бумажных салфеток «Клинекс» (покажите мне женщину без «Клинекса» в сумочке, и я поверю в снежного человека).

- Вытри рот и вылезай из машины. Постарайся выглядеть нормально. Давай уже с этим покончим.

Я видел, что она говорит серьезно - мы не уйдем, пока она не получит то, чего хочет. *Мужайся,* подумал я. - *Ты можешь это сделать. Ты должен это сделать, потому что на карту поставлены жизни.*

Я вытер рот и вылез. Лиз положила на приборную доску свою маленькую табличку - полицей-

---

[66] Примечания: 1.66

парк в Нью-Йорке, внесён в Национальный реестр исторических мест США. В парке демонстрируются экспонаты изобразительного искусства.

ская версия «Освобождения из тюрьмы»[67] - и подошла к тому месту, где я стоял на тротуаре и глядел через окно прачечной на женщину, складывающую одежду. Это было не очень интересно, но, по крайней мере, удерживало меня от взгляда на развалины человека на улице. Во всяком случае, пока. Скоро мне придется это сделать. Хуже того - о Боже - мне придется с ним поговорить. Если он вообще *мог* говорить.

Машинально, я протянул ей руку. Тринадцать лет, наверное, было слишком много, чтобы держать за руку женщину, которую прохожие приняли бы за мою мать (если бы они вообще о нас думали), но когда она ее взяла, я обрадовался. Чертовски обрадовался.

Мы пошли к магазину. Я сожалел, что у нас в запасе не было тысячи миль - расстояние тут было не больше полквартала.

- А где, собственно, он сам? - тихо спросила она.

Я рискнул взглянуть, чтобы убедиться, что он никуда не делся. Нет, он все также сидел на скамейке, и теперь я мог смотреть прямо в кратер, где когда-то жили его мысли. Ухо было на месте,

---

[67] Примечания: 1.67

элемент настольной игры «Монополия», который стал популярной метафорой для чего-то, что поможет человеку выбраться из нежелательной ситуации.

но поломанное и кривое, и я внезапно вспомнил, что когда-то, в четыре или пять лет, у меня был Мистер Картофельная Голова[68]. И мой желудок снова сжался.

- Возьми себя в руки, Чемпион.

- Не называй меня так, - выдавил я. - Я это ненавижу.

- Приму к сведению. Где он?

- Сидит на скамейке.

- Той, что по эту сторону двери, или…

- Да, с этой стороны.

Я снова взглянул на него, теперь мы были так близко, что мне просто некуда было деться, и увидел интересную вещь. Из магазина вышел мужчина с газетой под мышкой и хот-догом в руке. Хот-дог был в одном из тех пакетов из фольги, которые вроде бы должны сохранять их горячими (поверьте в это, и тогда вы можете верить, что луна сделана из сыра). Он уже было сел на другую скамейку, вытаскивая из пакета свой хот-дог. Внезапно он остановился, посмотрел то ли на нас

---

[68] Примечания: 1.68

Mr. Potato Head - американская игрушка, которая представляет собой пластиковую картофелину, к которой прилагается множество аксессуаров. Их можно прикреплять к «телу» в произвольном порядке. В классический комплект Мистера Картофеля всегда входят глаза, уши, руки, ботинки, кепка, зубы, язык и усы, которые могут также служить бровями.

с Лиз, то ли на другую скамейку и пошел прочь, чтобы съесть свой хот-дог где-нибудь в другом месте. Он не видел Террио - если бы увидел, то, скорее всего, убежал бы, вопя во все горло, - но я думаю, он его *почувствовал*. Нет, я не просто так думаю, я это знаю. Жаль, что я тогда не обратил на это внимания, но я был расстроен, как вы, надеюсь, понимаете. Если нет, то вы идиот.

Террио повернул голову. Это было облегчением, потому что движение скрыло худшую часть выходного пулевого отверстия. Это не было облегчением, потому что его лицо было нормальным с одной стороны и распухшим с другой, как у того Двулицего парня в комиксах о Бэтмене. Хуже всего было то, что теперь он смотрел прямо на меня.

Я вижу их, и они знают, что я их вижу. Так было всегда.

- Спроси его, где бомба, - сказала Лиз. Она говорила уголком рта, как шпионка в дешевой комедии.

По тротуару шла женщина с ребенком в переноске. Она бросила на меня недоверчивый взгляд, может, потому, что я выглядел странно, а может, потому, что от меня пахло блевотиной. А может, и то и другое. Мне было все равно. Все, что я хотел, - это сделать то, ради чего Лиз Даттон

привезла меня сюда, а потом убраться к чертовой матери. Я подождал, пока женщина с ребенком зайдет внутрь магазина.

- Где бомба, мистер Террио? Последняя бомба?

Сначала он ничего не ответил, и я подумал: *Ладно, у него вышибло мозги, он здесь, но говорить не может, конец истории.* Затем он заговорил: слова не совсем соответствовали движениям его рта, и мне показалось, что он говорит откуда-то издалека - из ада - с задержкой времени. Это напугало меня до чертиков. Если бы я знал, что именно в тот момент в него вселилось нечто ужасное и овладело им, все было бы еще хуже. Но знаю ли я *наверняка*? Нет, но я *почти* это знаю.

- Я не хочу тебе говорить.

Это ошеломило меня и заставило замолчать. Я никогда раньше не получал таких ответов от мертвецов. Правда, мой опыт был достаточно ограничен, но до тех пор я бы сказал, что они должны были говорить вам правду с первого раза, каждый раз.

- Что он сказал? - спросила Лиз. Она все еще говорила уголком рта.

Я проигнорировал ее слова и снова обратился к Террио: поскольку вокруг никого не было, я заговорил громче, выговаривая каждое слово

так, как это делают глухие или плохо владеющие английским.

- Где... последняя... бомба?

Я бы еще сказал, что мертвые не чувствуют боли, что они находятся вне ее пределов, и Террио, конечно же, не страдал от чудовищной раны головы, которую нанес себе сам, но теперь его наполовину распухшее лицо исказилось, как будто я обжег его или ударил ножом в живот, а не просто задал ему вопрос.

- Не хочу тебе этого *говорит*ь!

- Что он... - снова начала Лиз, но тут вернулась дама с ребенком. В руках у нее был лотерейный билет. У ребенка в «Папузе»[69] была палочка «Кит-Кэт», которую он размазывал по всему лицу. Потом он посмотрел на скамейку, на которой сидел Террио, и заплакал. Мама, должно быть, подумала, что ее ребенок смотрит на меня, потому что она одарила меня еще одним взглядом, на этот раз *крайне* недоверчивым, и удалилась прочь быстрыми шагами.

- Чемпион… Джейми, я имею в виду…

- Заткнись, - сказал я. А затем (моя мать возненавидела бы меня, если бы я так разговаривал с

---

[69] Примечания: 1.69
фирма, выпускающая детские слинг-переноски

любым взрослым) я добавил: - Пожалуйста.

Я снова посмотрел на Террио. Гримаса боли сделала его изуродованное лицо еще более уродливым, и тут я внезапно осознал, что мне все равно. Он искалечил достаточно людей, чтобы заполнить не одну больничную палату, он *убивал* людей, и если записка, которую он приколол к своей рубашке, не была профанацией, он умер, с желанием убить еще больше. Теперь я даже *надеялся*, что он страдает.

- Где... эта... хрень... ты... ублюдок?

Он обхватил себя руками за талию, согнулся, словно у него начались судороги, и застонал. Потом он сдался.

- «Кинг Куллен». Супермаркет «Кинг Куллен» в Истпорте.

- Почему?

- Мне показалось правильным закончить там, откуда я начал, - сказал он и нарисовал пальцем в воздухе круг. - Замкнув круг.

- Нет, зачем вообще это делать? Зачем устанавливать все эти бомбы?

Он улыбнулся, и это еще больше сморщило распухшую сторону его лица. Я все еще это вижу, и я никогда не смогу этого забыть.

- Потому что, - сказал он.

- Потому что - что?
- Потому что мне так захотелось, - сказал он.

25

Когда я пересказал Лиз все, что сказал мне Террио, она пришла в легкое волнение и ничего больше. Я мог это понять, ведь она не смотрела на мужчину, которому почти оторвало голову. Она сказала, что ей нужно зайти в магазин и кое-что купить.

- И оставить меня здесь, рядом с ним?

- Нет, иди к машине. Подожди меня там. Я на минутку.

Террио сидел и смотрел на меня единственным нормальным глазом. Я почувствовал на себе этот взгляд. И вспомнил о поездке в летний лагерь, где у меня завелись вши, и мне пришлось пять раз мыть голову специальным вонючем шампунем, прежде чем все они подохли.

Шампунь не исправит то, что Террио заставлял меня чувствовать, только уход от него подальше может это сделать, поэтому я поступил так, как велела мне Лиз. Я дошел до прачечной и посмотрел через окно на женщину, которая все еще складывала одежду. Она увидела меня и помахала рукой. Я тут же вспомнил маленькую

девочку с дыркой в горле, то, как она помахала мне рукой, и на одно ужасное мгновение мне показалось, что хозяйка прачечной тоже мертва. Только мертвый человек не стал бы складывать одежду. Они просто стоят и смотрят. Или сидят, как Террио. Поэтому я помахал ей в ответ. И даже попытался улыбнуться.

А затем снова повернулся к магазину. Я сказал себе, что делаю это только для того, чтобы посмотреть, вышла ли Лиз, но на самом деле, я развернулся вовсе не для этого. На самом деле, я хотел убедиться, смотрит ли на меня Террио. Он смотрел. Он приподнял одну руку, упер три пальца в ладонь, один - указательный - нет. Затем согнул указательный палец один раз, потом второй. Очень медленно. Типа: *Иди сюда, мальчик*.

Я пошел к нему, мои ноги, казалось, двигались сами по себе. Я не хотел, но ничего не мог с собой поделать.

- Ты ей безразличен, - сказал Кеннет Террио. - Тьфу, и растереть. Просто тьфу, и все. Она тебя использует, парень.

- Да пошел ты, мы спасаем жизни. - Никто не проходил мимо, но даже если бы кто-то и прошел, он или она меня не услышали бы. Он украл почти весь мой голос, не оставив ничего, кроме

шепота.

- Что она пытается спасти, так это свою работу.

- Ты этого не знаешь, ты просто обычный психопат, - все еще шепотом, и тут я почувствовал, что вот-вот обмочусь.

Он ничего не сказал, только усмехнулся. Таков был его ответ. Лиз вышла. У нее в руках был один из тех дешевых пластиковых пакетов, которые тогда продавали в магазинах. Она посмотрела на скамейку, где сидел человек, которого она не видела, а потом на меня.

- Что ты здесь делаешь, Че... Джейми? Я велела тебе идти к машине. - И прежде чем я успел ответить, быстро и резко, словно обращаясь к преступнику, находящемуся в комнате для допросов, задала еще один вопрос: - Он сказал тебе еще что-нибудь?

Что ты заботишься только о том, чтобы сохранить свою работу, - подумал я. - *Но я и так это знаю*.

- Нет, - сказал я. - Я хочу домой, Лиз.

- Так и случится. Очень скоро. Как только я сделаю одну вещь. Две, вообще-то, мне еще нужно убрать твой бардак из моей машины. - Она обняла меня за плечи (как положено хорошей маме) и повела мимо прачечной. Я бы снова помахал

даме, складывающей одежду, но она стояла ко мне спиной.

- Сейчас кое-что устроим. Я уже и не думала, что у меня будет шанс им воспользоваться, но благодаря тебе…

Когда мы подошли к машине, она достала из сумки телефон-раскладушку. Новенький, в упаковке. Я прислонился к витрине мастерской по ремонту обуви и смотрел, как она с ним возится, пытаясь включить. Было уже четверть пятого. Если мама пойдет выпить по бокалу вина с Барбарой, мы успеем вернуться до ее возвращения... Но смогу ли я не проболтаться о своих дневных приключениях? Я не знал, и в тот момент это не казалось таким уж важным. Мне хотелось только, чтобы Лиз побыстрее заехала за угол дома, я подумал, что она могла бы еще немного подышать запахом моей блевотины после того, что я для нее сделал, но она была слишком взвинчена. К тому же надо было что-то решать с бомбой. Я вспомнил все фильмы, которые видел, где часы отсчитывают до нуля, а герой раздумывает, перерезать ли красный провод или синий.

Теперь она кому-то звонила.

- Колтон? Да, это... заткнись, просто слушай. Время вернуть должок. Ты должен мне услугу,

огромную услугу, пришло время расплатиться. Я объясню тебе, что ты должен сказать. Запиши, а потом... *заткнись, я сказала*!

Ее голос прозвучал так злобно, что я сделал шаг назад. Я никогда не слышал, чтобы Лиз так говорила, и понял, что впервые ее вижу в другой жизни. Полицейской жизни, где она постоянно имела дело с подонками.

- Запиши на голосовой, потом перепиши на бумагу, а потом перезвони мне. Сделай это немедленно.

Она ждала. Я украдкой оглянулся на магазин. Обе скамьи были пусты. Это вроде бы должно было быть облегчением, но почему-то облегчения я не чувствовал.

- Готов? Хорошо. - Лиз закрыла глаза, отгораживаясь от всего, кроме того, что хотела сказать. Она говорила медленно и четко. - Если только Кен Террио на самом деле Бомбила... Я отвечаю на звонок и говорю, что хочу это записать. Ты ждешь, пока я не скажу: «Подождите, я хочу это записать». Понял? - Она слушала, пока Колтон - кем бы он ни был - не сказал, что понял. Ты скажешь: «Если только Кен Террио на самом деле Бомбила, то он всегда говорил о том, чтобы закончить там, где начал. Я звоню вам, потому

что брал у вас интервью в 2008 году. И сохранил вашу визитку». Ты понял? - Еще одна пауза. Лиз кивнула. - Хорошо. Я спрошу, кто это говорит, и ты повесишь трубку. Сделай это прямо сейчас, время дорого. Напортачишь, и я трахну тебя по-крупному. Ты знаешь, я это могу.

Она положила телефон в сумку. И начала расхаживать по тротуару. Я украдкой бросил еще один взгляд на скамейки. Пусто. Может быть, Террио - то, что от него осталось, - возвращается домой, чтобы взглянуть на происходящее в старом добром «Фредерик Армс».

Из кармана блейзера Лиз донеслось барабанное вступление из фильма «Ходят слухи»[70]. Она достала свой настоящий телефон и поздоровалась. Она послушала, потом произнесла:

- Подождите, я хочу это записать. - Она произнесла это, а затем добавила: - Повторите еще раз.

Как только сценка была разыграна, она закончила разговор и убрала телефон.

- Не так круто, как бы мне хотелось, - сказала она. - Но разве им не будет пофиг?

- Скорее всего, нет, когда они найдут бомбу,

---

[70] Примечания: 1.70

«Rumor Has it...» - американский фильм 2005 года, семейная драма о том, как сложно жить, узнав о нескольких версиях своего появления на свет, но понятия не имея, какая из них соответствует действительности.

- сказал я. Лиз слегка вздрогнула, и я понял, что она разговаривает сама с собой. Теперь, когда я сделал то, что она хотела, я был чемоданом без ручки.

В пластиковом пакете лежали рулон бумажных полотенец и баллон с освежителем воздуха. Она очистила мою блевотину, бросила ее в придорожную канаву (за неправильно утилизированный мусор штраф сто долларов, как я узнал позже), а затем опрыскала машину чем-то, что пахло цветами.

- Садись, - сказала она мне.

Меня отослали прочь, так что мне не пришлось смотреть на то, что осталось от моих обеденных равиоли (что касается уборки бардака, я думал, что она мне это должна), но когда я повернулся, чтобы сесть в машину, то увидел Кеннета Террио, стоящего у багажника. Достаточно близко, чтобы протянуть руку и дотронуться до меня, и он все еще ухмылялся. Я мог бы закричать, но когда я его увидел, я был на выдохе, и моя грудь, казалось, не могла расшириться, чтобы схватить воздух. Как будто все мышцы закаменели.

- Еще увидимся, - сказал Террио. Ухмылка стала шире, и я разглядел сгусток свернувшейся крови между его зубами и щекой. - *Чемпион*.

26

Мы проехали всего три квартала, и машина снова остановилась. Лиз достала свой телефон (настоящий, а не левый), потом посмотрела на меня и увидела, что я дрожу. Может быть, тогда мне и не помешали бы объятия, но все, что я получил, - это похлопывание по плечу, предположительно сочувственное.

- Запоздалая реакция, малыш. Знаю об этом все. Это пройдет.

Затем она позвонила, представилась детективом Даттон и попросила позвать Гордона Бишопа. Должно быть, ей сообщили, что он занят, потому что Лиз сказала:

- Да будь он хоть на Марсе, соедините меня. Это сверхважно.

Она ждала, постукивая пальцами свободной руки по рулю. Потом резко выпрямилась.

- Это Даттон, Гордо... нет - я знаю, что не вовремя, но ты должен это услышать. Я только что получила сообщение о Террио от кого-то, кому давала интервью, когда еще их давала... нет - я не знаю, от кого именно. Вам нужно проверить

«Кинг Куллен» в Истпорте... ведь там он начал, верно. В этом есть определенный смысл, если подумать.

Послушала немного, и произнесла:

- Ты шутишь? Сколько людей тогда было на интервью? Сто? Двести? Слушай, я перешлю тебе сообщение. Я записала его, к счастью, в моем телефоне есть такая функция.

Она *точно* знала, что есть; она проверила запись во время нашего короткого трехквартального путешествия. Лиз проиграла сообщение и, когда оно закончилось, произнесла:

- Гордо? Ты ведь... черт. - Она отняла телефон от уха. - Он повесил трубку.

Лиз мрачно улыбнулась и продолжила:

- Он меня терпеть не может, но проверит. Он знает, что все будет на его совести, если он этого не сделает.

Детектив Бишоп действительно проверил, потому что к тому времени у них появилась свободная минутка, чтобы покопаться в прошлом Кеннета Террио, и они нашли самородок, который выделялся в свете «анонимной подсказки» Лиз. Задолго до его карьеры в строительном бизнесе и его после пенсионной карьеры в качестве санитара в «Городе Ангелов», Террио жил в го-

роде Уэстпорт, который, само собой, находится по соседству с Истпортом. Будучи старшеклассником, он работал посыльным и кочегаром в «Кинг Куллене». Там его ловили на кражах. Когда попался в первый раз, он был предупрежден. Во второй раз его уволили. Но от такой привычки как воровство, похоже, трудно избавиться. Позже он перешел к динамиту и детонаторам. Хороший запас того и другого позже был найден в камере хранения в Квинсе. Все старое, все из Канады. Думаю, в те дни пограничный досмотр был куда менее тщательным.

- Теперь мы можем ехать домой? - спросил я Лиз. - Пожалуйста?

- Да. Ты собираешься рассказать обо всем этом своей матери?

- Я не знаю.

Она улыбнулась.

- Это был риторический вопрос. Конечно же, расскажешь. Это нормально, ну а мне пофиг. И знаешь почему?

- Потому что мне никто не поверит.

Она похлопала меня по руке.

- Совершенно верно, Чемпион. Четко сказано.

27

Лиз высадила меня на углу улицы, ведущей к нашему дому, и умчалась. Я не спеша подошел к зданию. Мама с Барбарой все-таки не ходили пить вино, Барб простудилась и сказала, что сразу после работы пойдет домой. Мама стояла на ступеньках с телефоном в руке.

Увидев меня, она бросилась вниз и схватила меня в панические объятия, от которых у меня перехватило дыхание.

- Где тебя черти носили, Джеймс? - Она называла меня так только когда была в бешенстве, о чем вы, наверное, уже догадались. - Как ты мог быть таким легкомысленным? Я обзвонила всех, я уже начала думать, что тебя похитили, я даже думала позвонить…

Она перестала обниматься и отодвинула меня на расстоянии вытянутой руки. Я видел, что она плакала, и она опять начала плакать, и из-за этого у меня окончательно упало настроение, хотя я ни в чем не был виноват. Я думаю, только ваша мать может заставить вас чувствовать себя хуже китового дерьма.

- Это была Лиз? - И, не дожидаясь ответа, добавила: - Ну, конечно же. - Затем низким убийственным голосом: - Вот же *сука*.

- Мне пришлось поехать с ней, мама, - сказал я. - Деваться было некуда.

Потом я тоже заплакал.

28

Мы поднялись наверх. Мама заварила кофе и налила мне чашечку. Мою первую чашечку кофе, и с тех пор я пью его как не в себя. Я рассказал ей почти все. Как Лиз ждала возле школы. Как она сказала мне, что жизнь многих людей зависит от того, найдется ли последняя бомба Бомбилы. Как мы ездили в больницу и к дому Террио. Я даже рассказал ей, как ужасно выглядел Террио с разнесенной пулей половиной головы. Я только не сказал ей, как обернулся и увидел его, стоящего за машиной Лиз, достаточно близко, чтобы схватить меня за руку... если, конечно, мертвые могут хватать, но, на самом деле, мне никогда не хотелось это выяснить. И еще я не передал ей то, что он мне сказал, но в ту ночь, когда я ложился спать, в моей голове звенело, как треснувший колокол: «Еще увидимся…*Чемпион*».

Мама все время говорила «хорошо», и «я понимаю», выглядя все более и более расстроенной. И ей, конечно же, захотелось узнать, что сейчас происходит на Лонг-Айленде, да и мне тоже. Она включила телевизор, и мы сели на диван, чтобы

все увидеть. Льюис Додли из «Нью-Йорк-Ван» вел репортаж, стоя на улице рядом с полицейскими заграждениями.

- Похоже, полиция очень серьезно относится к этой информации, - сказал он. - Согласно источнику в полицейском управлении округа Саффолк…

Я вспомнил о вертолете новостной компании, пролетавшем над «Фредерик Армс», и решил, что у него было достаточно времени, чтобы долететь до Лонг-Айленда, поэтому схватил пульт с колен матери и переключился на «Четвертый канал». И, конечно же, мы тут же увидели крышу супермаркета «Кинг Куллен». На стоянке было полно полицейских машин. У главных дверей был припаркован большой фургон, который, должно быть, принадлежал саперам. Я увидел, как двое полицейских с парой собак на поводках вошли внутрь. Вертолет кружил слишком высоко, чтобы мы могли разглядеть, есть ли на саперах бронежилеты и защитные шлемы, но я уверен, что были. Но только не на собаках. Если бомба Бомбилы рванет, собак разнесет на кусочки.

Репортер в вертолете говорил:

- Нам сообщили, что все покупатели и персонал магазина благополучно эвакуированы. Хотя вполне вероятно, это всего лишь очередная

ложная тревога, во время «царства террора» Бомбилы их было много, - (Да, он действительно это сказал), - принимать такие вещи всерьез - самое мудрое решение. Все, что мы знаем сейчас, - это то, что именно здесь была заложена первая бомба Бомбилы, и что его последняя бомба до сих пор не найдена. Давайте вернемся в студию.

На хромакее[71] позади ведущих новостей появилась фотография Террио, возможно, с его удостоверения из «Города ангелов», потому что выглядел он довольно старым. Не кинозвезда, конечно, но смотрелся он на ней намного лучше, чем сидя на той скамейке. Сфабрикованная подсказка Лиз, возможно, не была бы воспринята так серьезно, если бы не заставила одного из самых старых детективов в департаменте вспомнить случай из его детства, случай Джорджа Метески, прозванного прессой Безумным бомбистом. Метески заложил тридцать три самодельные бомбы во время своего «царства террора», которое продолжалось с 1940 по 1956 год, и зерно было заложено аналогичной обидой, в его случае на

[71] Примечания: 1.71

хромакей - технология совмещения двух и более изображений или кадров в одной композиции, цветовая электронная рирпроекция, использующаяся на телевидении и в современной цифровой технологии кинопроизводства

«Консолидейтед Эдисон»[72].

Какой-то шустрый сотрудник из отдела новостей уже установил эту связь, и лицо Метески появилось на хромакее следующим, но мама даже не потрудилась посмотреть на старика… который, как мне показалось, странным образом походил на Террио в униформе санитара. Она схватила телефон и, бормоча что-то себе под нос, пошла в спальню за записной книжкой, вероятно, после их спора о *крупной партии*, она удалила номер Лиз.

Показывали рекламу каких-то таблеток, и я подкрался к двери ее спальни, чтобы послушать. Если бы я подошел к двери на пару секунд позже, то не услышал бы ни хрена, потому что этот звонок длился недолго.

- Это Тиа, Лиз. Слушай меня и ничего не говори. Я собираюсь держать это при себе по причинам, которые должны быть для тебя очевидны. Но если ты еще раз побеспокоишь моего сына, если он хотя бы тебя увидит, я спалю твою жизнь дотла. Ты же знаешь, что я могу это сделать. Все, что для этого потребуется, - один-единственный звонок. *Держись подальше от Джейми.*

---

[72] Примечания: 1.72

Consolidated Edison Inc. - американская компания, одна из крупнейших энергетических компаний в Соединённых Штатах Америки.

Я поспешил обратно к дивану и притворился, что заинтересован очередной рекламой. Что оказалось так же бесполезно, как сиськи у быка.

- Ты слышал?

Ее глаза горели, призывая меня не лгать. Я кивнул.

- Хорошо. Если увидишь ее снова, беги со всех ног. Домой. И расскажи мне. Ты понял?

Я снова кивнул.

- Просто великолепно, правда, правда. Я заказываю еду. Хочешь пиццу или китайскую жрачку?

29

Копы нашли и обезвредили последнюю бомбу Бомбилы в среду вечером, около восьми часов. Мы с мамой смотрели «В поле зрения»[73] по телевизору, когда ведущий новостей ворвался со специальным выпуском. Собаки-ищейки сделали немало обходов, ничего не обнаружив, и саперы уже собирались их убирать, когда одна из них подняла тревогу в посудном отделе. Они уже несколько раз там были, и на полках не было места, чтобы спрятать бомбу, и тут один из полицейских случайно поднял голову и увидел потолочную панель, немного сдвинутую со своего места. Вот где была заложена бомба, между потолком и крышей. Она была привязана к балке эластичным оранжевым шнуром, как у банджи-джамперов[74]

---

[73] Примечания: 1.73

Person of Interest - американский телесериал в жанре детективной драмы производства Bad Robot Productions, транслировавшийся на канале CBS

[74] Примечания: 1.74

банджи-джаммпинг - аттракцион. На этом аттракционе участников привязывают к длинному резиновому канату, на котором они совершают прыжок вниз

Террио действительно хотел пустить в ход свой козырь - шестнадцать динамитных шашек и дюжину капсюлей-детонаторов. Он вышел далеко за рамки будильников; бомба была подсоединена к цифровому таймеру, очень похожему на те, что были в фильмах, о которых я вспоминал (один из полицейских сделал снимок после того, как бомба была обезврежена, и он был опубликован в «Нью-Йорк Таймс» на следующий же день). Она должна была сработать в 5 часов вечера в пятницу, когда в магазине было бы больше всего народу. На следующий день, на «Нью-Йорк-Ван» (мы вернулись к маминому любимому каналу), один из саперов предположил, что это обрушило бы всю крышу. Когда его спросили, сколько людей могло бы погибнуть при таком взрыве, он только покачал головой.

В тот четверг, вечером, когда мы ужинали, мама сказала:

- Ты поступил правильно, Джейми. Сделал *хорошее* дело. Лиз тоже, каковы бы ни были ее причины. Это наводит меня на мысль о том, что однажды сказал Марти. - Она имела в виду мистера Беркетта, на самом деле профессора Беркетта, все еще Почетного и все еще держащегося.

- И что он сказал?

- Иногда Бог пользуется поломанным инструментом. - Это была цитата одного из древних английских писателей, о которых он преподавал.

- Он всегда спрашивает меня, чему я учусь в школе, - сказал я, - и всегда качает головой, как будто думает, что я получаю плохое образование.

Мама рассмеялась.

- Это человек, который просто *напичкан* образованием, и его ум все еще остер и сосредоточен. Помнишь, как мы с ним ужинали на Рождество?

- Конечно, бутерброды с индейкой и клюквенным соусом, крутяк! Плюс горячий шоколад!

- Да, это был хороший вечер. Будет грустно, когда он уйдет. Ешь, есть яблочный крисп[75] на десерт. Барбара сделала. И Джейми?

Я посмотрел на нее.

- Не могли бы мы больше об этом не говорить? Просто... оставить все в прошлом?

Мне показалось, что она говорит не только о Лиз или даже о Террио, но и о том, что я вижу мертвых. Это было то, что наш учитель информатики называл *глобальным запросом*, и меня вполне устраивало. Даже больше, чем вполне.

---

[75] Примечания: 1.75

легендарный американский десерт с теплыми яблоками под хрустящей крошкой

- Конечно.

Тогда, сидя в нашем ярко освещенном кухонном уголке и поедая пиццу, я действительно думал, что мы могли бы оставить все в прошлом. Только я ошибался. Я не видел Лиз Даттон еще два года и почти не вспоминал о ней, но в тот же вечер снова увидел Кена Террио.

Как я уже сказал в самом начале, это страшная история.

30

Я уже почти заснул, когда две кошки завыли во все горло, и сон как рукой сняло. Мы жили на пятом этаже, и я, возможно, не услышал бы этого воя, как и грохота мусорного бака, который за ним последовал, если бы мое окно не было приоткрыто, чтобы впустить в комнату немного свежего воздуха. Я встал, чтобы его закрыть, и замер, положив руки на раму. Террио стоял на другой стороне улицы в разливающемся свете уличного фонаря, и я сразу понял, что кошки воют не потому, что дерутся. Они выли, потому что были напуганы. Ребенок в переноске «Папуза» видел его, и кошки тоже. Он нарочно их напугал. Он знал, что я подойду к окну, так же как и то, что Лиз называла меня Чемпионом.

Он ухмылялся своей полуразрушенной головой.

Он меня манил.

Я закрыл окно и подумал о том, чтобы пойти в комнату матери и лечь к ней в кровать, но для этого я был слишком большим, и наверняка возникли бы вопросы. Поэтому я просто задернул

штору. Я вернулся в свою кровать и лежал, вглядываясь в темноту. Ничего подобного со мной раньше не случалось. Ни один мертвец никогда не следовал за мной, как чертов бродячий пес.

Ничего страшного, подумал я. *Через три - четыре дня он исчезнет, как и все остальные. Самое большее - неделю. И он не может причинить мне боль.*

Но могу ли я быть в этом уверен? Лежа в темноте, я понял, что не знаю. Видеть мертвецов не значит знать их.

Наконец я вернулся к окну и выглянул из-за шторы, уверенный, что он все еще там. Может быть, он даже снова меня поманит. Указательный палец указывал... а потом сгибался. *Иди сюда. Иди ко мне, Чемпион.*

Под фонарем никого не было. Он исчез. Я вернулся в кровать, но еще долго не мог заснуть.

31

Я снова увидел его в пятницу, возле школы. Там было довольно много родителей, ожидающих своих детей - они всегда, по пятницам, заезжают за детьми, вероятно, потому, что собираются куда-то на выходные, - и они не видели Террио, но, должно быть, чувствовали его присутствие, потому что обходили место, где он стоял, стороной. Никто не вез ребенка в коляске, но если бы кто-то и вез, я знал, что ребенок будет смотреть на пустое место на тротуаре и вопить во все горло.

Я вернулся в здание школы и начал разглядывать информационные плакаты, не зная, что делать дальше. Я решил, что должен с ним поговорить, выяснить, чего он хочет, и решил сделать это прямо сейчас, пока вокруг есть люди. Я не думал, что он может причинить мне боль, но в точности этого не знал.

Сначала я зашел в комнату для мальчиков, потому что мне вдруг очень захотелось пописать, но, стоя у писсуара, я не смог выдавить из себя ни капли. Поэтому я вышел, держа рюкзак в руках вместо того, чтобы его надеть. До меня

никогда не дотрагивались мертвецы, ни разу, и я не знал, могут ли они это делать, но если Террио попытается до меня дотронуться - или схватить - я намеревался ударить его рюкзаком с книгами.

Только он исчез.

Прошла неделя, потом две. Я расслабился, решив, что он, должно быть, уже продал весь свой товар.

Я был членом юниорской команды ИМКА[76] по плаванию, и в субботу, в конце мая, у нас должна была состояться последняя тренировка перед предстоящими соревнованиями в Бруклине, намеченными на следующие выходные. Мама дала мне десять долларов на перекус после тренировки и, как всегда, велела запереть шкафчик, чтобы никто не украл ни денег, ни часов (хотя зачем кому-то могло понадобиться красть паршивый «Таймекс», я понятия не имею). Я спросил ее, придет ли она на соревнования. Она подняла глаза от рукописи, которую читала, и сказала:

- У меня назначена встреча. Уже давно.

Это был всего лишь второй раз (или, может

---

[76] Примечания: 1.76

YMCA, ИМКА (от англ. Young Men's Christian Association - «Юношеская христианская ассоциация») - молодёжная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей. Основана в Лондоне в 1844 году Джорджем Вильямсом, насчитывает около 64 млн участников в более чем 120 странах мира

быть, третий), когда я её о чем-то просил, но я, конечно же, ей этого не сказал, а только поцеловал в щеку и направился по коридору к лифту. Когда двери лифта открылись, я увидел Террио, ухмылявшегося своей глупой ухмылкой и глядевшего на меня единственным уцелевшим глазом. К его рубашке был приколот листок бумаги. Предсмертная записка. Записка всегда была на нем, и кровь, разбрызганная по ней, всегда была свежей.

- У твоей матери рак, Чемпион. От сигарет. Она умрет через полгода.

Я застыл на месте с открытым ртом.

Двери лифта захлопнулись. Я издал какой-то звук - писк, стон, не знаю - и прислонился спиной к стене, чтобы не упасть.

Они должны говорить тебе правду, - подумал я. - *Моя мать скоро умрет.*

Но потом в голове немного прояснилось, и мне пришла в голову мысль получше. Я ухватился за нее, как утопающий за плавучий кусок дерева. *Но, может быть, они должны говорить правду только тогда, когда ты задаешь им вопросы. В противном случае, возможно, они могут рассказать тебе любое лживое дерьмо.*

После случившегося мне расхотелось идти на

плавание, но если я не пойду, тренер может позвонить маме и спросить, где я пропадаю. Тогда она точно захочет узнать, почему я не пошел на тренировку, и что я ей скажу? Что я испугался того, что Бомбила будет ждать меня на углу дома? Или в вестибюле «ИМКА»? Или (почему-то для меня это было самое ужасное) в душевой, невидимый для других голых мальчиков, смывающих хлорку с кожи?

Неужели я скажу ей, что у нее чертов *рак*?

Поэтому я пошел в бассейн и, как вы можете догадаться, плавал как дерьмо. Тренер несколько раз просил меня собраться, и мне пришлось ущипнуть себя за подмышку, чтобы только не разрыдаться от бессилия. Мне пришлось очень сильно себя ущипнуть.

Когда я вернулся домой, мама все еще была погружена в свою рукопись. Я не видел, чтобы она курила с тех пор, как ушла Лиз, но я знал, что она иногда, когда меня нет рядом, пьет вино - с авторами книг и разными редакторами, - поэтому я обнюхал ее, когда целовал, и не почувствовал ничего, кроме легкого запаха духов. Или, может быть, крема для лица, так как была суббота. Ну, в общем, какие-то женские штучки.

- Ты что, простудился, Джейми? Ты хорошо

просох после бассейна?

- Ага. Мама, ты ведь больше не куришь, правда?

- Так *вот оно* что. - Она отложила рукопись и потянулась. - Нет, с тех пор как Лиз съехала, я не выкурила ни одной сигареты.

С тех пор, как ты ее выгнала, - подумал я.

- Ты давно была у врача? Проходила обследование?

Она вопросительно на меня посмотрела.

- В чем дело? У тебя складка между бровями.

- Ну, - сказал я, - ты у меня единственный родитель. Если с тобой что-то случится, я ведь не смогу жить с дядей Гарри, правда?

Она состроила смешную гримасу, потом рассмеялась и обняла меня.

- Со мной все в порядке, малыш. Вообще-то, два месяца назад я проходила ежегодный осмотр. Прошла с достоинством.

Да и выглядела она нормально. В добром здравии, как говорится. Насколько я мог видеть, она больше не худела и не выкашливала мозги. Хотя рак не обязательно должен быть в горле или легких человека, я это знал.

- Ну... это хорошо. Я рад.

- Значит, нас двое. А теперь приготовь маме ча-

шечку кофе и дай мне закончить эту рукопись.

- А она хорошая?

- Если честно, да.

- Лучше, чем книги мистера Томаса о Роаноке?

- Гораздо лучше, но, увы, не так коммерчески успешна.

- Можно и мне чашечку кофе?

Она вздохнула.

- Полчашки. А теперь дай мне дочитать.

32

Во время последнего в том году теста по математике я выглянул в окно и увидел Кеннета Террио, стоящего на баскетбольной площадке. Он проделал свою ухмыляюще-манящую штуку. Я посмотрел на экзаменационные бумаги, потом снова поднял глаза. Все еще там, и ближе. Он повернул голову, чтобы я мог хорошенько рассмотреть пурпурно-черный кратер и торчащие костяные клыки. Я снова уткнулся в бумаги, а когда поднял глаза в третий раз, его там уже не было. Но я знал, что он вернется. Он не был похож на других. Он был совсем *не похож* на других.

К тому времени, как мистер Лагари велел нам сдать тесты, я еще не решил последние пять задач. Я получил двойку, а под оценкой была запись: «Это разочаровывает, Джейми. Ты должен лучше стараться. Разве не помнишь, что я повторяю из года в год?» Он говорил, что если ты начинаешь отставать в математике, то никогда не сможешь наверстать упущенное.

И математика не была чем-то выдающимся, хотя мистер Лагари мог так думать. Это было

верно для большинства предметов. Как бы подчеркивая сказанное, я в тот же день завалил тест по истории. Не потому, что Террио стоял у доски или что-то в этом роде, а потому, что я не мог перестать думать, что он *может* стоять у доски.

Мне пришло в голову, что он *хочет*, чтобы я плохо учился. Вы можете над этим смеяться, но есть еще одна старая поговорка, которая гласит, что правда не может быть паранойей. Несколько паршивых тестов не помешают мне сдать все экзамены в конце года, а потом будут летние каникулы, но что будет в следующем году, если он все еще будет болтаться где-то рядом?

А что, если он становится сильнее? Мне не хотелось в это верить, но сам факт, что он все еще был тут, наводил на мысль, что это могло быть правдой. Что это, *с большой долей вероятности*, было правдой.

А что если рассказать кому-нибудь об этом? Это может помочь, и мама была самым логичным выбором, она бы мне поверила, но мне не хотелось ее пугать. Она и так была слишком напугана, когда думала, что агентство разорится, и она не сможет позаботиться обо мне и своем брате. То, что я помог ей выбраться из этой передряги, может заставить ее взять на себя вину за то, в

чем я сейчас оказался. Для меня это не имело смысла, но для нее могло. Кроме того, она хотела оставить в прошлом все эти разговоры о видении мертвецов. И вот еще что: как она сможет мне помочь, даже если я ей обо всем *расскажу*? Обвинит Лиз в том, что она столкнула меня с Террио, но это и все.

Я мельком подумал, не поговорить ли с мисс Петерсон, школьным психологом, но она может предположить, что у меня галлюцинации, или может быть, нервный срыв. Она все расскажет матери. Я даже подумывал пойти к Лиз, но что она могла сделать? Вытащить пистолет и застрелить Террио? Удачи, поскольку он уже был мертв. Кроме того, я закончил с Лиз, по крайней мере, так мне казалось. Я сам себя загнал в этот угол, где было страшно и одиноко.

Моя мать все же пришла на соревнования, где я плавал как дерьмо в проруби. По дороге домой она обняла меня и сказала, что у всех бывают неудачи, и в следующий раз у меня лучше получится. Я чуть было не выпалил все и сразу, закончив страхом - который, как я теперь чувствовал, был вполне оправдан, - что Кеннет Террио пытается разрушить мою жизнь за то, что я испортил его последний и самый большой ба-бах. Если бы мы

не ехали в такси, я действительно мог бы ей все выложить. Но я только взял и положил голову ей на плечо, как в детстве, когда думал, что моя индейка - величайшее произведение искусства со времен Моны Лизы. Вот что я вам скажу: самое худшее во взрослении - это то, что оно затыкает твой рот.

33

Когда в последний учебный день я вышел из нашей квартиры, Террио снова был в лифте. Ухмылялся и манил. Он, вероятно, ожидал, что я съежусь от страха, как в первый раз, когда увидел его там, но хренушки. Мне было страшно, но не так чтобы очень, потому что я к нему привык, как привыкаешь к бородавке или родинке на лице, даже если это и уродливо. На этот раз я был больше зол, чем напуган, потому что он ни хрена не оставлял меня в покое.

Вместо того чтобы съежиться, я рванулась вперед и вытянул руку, чтобы остановить закрытие дверей лифта. Я не собирался к нему садиться, - Господи, нет! - но и не собирался отпускать двери, пока не получу ответы на свои вопросы.

- У моей матери на самом деле рак?

И снова его лицо исказилось, как будто я причинял ему боль, и снова я надеялся, что это так.

- *У моей матери рак?*

- Я не знаю. - То, как он смотрел на меня… знаете старую поговорку о том, что взглядом может убить?

- Тогда зачем ты это сказал?

Он упал на сиденье в кабине, прижав руки к груди, как будто это *я* напугал *его*. Он повернул голову, показывая мне огромное выходное пулевое отверстие, но если он думал, что это заставит меня отпустить дверь и отступить, то ошибался. Как бы страшно мне ни было, я к этому привык.

- *Зачем ты это сказал?*

- Потому что я тебя ненавижу, - сказал Террио и оскалил зубы.

- Почему ты все еще здесь? Как такое *может* быть?

- Я не знаю.

- Уходи.

Он ничего не ответил.

- *Уходи!*

- Я никуда не уйду. Я никогда никуда не уйду.

Это чертовски меня напугало, и моя рука упала, как будто набрала вес.

- До встречи, *Чемпион*.

Двери лифта захлопнулись, но кабина никуда не поехала, потому что внутри не было никого, кто мог бы нажать на кнопки. Когда я нажал ту, что была на моей стороне, двери пустого лифта распахнулись, но я все равно спустился по лестнице.

Я к нему привыкну, - подумал я. - *Я привык к дыре в его голове и к нему привыкну. Не похоже, чтобы он мог причинить мне боль.*

Но в некотором смысле он уже причинял мне боль: двойка на тесте по математике и безвольное барахтанье в бассейне на соревнованиях по плаванию были всего лишь двумя примерами из многих. Я плохо спал (мама уже прокомментировала мешки под моими глазами), и небольшие шумы, даже упавшая книга в читальном зале, заставляли меня вздрогнуть. Я все думал, что открою шкаф, чтобы взять рубашку, и он будет там, мой личный Бугимен. Или под кроватью, а что, если он схватит меня за запястье или за болтающуюся ногу, пока я сплю? Я не думал, что он может схватить, но на сто процентов уверен не был, особенно если он становился сильнее.

Что, если я проснусь, а он будет лежать со мной в кровати? Может быть, даже держаться за мои причиндалы?

Это была идея, которая, однажды придя в голову, не могла быть *неосмысленной*.

А может, кое-что похуже? Что, если он будет преследовать меня - потому что это было именно так, - когда мне будет двадцать? Или сорок? Что, если он будет ждать меня там, когда я умру в

восемьдесят девять, чтобы поприветствовать в загробной жизни, где он будет продолжать свои преследования даже после того, как я умру?

Если это награда за добрые дела, - подумал я однажды ночью, глядя в окно и наблюдая за тем, как Бомбила стоит через дорогу под своим фонарем, - *то я больше не хочу их делать*.

34

В конце июня мы с мамой навестили дядю Гарри, - данную процедуру мы проделывали ежемесячно. Он больше не разговаривал и почти не заходил в общую комнату. Хотя ему еще не было и пятидесяти, его волосы стали белоснежными.

- Джейми принес тебе рогалики от Забара, Гарри. Не хочешь парочку?

Я показал пакет со своего места в дверном проеме (мне очень не хотелось подходить ближе), улыбаясь и чувствуя себя немного похожим на одного из участников «Правильной цены»[77].

Дядя Гарри сказал:

- *Йиг*.

- Это значит «да»? - спросила мама.

Дядя Гарри сказал «нг» и помахал мне обеими руками. Не нужно было быть телепатом, чтобы понять, что это значит - *никаких гребаных печенек.*

- Не хочешь прогуляться? День прекрасен.

Я не был уверен, что дядя Гарри в эти дни

---

[77] Примечания: 1.77

The Price Is Right — шоу, участники которого соревнуются за денежные призы, угадывая цены на товары

вообще имеет представление, что такое «прогуляться».

- Я помогу тебе подняться, - сказала мама и взяла его за руку.

- Нет! - закричал дядя Гарри. Не «нг», не «йиг», не «уг» - «нет». Ясно, как божий день. Его глаза стали большими и начали слезиться. Затем, также ясно, как божий день: - Кто это?

- Это Джейми. Ты же помнишь Джейми, Гарри.

Только он не помнил и смотрел вовсе не на меня. Он смотрел через мое плечо. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кого я там увижу, но я все равно это сделал.

- То, чем он болен, передается по наследству, - сказал Террио, - по мужской линии. Ты станешь таким же, как он, Чемпион. Не успеешь оглянуться, как станешь таким же, как он.

- Джейми? - спросила мама. - Ты в порядке?

- В порядке, - сказал я, глядя на Террио. - Со мной все в порядке.

Но это было не так, и усмешка Террио говорила о том, что он тоже это знал.

- Уходите! - крикнул дядя Гарри. - Уходите, уходите, уходите!

Так мы и сделали.

Втроем.

35

Я уже почти решил рассказать все маме - мне нужно было излить душу, даже если бы это напугало ее и сделало несчастной, - как вдруг судьба, как говорится, взяла меня за руку. Это было в июле 2013, примерно через три недели после нашей поездки к дяде Гарри.

Однажды рано утром, когда мама собиралась идти в офис, ей позвонили. Я сидел за кухонным столом, жадно поглощая хлопья «Чериос», и наблюдал за ней вполглаза. Она вышла из спальни, застегивая молнию на юбке.

- Вчера вечером с Марти Беркеттом произошел небольшой несчастный случай. Споткнулся обо что-то - наверное, когда шел в туалет - и повредил бедро. Он говорит, что все в порядке, и, может быть, так оно и есть, но, как мне кажется, он просто пытается играть в мачо.

- Да, - сказал я, в основном потому, что всегда безопаснее соглашаться с мамой, когда она суетится и пытается сделать три разных дела одновременно. Про себя я подумал, что мистер Беркетт слишком стар, чтобы быть мачо, хотя

было забавно думать, как он играет главную роль в фильме типа «Терминатор: Выход на пенсию». Размахивая тростью и провозглашая: «Я вернусь». Я взял в руки свою миску и начал прихлебывать молоко.

- Джейми, сколько раз я говорила тебе этого не делать?

Я не мог вспомнить, было ли это когда-нибудь вообще, потому что довольно много родительских указаний, особенно касающихся манер поведения за столом, имели тенденцию пролетать мимо моих ушей.

- А как еще я могу съесть все это?

Она вздохнула.

- Забей. Я приготовила на ужин запеканку, но мы можем съесть гамбургеры. Если, конечно, ты не против прервать свой напряженный график просмотра телевизора и игр на телефоне и передать запеканку Марти. Я не могу, график встреч слишком напряженный. Не хочешь ли ты сделать это? А потом позвонить и рассказать, как у него дела?

Сначала я не ответил. У меня было такое чувство, будто меня ударили молотком по голове. Некоторые идеи всегда таковы. Кроме того, я чувствовал себя полным идиотом. Почему я раньше

не подумал о мистере Беркетте?

- Джейми? Земля вызывает Джейми.

- Конечно, - сказал я. - С большим удовольствием это сделаю.

- На самом деле?

- Ну да!

- Ты заболел? У тебя температура?

- Ха-ха, - сказал я. - Смешно, как резиновый костыль.

Она схватила сумочку.

- Я дам тебе денег на такси.

- Не надо, просто положи запеканку в сумку. Я пройдусь пешком.

- На самом деле? - удивленно повторила она. - Прямо до Парковой?

- Конечно. В качестве тренировки. - Не совсем правда. Мне нужно было время, чтобы убедиться, что моя идея хороша, и, если это так, составить план, как выложить ему свою историю.

36

С этого момента я собираюсь начать называть мистера Беркетта профессором Беркеттом, потому что в тот день он меня кое-чему научил. Он многому меня научил. Но перед тем как начать процесс обучения, он *слушал*. Я уже говорил, что понимал, что мне нужно с кем-то поговорить, но я не знал, какое освобождение наступит после того, как я облегчу душу, пока на самом деле этого не сделал.

Он подошел к двери, ковыляя не на одной трости, которую я видел у него раньше, а сразу на двух. Его лицо просияло, когда он меня увидел, так что я думаю, он был рад компании. Дети довольно эгоистичны (я уверен, вы это знаете, если когда-либо были одним из них, ха-ха), и только позже я понял, что он, должно быть, был одиноким, очень одиноким человеком в течение многих лет после смерти Моны. У него была дочь на западном побережье, но если она и приезжала в гости, то я никогда этого не видел (см. заявление выше о детях и эгоистичности).

- Джейми! Ты пришел с подарками!

- Просто запеканка, - сказал я. - По-моему, это шведский пирог[78].

- Возможно, ты имеешь в виду *пастуший* пирог. Я уверен, что это очень вкусно. Не будешь ли ты так любезен, положить его в морозильник? У меня вот эти... - Он оторвал обе трости от пола, и на какой-то страшный миг мне показалось, что он вот-вот упадет лицом вниз прямо передо мной, но он вовремя успел их опустить.

- Конечно, - сказал я и пошел на кухню. Я получал удовольствие от того, как он называл холодильники - морозильниками, а машины - авто. Он был исключительно старой закалки. Да, и еще он называл телефоны - телефунгусами. Это слово мне так понравилось, что я сам начал его использовать. И пользуюсь им до сих пор.

Положить мамину запеканку в холодильник не составило труда, потому что у него там почти ничего не было. Он вошел вслед за мной и спросил, как у меня дела. Я закрыл дверцу холодильника, повернулся к нему и сказал:

- Не слишком хорошо.

Он поднял косматые брови.

- Не слишком хорошо? В чем проблема?

---

[78] Примечания: 1.78
в оригинале игра слов - Swedish - шведский, shepherd's - пастуший

- Это довольно длинная история, - сказал я, - и вы, вероятно, подумаете, что я сошел с ума, но я должен кому-то её рассказать, и я думаю, что вы как раз для этого подходите.

- Это как-то связано с кольцами Моны?

У меня отвисла челюсть.

Профессор Беркетт улыбнулся.

- Я никогда не верил, что твоя мать случайно нашла их в шкафу. Слишком уж удачно. *Чересчур*. Мне пришло в голову, что она сама их туда положила, но каждый человеческий поступок зависит от мотива и возможности, а у твоей матери не было ни того, ни другого. Кроме того, я был слишком расстроен, чтобы думать об этом в тот день.

- Потому что только что потеряли жену.

- Да. - Он поднял трость так, чтобы дотронуться ладонью до груди, где было сердце. Из-за этого мне стало его жалко. - Так что же случилось, Джейми? Я полагаю, что в данный момент все это вода под мостом[79], но как постоянный читатель детективных историй, я бы хотел знать ответы на эти вопросы.

- Ваша жена сама мне рассказала, - сказал я.

Он недоверчиво посмотрел на меня через всю

---

[79] Примечания: 1.79
американская идиома, означающая прошедшего не вернуть

кухню.

- Я вижу мертвых, - сказал я.

Он так долго не отвечал, что я испугался.

- Думаю, мне нужно что-нибудь с кофеином. Думаю, нам обоим это нужно. Тогда ты сможешь выложить мне все, что у тебя на уме. Я горю желанием это услышать.

37

Профессор Беркетт был настолько старомоден, что у него не было чайных пакетиков, только рассыпной чай в металлической коробке. Пока мы ждали, когда закипит его древний чайник, он показал мне, где найти то, что он назвал «чайным шариком», и проинструктировал меня, сколько рассыпного чая в него положить. Заваривание чая было интересным процессом. Я предпочитаю кофе, но иногда чашка чая - это как раз то, что нужно. Придает встрече *формальности*.

Профессор Беркетт рассказал мне, что чай должен настаиваться в течение пяти минут в свежекипяченой воде - не больше и не меньше. Он поставил таймер, показал мне, где стоят чашки, а затем, тяжело ступая, направился в гостиную. Я услышал вздох облегчения, когда он сел в свое любимое кресло. И еще пердеж. Не труба, скорее гобой.

Я заварил две чашки чая и поставил их на поднос вместе с сахарницей и «Половинкой на

половинку»[80]из холодильника (к которому никто из нас не притронулся, что, вероятно, было хорошо, так как он был произведен месяц назад). Профессор Беркетт взял свой черный чай и причмокнул губами после первого глотка.

- Мое почтение, Джейми. Идеально с первой попытки.

- Спасибо. - Я щедро засахарил свой. Моя мама закричала бы от третьей ложки, но профессор Беркетт не выражал неодобрения.

- А теперь расскажи мне свою историю. У меня нет ничего, кроме времени.

- Вы мне верите? О кольцах?

- Ну, - сказал он, - я верю, что ты веришь. И я знаю, что кольца были найдены; они лежат в моем банковском сейфе. Скажи мне, Джейми, если я спрошу твою мать, она подтвердит эту историю?

- Да, но, пожалуйста, не делайте этого. Я решил поговорить с вами, потому что не хочу говорить с ней. Это ее расстроит.

Он отхлебнул чаю, потом поставил чашку слегка дрожащей рукой и посмотрел на меня. Или, может быть, даже в меня. Я до сих пор вижу его ярко-голубые глаза, выглядывающие из-под кос-

---

[80] Примечания: 1.80

американский пирог, собранный воедино из двух частей с различной рецептурой

матых бровей.

- Тогда выкладывай. Попробуй меня убедить.

Отрепетировав свой рассказ на прогулке через весь город, я смог довольно четко придерживаться главной линии. Я начал с Роберта Харрисона - ну, вы помните, мужчины из Центрального парка - и перешел к миссис Беркетт, а потом ко всем остальным. Это заняло довольно много времени. Когда я закончил, мой чай был чуть теплым (может быть, даже немного меньше чем чуть), но я все равно его допил, потому что у меня пересохло в горле.

Профессор Беркетт задумался, потом сказал:

- Не сходишь ли ты в мою спальню, Джейми, и не принесешь ли мне мой айпад? Он лежит на ночном столике.

В его спальне пахло чем-то вроде запаха из комнаты дяди Гарри в спецучреждении, плюс какой-то резкий аромат, который, как я догадался, был мазью для его поврежденного бедра. Я взял айпад и принес ему. Айфона у него не было, только стационарный телефунгус, который висел на кухонной стене, как в старом фильме, но он любил свой айпад. Он включил его, когда я ему протянул (на стартовом экране была фотография молодой пары в свадебных нарядах, которая, как

я предположил, была им и миссис Беркетт), и сразу же начал тыкать.

- Вы ищете Террио?

Он покачал головой, не поднимая глаз.

- Парня из Центрального парка. Ты говоришь, что ходил в детский сад, когда его увидел?

- Да.

- Значит, это был 2003 год... возможно, 2004-й... А, вот и он, - он читал, склонившись над айпадом и время от времени убирая волосы с глаз (их у него было много). Наконец он поднял глаза и сказал: - Ты видел, как он лежал там мертвый и одновременно стоял рядом. Твоя мать *это* подтвердит?

- Она знала, что я не лгу, потому что я сказал, что на парне надето сверху, хотя эта часть его тела была прикрыта. Но я действительно не хочу...

- Понял, понял. Теперь о последней книге Реджиса Томаса. Она не была написана...

- Да, за исключением первых двух глав. Я так думаю.

- Но твоя мать сумела собрать достаточно подробностей, чтобы написать остальное, используя тебя в качестве медиума?

Я не считал себя медиумом, но в каком-то смысле он был прав.

- Наверное. Как в «Заклятии»[81]. И видя его озадаченное лицо: - Это фильм, мистер Беркетт. ...*профессор*... вы думаете, я сошел с ума? - Мне было почти все равно, потому что облегчение от того, что я все это вытащил наружу, было слишком велико.

- Нет, - сказал он, но что-то - вероятно, мое выражение облегчения - заставило его предостерегающе поднять палец. - Но это не значит, что я верю твоей истории, по крайней мере, без подтверждения со стороны твоей матери, о котором я согласился не спрашивать. Я даже зайду чуть дальше: я не обязательно *не верю*. В основном из-за колец, но также потому, что последняя книга Томаса действительно существует. Не то чтобы я её читал, - он скорчил гримасу. - Ты говоришь, что подруга твоей матери - *бывшая* подруга - также может подтвердить последнюю и самую красочную часть твоей истории.

- Да, но...

Он поднял руку, как, должно быть, тысячу раз делал с болтающими учениками в классе.

---

[81] Примечания: 1.81

«The Conjuring» - художественный фильм режиссёра Джеймса Вана, вышедший на экраны в 2013 году. Фильм основан на двух случаях из практики исследователей паранормальных явлений Эда и Лоррейн Уорренов: вступление основано на случае «одержимой» куклы Аннабель, основная часть фильма - на истории семьи Перрон в 1971 году.

- Ты так же не хочешь, чтобы я с ней разговаривал, и я тебя прекрасно понимаю. Я видел её всего лишь раз, и она мне не понравилась. Она на самом деле принесла наркотики в ваш дом?

- Я лично их не видел, но если мама сказала, что она это сделала, значит, так оно и было.

Он отложил айпад и погладил свою трость с большим белым набалдашником.

- Тогда Тиа правильно поступила, что рассталась с ней. И этот Террио, который, как ты говоришь, тебя преследует. Он сейчас здесь?

- Нет. - Но я огляделся, чтобы убедиться.

- Ты, конечно же, хочешь от него избавиться.

- Да, но я не знаю, как это сделать.

Он отхлебнул чаю, задумчиво посмотрел на чашку, потом поставил ее и снова уставился на меня своими голубыми глазами. Он был стар, глаза - нет.

- Интересная проблема, особенно для пожилого джентльмена, который в своей читательской жизни сталкивался со всевозможными сверхъестественными существами. В готике их полно, монстр Франкенштейна и граф Дракула - как раз та пара, которая чаще всего появляется на кинопоказах. В европейской литературе и народных сказках их гораздо больше. Давай предположим,

по крайней мере, здесь и сейчас, что этот Террио не просто у тебя в голове. Давай предположим, что он действительно существует.

Я удержался, чтобы не возразить, что он *действительно* существует. Профессор уже знал, во что я верю, он сам так сказал.

- Давай сделаем еще один шаг. Судя по тому, что ты рассказал мне о других твоих наблюдениях за мертвыми, включая мою жену, все они исчезают через несколько дней. Исчезают... - Он махнул рукой. - ...куда-то. Но только не этот Террио. Он все еще здесь. И ты думаешь, что он становится сильнее.

- Я в этом почти уверен.

- Если так, то, возможно, это больше не Кеннет Террио. Возможно, то, что осталось от Террио после смерти, было *заражено* - это правильное слово, а не *одержимо* - демоном. - Должно быть, он заметил выражение моего лица, потому что поспешил добавить: - Я буду говорить откровенно и скажу, что, по-моему, гораздо более вероятно, что у тебя локализованный нервный срыв, который вызвал галлюцинации.

- Другими словами, я сумасшедший. - В тот момент я все еще был рад, что рассказал ему всю историю, но его вывод был очень удручающим,

хотя я в той или иной мере этого ожидал.

Он махнул рукой.

- Чушь. Я так не думаю. Ты явно не утратил чувства реальности. Но я должен признать, что твоя история полна вещей, которые трудно объяснить в строго рациональных понятиях. Я не сомневаюсь, что ты сопровождал Тиа и ее бывшую подружку в дом покойного мистера Томаса. Не сомневаюсь я и в том, что детектив Даттон возила тебя на место работы Террио и в его дом. Если она проделала все это - я взываю к Эллери Куину[82], одному из моих любимых апостолов дедукции, - *она*, должно быть, поверила в твои медиумические таланты. Что, в свою очередь, приводит нас к дому мистера Томаса, где детектив Даттон, должно быть, что-то увидела, чтобы в этом удостовериться.

- Я ничего не понял, - сказал я.

- Не обращай внимания. - Он наклонился вперед. - Все, что я хочу сказать, это то, что, хотя я склоняюсь к рациональному, известному и эмпирическому - никогда не видел призрака или не имел вспышки предвидения, - я должен при-

---

[82] Примечания: 1.82

Эллери Куин - творческий псевдоним двух американских писателей детективов еврейского происхождения, кузенов: Фредерика Даннэя и Манфреда Б. Ли.

знать, что есть элементы твоей истории, которые я не могу сразу отбросить. Итак, предположим, что Террио или что-то отвратительное, вселившееся в то, что осталось от Террио, действительно существует. Тогда возникает вопрос: можешь ли ты от него избавиться?

Теперь я наклонился вперед, думая о книге сказок, которую он когда-то мне подарил, сказок, которые на самом деле были ужасными историями с очень редким счастливым концом. Сводные сестры отрезали себе пальцы на ногах, принцесса швырнула лягушку в стену - *бац!* - вместо того, чтобы поцеловать её, Красная Шапочка фактически *поощряла* большого злого волка съесть бабушку, чтобы она могла унаследовать бабушкино имущество.

- А *можно*? Вы прочитали все эти книги, должен же быть какой-то выход из данной ситуации хотя бы в одной из них! Или... - Меня осенила новая мысль. - Экзорцизм! Что насчет этого?

- Скорее всего, потерпишь неудачу, - сказал профессор Беркетт. - Я думаю, священник скорее отправит тебя к детскому психиатру, чем к экзорцисту. Если твой Террио существует, Джейми, ты можешь с ним застрять.

Я в ужасе уставилась на него.

- Но, возможно, это нормально.

- Нормально? Как это может быть нормально?

Он поднял чашку, отхлебнул и поставил на стол.

- Ты когда-нибудь слышал о Ритуале Чудь[83]?

[83] Примечания: 1.83

ритуал, описанный С.Кингом в романе «Оно», представляет собой психологическое сражение, в котором каждый из противников использует свое сознание

38

Сейчас мне двадцать два - на самом деле, почти двадцать три - и живу я в этом своем *позже*. Я могу голосовать, я могу водить машину, я могу покупать спиртное и сигареты (которые я планирую бросить в ближайшее время). Я понимаю, что еще очень молод, и я уверен, что когда оглянусь назад из еще более позднего будущего, я буду поражен (надеюсь, не до отвращения) тем, насколько наивным и мокрым за ушами[84] я был. И все же двадцать два - это световые годы от тринадцати. Теперь я знаю больше, но верю меньше. Сегодня профессор Беркетт вряд ли смог бы сотворить со мной ту же магию, как в тот день. Не то чтобы я жалуюсь! Кеннет Террио - я не знаю, кем он был на самом деле, так что давайте пока остановимся на этом - пытался разрушить мой рассудок. Лишь профессорская магия спасла меня от безумия. Возможно, профессор Беркетт даже спас мне жизнь.

Позже, когда я исследовал этот предмет для статьи по антропологии в колледже (Нью-йоркский

[84] Примечания: 1.84

американская идиома, указывающая на молодого человека, у которого молоко на губах не обсохло

университет, конечно же), я обнаружил, что половина того, что он рассказал мне в тот день, была на самом деле правдой. Другая половина была чушью собачьей. Хотя я должен отдать ему должное за изобретательность (максимальный балл, сказала бы мамина британская писательница романов Филиппа Стивенс). А теперь зацените-ка иронию: моему дяде Гарри не было и пятидесяти, а он уже был полным безумцем, в то время как Мартин Беркетт, хотя ему и стукнуло восемьдесят, все еще был весьма изобретательным и мог генерировать идею за идеей... и делал это для проблемного мальчика, который явился без приглашения, принеся с собой кастрюлю с запеканкой и странную историю.

Ритуал Чудь, по словам профессора, практиковался сектой тибетских и непальских буддистов. (Верно.)

Они делали это, чтобы достичь ощущения совершенного небытия и, как следствие, состояния безмятежности и духовной чистоты. (Верно.)

Он также считал этот ритуал весьма эффективным в борьбе с демонами, как с теми, кто живет в вашей голове, так и со сверхъестественными существами, которые вторгаются извне. (Серая область.)

- Что делает его идеальным для тебя, Джейми, потому что он охватывает все варианты.

- Вы хотите сказать, что это может сработать, даже если Террио на самом деле нет, а я просто сумашедший.

Он бросил на меня взгляд, сочетающий в себе упрек и нетерпение, который он, вероятно, довел до совершенства за время своей преподавательской карьеры.

- Перестань болтать и попробуй послушать, если не против.

- Простите. - Я допивал вторую чашку чая и чувствовал себя на взводе.

Заложив фундамент, профессор Беркетт перебрался в страну фантазий и предположений... не то чтобы я почувствовал разницу. Он сказал, что Чудь оказался особенно полезен, когда один из этих высокогорных буддистов столкнулся с йети, также известным как снежный человек.

- Неужели все это было на самом деле? - Спросил я.

- Как и в случае с твоим мистером Террио, я не могу сказать с полной уверенностью. Но - как и в случае с тобой и твоим мистером Террио - я *могу* сказать, что тибетцы в это верят.

Профессор далее заявил, что человека, кото-

рому не повезло встретиться с йети, тот будет преследовать всю оставшуюся жизнь. Если, конечно, он не сможет победить его в Ритуале Чудь.

Если вы в курсе данной темы, то понимаете, что если бы на Олимпиаде было соревнование по этому дерьму, все судьи дали бы профессору Беркетту 10 баллов, но мне было всего тринадцать, и я был не в лучшей форме. То есть я проглотил сказанное. Если какая-то часть меня и догадывалась, что задумал профессор Беркетт - не помню это точно, - я ее отключил. Вы должны помнить, в каком я был отчаянии. Мысль о том, что меня всю оставшуюся жизнь будет преследовать Кеннет Террио, он же Бомбила, - *не будет давать мне покоя*, если использовать выражение профессора - была самой ужасной вещью, которую я только мог себе представить.

- Как это работает? - Спросил я.

- А, тебе понравится. Это похоже на одну из сказок без купюр из книги, которую я тебе подарил. Согласно мифам, ты и демон связываете себя друг с другом, вцепившись в языки.

Он сказал это с некоторым наслаждением, и я подумал: *Понравится? Почему мне это должно понравиться?*

- Как только сцепка произойдет, ты и демон вступите в битву характеров. Я предполагаю, что это произойдет телепатически, так как было бы трудно говорить, будучи вовлеченным в... ммм... взаимный прикус языка. Тот, кто первым отступит, теряет всякую власть над победителем.

Я уставился на него с открытым ртом. Меня учили быть вежливым, особенно с клиентами и знакомыми моей матери, но я был слишком в шоке, чтобы обращать внимание на светские тонкости.

- Если вы думаете, что я собираюсь - что? - поцеловать этого парня по-французски, то вы сошли с ума! Во-первых, он *мертв*, разве вы не поняли?

- Да, Джейми, думаю, что понял.

- Во-вторых, как я вообще заставлю его это сделать? Я должен сказать: Иди сюда, Кен, милый, и покажи мне язык?

- Ты закончил? - мягко спросил профессор Беркетт, снова заставив меня почувствовать самым невежественным учеником в классе. - Я думаю, что кусание языка - это скорее символический аспект. Как просвирки и маленькие наперстки вина символизируют тайную вечерю Иисуса с его учениками.

Я этого не понял, так как не был большим по-

клонником церковных догм, поэтому удержал рот на замке.

- Послушай меня, Джейми. И слушай очень внимательно.

Я слушал так, словно от этого зависела моя жизнь. Потому что я так и думал.

39

Когда я собрался уходить (вежливость вернулась, и я не забыл сказать ему спасибо), профессор спросил меня, сказала ли его жена что-нибудь еще. Кроме того где были кольца.

К тому времени, когда вам исполняется тринадцать, я думаю, вы забываете большую часть того, что случилось с вами в шесть - я имею в виду, что это было больше половины вашей жизни назад! - но у меня не возникло никаких проблем с воспоминаниями о том дне. Я мог бы рассказать ему, как миссис Беркетт бросила тень на мою зеленую индейку, но решил, что это вряд ли его заинтересует. Он хотел знать, говорила ли она что-нибудь о нем, а не обо мне.

- Вы обнимали мою маму, и она сказала, что вы собираетесь сжечь ее волосы своей сигаретой. И вы это сделали. Наверное, вы бросили курить, да?

- Я позволяю себе три сигареты в день. Я думаю, что мог бы и больше, я не собираюсь жить вечно, но три - это все, что я, как мне кажется, хочу. Она сказала что-нибудь еще?

- Хм, что через месяц или два вы будете обедать с какой-нибудь женщиной. Возможно, ее звали Дебби или Диана, что-то в этом роде.

- Долорес? Долорес Магован? - Он смотрел на меня новыми глазами, и я вдруг пожалел, что не начал с этого наш разговор. Это имело бы большое значение для установления моего авторитета.

- Вполне возможно.

- Он покачал головой. - Мона всегда думала, что я положил глаз на эту женщину, бог знает почему.

- Она сказала что-то насчет того, чтобы натереть руки овечьим жиром.

- «Ланолин», - сказал он. - Для ее распухших суставов. Будь я проклят!

- Было и еще кое-что. О том, как вы всегда пропускали заднюю петлю на брюках. Кажется, она спросила: «Кто теперь это сделает?»

- Боже мой, - тихо произнес он. - О Боже. Джейми.

- О, и она поцеловала вас. В щеку.

Это был всего лишь маленький поцелуй, состоявшийся много лет назад, но это скрепило сделку. Наверное, потому, что он тоже хотел верить. Если не во всем, то в этом. В этот поцелуй. В то, что она была там.

Я ушел, пока был впереди.

40

По дороге домой я высматривал Террио - к тому времени это вошло в привычку, - но не увидел его. Это было здорово, но я уже перестал надеяться, что он ушел навсегда. Он был как банный лист, и он обязательно появится. Я только надеялся, что буду готов к его приходу.

В тот же вечер я получил электронное письмо от профессора Беркетта: «Я провел небольшое исследование с интересными результатами. Я подумал, что тебе тоже будет интересно». Там было три приложения, все три - рецензии на последнюю книгу Реджиса Томаса. Профессор выделил те строки, которые показались ему интересными, предоставив мне самому делать выводы. Что я и сделал.

Из «Санди Таймс Ревью»: Лебединая песня Реджиса Томаса - обычная смесь секса и болотных приключений, но проза острее, чем обычно; тут и там можно найти проблески настоящего писательского мастерства.

Из «Гардиан»: Хотя давно забытая тайна Роанока не будет большим сюрпризом для читателей

серии (которые, несомненно, предвидели ее появление), повествовательный голос Томаса живее, чем можно было бы ожидать от предыдущих томов, где напыщенное изложение чередовалось с пылкими и иногда комичными сексуальными сценами.

Из «Майами Геральд»: Диалоги ровные, темп четкий, и на этот раз лесбийская связь между Лорой Гудхью и Пьюритти Бетанкур кажется реальной и трогательной, а не просто похотливой шуткой или доводящей до инсульта фантазией. Это просто великолепно.

Я не мог показать эти рецензии маме - они вызвали бы слишком много вопросов, - но я был уверен, что она, должно быть, видела их сама, и догадывался, что они сделали ее такой же счастливой, как и меня. Мало того, что ей все сошло с рук, она еще и пролила свет на печально подмоченную репутацию Реджиса Томаса.

В течение нескольких недель и месяцев после моей первой встречи с Кеннетом Террио я часто ложился спать, чувствуя себя несчастным и напуганным. Та ночь была не такой.

41

Не знаю, сколько раз я видел его за оставшееся лето, и это должно вам кое о чем сказать. Если нет, то вот оно, на простом английском: я к нему привык. Я никогда бы в это не поверил в тот день, когда обернулся и увидел его стоящим у багажника машины Лиз Даттон, достаточно близко, чтобы до меня дотронуться. Я никогда бы в это не поверил в тот день, когда лифт открылся, и он был там, рассказывая мне, что у моей матери рак, и улыбаясь, как будто это была самая счастливая новость на свете. Но фамильярность порождает презрение, так говорят, и в данном случае поговорка верна.

Несомненно, помогло то, что он никогда не появлялся в моем шкафу или под моей кроватью (что было бы гораздо хуже, потому что, когда я был маленьким, я был уверен, что именно там и ждет монстр, желая схватить болтающуюся ногу или руку). В то лето я прочел «Дракулу» - ладно, не саму книгу, а офигенный графический роман, купленный в «Запретной планете»[85],

[85] Примечания: 1.85
интернет-магазин

- и в нем Ван Хельсинг говорил, что вампир не может войти, если его не пригласят. Если это было правдой о вампирах, то вполне логично (по крайней мере, для меня тринадцатилетнего), что это было правдой и для других сверхъестественных существ. Типа того, что поселилось внутри Террио, не давая ему исчезнуть в небытие через несколько дней, как всем остальным мертвецам. Я проверил Википедию, чтобы узнать, не выдумка ли это мистера Стокера, и, как оказалось, нет. Это было во многих легендах о вампирах. Сейчас (позже!) я вижу, что это имеет символический смысл. Если твоя воля свободна, то ты сам должен пригласить зло.

И еще кое-что. Он уже почти перестал тыкать в меня пальцем. Большую часть того лета он просто стоял в отдалении и наблюдал. Единственный случай, когда я *видел*, как он меня манит, был довольно забавным. Если, конечно, вы можете сказать что-нибудь о том немертвом ублюдке: *это было забавно*.

Мама купила нам билеты на игру «Метс» с «Тиграми», проходившую в последнее воскресенье августа. «Метс» крупно проиграли, но мне было все равно, потому что мама купила билеты на просто *потрясающие* места у одного из своих

друзей-издателей (вопреки распространенному мнению, у литературных агентов *есть* друзья). Они располагались рядом с третьей базой, всего в двух рядах от поля. И во время седьмого иннинга, когда «Метс» еще держались, я увидел Террио. Я искал взглядом человека с хот-догами, и когда оглянулся, то увидел, что мой приятель Бомбила стоит возле ложи тренера третьей базы. Те же брюки цвета хаки. Та же рубашка, вся в крови с левой стороны и забрызганной ею же предсмертной запиской. Голова разлетелась, как будто кто-то поджег там вишневую бомбу. Ухмыляющийся. И да, манящий.

Инфилд «Тигров» бросил мяч, как раз после того, как я увидел Террио. Бросок от шорт-стопа в сторону третьего бейсмена не прошел. Толпа улюлюкала и глумилась, не стесняясь выражений - *хороший бросок, новичок, моя бабушка может лучше*, - но я просто сидел, сжав руки так крепко, что ногти впивались в ладони. Шорт-стоп не видел Террио (он бы с криком выбежал за поле), но *чувствовал* его. Я знал, что он его чувствовал.

И вот еще что: тренер третьей базы бросился было за мячом, потом резко отступил и дал ему закатиться в дагаут. Сделав еще шаг, он оказался бы рядом с тем, кого мог видеть только я. Почув-

ствовал ли парень холодное прикосновение, как в фильме о привидениях? Я так не думаю. Я думаю, он почувствовал, всего на секунду или две, что мир вокруг него дрожит. Вибрирует, как гитарная струна. У меня есть причины так думать.

Мама спросила:

- Ты в порядке, Джейми? Ты ведь не получил солнечный удар?

- Я в порядке, - сказал я, стиснутые там руки или нет, но в целом я был в порядке. - Ты не видишь часом человека с хот-догами?

Она повернулась и помахала ближайшему продавцу. Что дало мне шанс показать Кеннету Террио средний палец. Его ухмылка превратилась в оскал, обнаживший все зубы. Затем он вошел в дагаут для гостей, где игроки, которых не было на поле, без сомнения, переминались на скамейке, чтобы освободить ему место для прохода, не имея ни малейшего представления, зачем они это делают.

Я с улыбкой откинулся на спинку кресла. Я не был готов думать, что победил его - не крестом или святой водой, а тем, что кинул ему «фак», - но эта мысль все-таки прокралась ко мне на цыпочках.

Люди начали расходиться в начале девятого

иннинга, после того как «Тигры» забили семь и довели счет до недосягаемого. Мама спросила, не хочу ли я остаться, и сфоткаться с мистером Метом Дэшем[86], и я покачал головой. Деш был исключительно для маленьких детей. Я фоткался с ним однажды, еще до Лиз, еще до того, как этот ублюдок Джеймс Маккензи украл наши деньги в своей финансовой пирамиде, даже до того, когда Мона Беркетт сказала мне, что индейки не бывают зелеными. Когда я был совсем маленьким ребенком и мир казался мне радостным и удивительным.

Как же это было давно.

[86] Примечания: 1.86

Мистер Мет является официальным талисманом бейсбольной команды «Нью-Йорк Метс». Это человек с большим бейсбольным мячом вместо головы. 30 апреля 2012 года журнал Forbes назвал мистера Мета талисманом номер один во всех видах спорта.

42

Возможно, вы задаете себе вопрос, который я не задавал себе в то время: *Почему я? Почему Джейми Конклин?* Позже я не раз себя об этом спрашивал, и я не знаю. Я только могу догадываться. Я думаю, это произошло потому, что я не был таким как все, и оно - оно внутри оболочки Террио - ненавидело меня за это и хотело причинить мне боль, даже уничтожить меня, если бы могло. Я думаю, назовите меня сумасшедшим, если хотите, я его как-то *обидел*. И может быть, было что-то еще. Я думаю, может быть - только может быть - Ритуал Чудь уже начался.

Я думаю, что как только он начал достебываться до меня, он уже не мог остановиться.

Как я уже сказал, здесь только догадки. Его причины могли быть совершенно иными, столь же непостижимыми для него, как и для меня. И такими же чудовищными. Как я уже говорил, это страшная история.

43

Я все еще боялся Террио, но уже не думал, что могу струсить, если представится возможность применить ритуал профессора Беркетта на практике. Мне только нужно было быть готовым. Другими словами, чтобы Террио был рядом, а не просто стоял на другой стороне улицы или рядом с третьей базой на «Сити Филд».

Мой шанс припал на октябрьскую субботу. Я собирался в Гровер-парк поиграть в футбол с ребятами из моей школы. Мама оставила мне записку, в которой говорилось, что она допоздна читала последний опус Филиппы Стивенс и собирается поспать. Я должен был спокойно позавтракать и выпить не больше половинки чашечки кофе. Я должен был хорошо провести время с друзьями и не возвращаться домой с сотрясением мозга или сломанной рукой. Я должен был вернуться самое позднее к двум часам. Она оставила мне деньги на обед, которые я аккуратно сложил в карман. И еще постскриптум: «Было бы пустой тратой времени просить тебя съесть что-нибудь зеленое, например кусочек салата на гамбургере?»

Может быть, мама, все может быть, - подумал я, заливая молоком миску хлопьев «Чериос» и съедая их (тихо).

Когда я выходил из квартиры, Террио не занимал мой разум. Он проводил там все меньше и меньше времени, а я использовал освободившееся пространство, чтобы подумать о других вещах, в основном о девушках. Идя по коридору к лифту, я размышлял, в частности, о Валерии Гомес. Может быть, Террио решил приблизиться ко мне в тот день, потому что у него было что-то вроде окна в мою голову, и он знал, что находится далеко от моих мыслей? Что-то вроде низкопробной телепатии? Этого я тоже не знаю.

Я нажал кнопку вызова, гадая, придет ли Валерия на игру. Это было вполне вероятно, потому что играл ее брат Пабло. Я был глубоко погружен в мечты о том, как ловлю пас, уклоняюсь от всех потенциальных касаний и мчусь в зачетную зону с высоко поднятым мячом, но все же, когда прибыл лифт, немного отступил назад, - это стало моей привычкой. Кабина была пуста. Я зашел и нажал на первый. Лифт пошел вниз, и дверь открылась. Там был короткий отрезок коридора, а затем дверь, запертая изнутри, которая вела в небольшое фойе. Дверь снаружи не запиралась,

так что почтальон всегда мог войти и положить почту в ящики. Если бы Террио был там, в фойе, я не смог бы сделать то, что сделал. Но в фойе его не было. Он был внутри здания, в конце коридора, и ухмылялся так, словно послезавтра это будет объявлено вне закона.

Он начал что-то говорить, возможно, одно из своих дурацких пророчеств, и если бы я думал о нем, а не о Валерии, то, вероятно, либо застыл бы на месте, либо, спотыкаясь, вернулся бы в кабину лифта, изо всех сил ударив по кнопке ЗАКРЫТИЕ ДВЕРИ. Но я был зол на него за то, что он вторгся в мои мечты, и все, о чем я думал в тот момент - слова, сказанные мне профессором Беркеттом в тот день, когда я принес ему запеканку.

- Кусание языка в Ритуале Чудь - это всего лишь одна из церемоний перед встречей с врагом, - сказал он. - Их много. Маори исполняли танец с боевым кличем, встречаясь лицом к лицу со своими противниками. Пилоты-камикадзе говорили тосты друг за друга и фотографировали свои цели, держа в руках бокалы с тем, что они считали волшебным сакэ. В Древнем Египте члены враждующих домов били друг друга по лбу, прежде чем достать ножи, копья и луки. Борцы сумо хлопают друг друга по плечам. Все сводится

к одному: *Я встречаюсь с тобой в бою, где один из нас победит другого*. Другими словами, Джейми, не утруждай себя высовыванием языка. Просто хватай своего демона и держи изо всех сил.

Вместо того чтобы замереть или съежиться, я бездумно рванулся вперед, раскинув руки, как будто собирался обнять давно отсутствующего друга. Я закричал, но думаю только про себя, потому что никто не выглянул из квартир на первом этаже, чтобы посмотреть, что происходит. Ухмылка Террио - та, что всегда обнажала сгусток свернувшейся крови между зубами и щекой - исчезла, и я увидел удивительную, волшебную вещь: он меня боялся. Он прижался к двери, ведущей в фойе, но она открывалась в другую сторону, и он оказался в западне. Я его схватил.

Я не могу описать, как это произошло. Я не думаю, что даже более одаренный рассказчик, чем я, смог бы, но я сделаю все, что в моих силах. Помните, что я говорил о мире, дрожащем или вибрирующем, как гитарная струна? Так было и снаружи Террио, и вокруг него. Я чувствовал, что у меня трясутся зубы и дрожат глазные яблоки. *Внутри* Террио было что-то еще. Что-то, что использовало его как сосуд и не давало ему перемещаться туда, куда уходят мертвые люди,

когда их связь с нашим миром гаснет.

Это было очень плохое существо, и оно крикнуло мне, чтобы я его отпустил. Или отпустил Террио. Может быть, никакой разницы и не было. Он был зол на меня и напуган, но больше всего удивлен. Он не ожидал, что его схватят.

Он сопротивлялся и ушел бы, если бы не был прижат к двери, я в этом уверен. Я был тощим ребенком, Террио был на пять дюймов выше меня и весил бы не меньше ста фунтов, если был бы жив, но живым он не был. А вот существо внутри него было живым, и я почти уверен, что оно вошло в Террио, когда я заставлял его отвечать на мои вопросы снаружи этой бакалейной лавки.

Вибрация усилилась. Она поднималась сквозь пол. Она спускалась с потолка. Верхний свет дрожал и отбрасывал жидкие тени. Стены, казалось, ползли то в одну сторону, то в другую.

- Отпусти меня, - сказал Террио, и даже голос его дрожал. Это было похоже на то, как если бы вы положили вощеную бумагу на расческу и подули на нее. Его руки взметнулись в стороны, затем сомкнулись и хлопнули меня по спине. Сразу стало трудно дышать.

- Отпусти меня, и я отпущу тебя.

- Нет, - сказал я и еще крепче его обнял. *Вот оно*,

- помню, подумал я. - *Это Чудь. Я в смертельной схватке с демоном прямо здесь, в коридоре моего нью-йоркского дома.*

- Я задушу тебя, - сказал он.

- Ты не сможешь, - сказал я, надеясь, что был прав. Я все еще мог дышать, но это были очень поверхностные вдохи. Мне стало казаться, что я вижу то, что находится *внутри* Террио. Может быть, это была галлюцинация, вызванная вибрацией и ощущением, что мир вот-вот взорвется, как хрупкий винный бокал, но я так не думаю. Я смотрел не на его кишки, а на свет. Он был яркий и темный одновременно. Это было что-то из внешнего мира. И это было ужасно.

Как долго мы стояли, обнимая друг друга? Это могло быть пять часов или всего лишь девяносто секунд. Вы могли бы сказать, что пять часов - это не реально, потому что кто-то обязательно зашел бы в дом, но я думаю… я почти знаю... что мы были вне времени. Единственное, что я могу сказать наверняка, это то, что двери лифта не закрылись, как полагается, через пять секунд того после того, как пассажиры выходят. Я видел отражение лифта за плечом Террио, и двери все это время оставались открытыми.

- Отпусти меня, и я никогда не вернусь.

Это было чрезвычайно вкусное предложение, как я уверен, вы понимаете, и я мог бы на него купиться, если бы профессор меня к этому не подготовил.

Он будет торговаться, - сказал он. - *Не позволяй ему сразу уговорить тебя*. А потом он сказал мне, что делать, вероятно, думая, что единственное, с чем мне придется столкнуться, - это какой-то невроз, или комплекс, или как там это называется.

- Меня это не устраивает, - сказал я и продолжил обнимашки.

Я все больше и больше вглядывался в Террио и понял, что на самом деле он - призрак. Наверное, все мертвецы такие, и я просто видел их цельными. Чем более бестелесным он становился, тем ярче сиял этот темный свет - этот мертвый свет. Я понятия не имел, что это было. Я только знал, что поймал его, и есть старая поговорка: *тот, кто хватает тигра за хвост, не должен его отпускать*.

Существо внутри Террио было хуже любого тигра.

- Чего ты хочешь? - Задыхаясь. В нем не было дыхания, я наверняка почувствовал бы его на своей щеке и шее, если бы оно было, но он все равно задыхался. Возможно находясь в худшем

состоянии, чем я.

- Меня не устраивает, что ты просто перестанешь меня преследовать, - я глубоко вздохнул и сказал то, что профессор Беркетт велел мне сказать, если я смогу вовлечь свою немезиду в Ритуал Чудь. И хотя мир вокруг меня дрожал, хотя эта тварь держала меня мертвой хваткой, мне доставляло удовольствие это говорить. Огромное удовольствие. Удовольствие *воина*.

- Теперь *я* буду преследовать *тебя.*

- Нет. - Его хватка усилилась.

Я был прижат к Террио, хотя Террио теперь был не чем иным, как сверхъестественной голограммой.

- Да, - профессор Беркетт велел мне сказать что-нибудь еще, если представится такая возможность. Позже я узнал, что это было измененное название известной истории о привидениях, что делало ее очень подходящей для данного случая. - О, теперь ты должен являться ко мне по первому же свисту, друг мой.

- Нет! - Он сопротивлялся. От этого мерзкого пульсирующего света меня чуть не стошнило, но я удержался.

- Да. Я буду вызывать тебя, сколько захочу и когда захочу, а если ты не согласишься, я буду

держать тебя до самой смерти.

- Я не могу умереть! Но ты можешь!

Это, несомненно, было правдой, но в тот момент я чувствовал себя сильнее сильного. Кроме того, все это время Террио угасал, а он был опорой этого мертвого света в нашем мире.

Я промолчал. Только вцепился покрепче. И Террио усилил хватку. Так оно и продолжалось. Мне становилось холодно, ноги и руки теряли чувствительность, но я держался. Я собирался держаться вечно, если придется. Я был в ужасе от того, что находилось внутри Террио, но оно оказалось в ловушке. Конечно, я тоже был в ловушке; такова была природа ритуала. Если я его отпущу, он победит.

В конце концов, он произнес:

- Я согласен на твои условия.

Я ослабил хватку, но лишь немного.

- Ты лжешь? - Глупый вопрос, можете вы сказать, но это не так.

- Я не могу лгать. - Его голос звучал слегка раздраженно. - Ты же знаешь.

- Повтори это еще раз. Скажи, что ты согласен.

- Я согласен на твои условия.

- Ты согласен с тем, что я могу преследовать тебя?

- Согласен, но я тебя не боюсь.

Смелые слова, но, как я уже выяснил, Террио мог делать столько неправдивых заявлений, сколько ему-ей-хотелось. Заявления не были ответами на вопросы. И всякий, кто говорит, что не боится, лжет. Мне не нужно было ждать, чтобы узнать это позже, я знал это и в тринадцать лет.

- Ты меня боишься?

Я снова увидел на лице Террио то скованное выражение, как будто он пробовал что-то кислое и неприятное. Вероятно, именно так и чувствовал себя этот несчастный сукин сын, говоря правду.

- Да. Ты не такой, как другие. Ты *видишь*.

- Что «да»?

- *Да, я тебя боюсь!*

Как же сладко!

Я его отпустил.

- Убирайся отсюда, кто бы ты ни был, и иди туда, куда хочешь. Просто помни, если я позову тебя, *ты должен прийти.*

Он обернулся, открыв мне прекрасный вид на зияющую дыру в левой части головы. Он схватился за дверную ручку. Его рука прошла сквозь нее и *не* прошла. И то и другое было одновременно. Я знаю, это безумие, парадокс, но это случилось. Я это видел. Ручка повернулась, и дверь открылась.

В тот же миг верхний свет погас, и из светильника под потолком со звоном посыпалось стекло. В фойе было около дюжины почтовых ящиков, и половина из них открылась. Террио бросил на меня последний полный ненависти взгляд через окровавленное плечо и ушел, оставив входную дверь открытой. Я видел, как он спускался по ступенькам, не столько бежал, сколько нырял. Парень, проезжавший мимо на велосипеде, вероятно курьер, потерял равновесие, упал и, ругаясь, растянулся на асфальте.

Я знал, что мертвые могут влиять на живых, и это было не удивительно. Я уже это видел, но те послания всегда были *мелочами*. Профессор Беркетт почувствовал поцелуй жены. Лиз почувствовала, как Реджис Томас дунул ей в лицо. Но то, что я увидел только что - потухший свет, дрожащая, вибрирующая дверная ручка, которая взяла и повернулась, посыльный, падающий с велосипеда, - находилось совершенно на другом уровне.

Существо, которое я называю мертвым светом, едва не потеряло своего хозяина, пока я его держал, но когда я его отпустил, оно не просто вернуло Террио; оно стало сильнее. Эта сила, должно быть, исходила от меня, но я не чувство-

вал себя слабее (как бедная Люси Вестенра, когда граф Дракула использовал ее в качестве своего личного обеденного фургона). На самом деле я чувствовал себя лучше, чем когда-либо, освеженным и бодрым.

Он был сильнее, ну и что? Теперь я овладел им, сделал его своей ручной сучкой.

Впервые с тех пор, как Лиз забрала меня из школы и взяла на охоту за Террио, я снова почувствовал себя хорошо. Как человек, перенесший тяжелую болезнь и наконец, идущий на поправку.

44

Я вернулся домой около четверти третьего, немного поздновато, но не до где-ты-был-я-так-волновалась. На одной руке у меня была длинная царапина, и брюки на колене разорвались, когда один из старшеклассников толкнул меня, и я грохнулся, но все равно чувствовал я себя чертовски хорошо. Валерии там не было, зато были две ее подружки. Одна из них сказала, что я нравлюсь Валерии, а другая сказала, что я должен с ней поговорить, может быть, пригласить на ланч.

Боже, какие возможности!

Я вошел и увидел, что кто-то - вероятно, мистер Провенза, управляющий зданием, - закрыл почтовые ящики, которые распахнулись, когда Террио уходил. Мистер Провенза также убрал разбитое стекло и повесил перед лифтом табличку с надписью: ВРЕМЕННО НЕ РАБОТАЕТ. Это навело меня на мысль о том дне, когда мы с мамой пришли домой из школы (я держал в руках рисунок зеленой индейки), и обнаружили, что лифт в Дворце-на-парковой не работает. «К черту этот лифт», сказала мама. И добавила: «Ты этого

не слышал, малыш».

Старые добрые времена.

Я поднялся по лестнице и, войдя, обнаружил, что мама подтащила свой офисный стул к окну гостиной, и сейчас что-то читала и пила кофе.

- Я как раз собиралась тебе позвонить, - сказала она и, опустив взгляд, добавила: - О боже, это же новые джинсы!

- Ну, извини, - сказал я.

- У меня много навыков, но шитье не входит в их число. Я отнесу джинсы миссис Абельсон из «Денди Клинерс». Что ты ел на обед?

- Бургер. С листьями салата и помидорами.

- Правда?

- Я не могу тебе лгать, - сказал я, и, конечно же, тут же вспомнил о Террио, отчего слегка вздрогнул.

- Дай мне взглянуть на твою руку. Подойди сюда, чтобы я могла хорошенько все рассмотреть. - Я подошел и показал свой боевой шрам. - Думаю, пластырь не понадобится, но тебе нужно смазать рану «Неоспорином»[87].

- Хорошо, можно я посмотрю «И-Эс-Пи-Эн»[88]

---

[87] Примечания: 1.87
бактерицидная мазь для лечения повреждений кожного покрова.

[88] Примечания: 1.88
американский кабельный спортивный канал

после процедуры?

- Можно было бы, если бы у нас было электричество. Как ты думаешь, почему я читаю у окна, а не за письменным столом?

- Ох. Должно быть, поэтому лифт и не работает.

- Ваши дедуктивные способности меня ошеломляют, Холмс. - Еще одна из литературных шуток моей мамы. У нее их были десятки. Может быть, сотни. - Что-то произошло в нашем здании. Мистер Провенза говорит, что сгорели все предохранители. Какой-то скачок напряжения. Он сказал, что раньше не видел ничего подобного. Он постарается починить все к закату, но мне кажется, что мы будем работать при свечах и фонариках, еще долго после того, как стемнеет.

Террио, - подумал я, но, конечно же, это был не он. Это была та тварь - мертвый свет, - которая теперь обитала в Террио. Она, когда уходила, разбила светильник, открыла несколько почтовых ящиков и в довершение картины сожгла предохранители.

Я пошел в ванную за «Неоспорином». Там было темно, поэтому я щелкнул выключателем. Сука-привычка, а что вы хотели? Я сел на диван, чтобы помазать царапину антибактериальной мазью, посмотрел на пустой телевизор, и подумал: *Сколь-*

ко предохранителей в многоквартирном доме размером с наш и сколько энергии требуется, чтобы сжечь их все.

Я мог бы свистнуть и попытаться призвать эту тварь. Но если я это сделаю, придет ли она к парню по имени Джейми Конклин? По-моему, это было слишком большая честь для ребенка, который еще три года не сможет получить водительские права.

- Мама?

- Что?

- Ты думаешь, я достаточно взрослый, чтобы завести подружку?

- Нет, дорогой, - не отрываясь от рукописи, ответила она.

- А когда я стану достаточно взрослым?

- Как тебе двадцать пять?

Она засмеялась, и я засмеялся вместе с ней. *Может быть*, подумал я, *когда мне исполнится двадцать пять или около того, я позову Террио и попрошу его принести мне стакан воды.* Но если хорошо подумать, все, что он принесет, может оказаться ядом. Может быть, просто для того, чтобы поприкалываться и поржать, я попрошу его встать на голову, сделать шпагат или пройтись по потолку. Или я мог бы его отпустить. «Пре-

крати гудеть, кузен»[89]. Конечно же, для этого не нужно ждать, пока мне исполнится двадцать пять, я могу это сделать в любое время. Только я этого не хотел. Пусть он некоторое время побудет моим пленником. Этот мерзкий, ужасный свет превратился в светлячка в банке. Посмотрим, как ему это понравится.

В десять часов вечера включили электричество, и все начало налаживаться.

[89] Примечания: 1.89

строчка из песни джаз-исполнителя Кэба Кэллоуэя «What's Buzzin' Cousin?»

45

В воскресенье мама предложила навестить профессора Беркетта, чтобы узнать, как у него дела, и заодно забрать кастрюлю.

- А еще мы могли бы принести ему круассаны из «Хабера».

Я ответил: *звучит неплохо*. Она позвонила профессору, и он сказал, что будет рад нас видеть, поэтому мы сходили в пекарню, а потом поймали такси. Моя мать отказывалась пользоваться «Убером». Она говорила, что это не Нью-Йорк. «Тэксис» - вот это настоящий Нью-Йорк.

Я думаю, что чудеса исцеления продолжаются даже в старости, потому что профессор Беркетт пользовался только одной тростью и перемещался по квартире довольно живо. Вряд ли он еще раз примет участие в Нью-Йоркском марафоне (если вообще когда-нибудь участвовал), но он обнял маму прямо у двери, и я уже не боялся, что он рухнет лицом вниз, когда будет пожимать мне руку. Он пристально посмотрел на меня, я слегка кивнул, и он улыбнулся. Мы поняли друг друга.

Мама суетилась на кухне, раскладывая запе-

канку, кусочки масла, круассаны, и крошечные корзинки с джемом, продававшиеся вместе с ними. Мы поели под косыми лучами утреннего солнца. Это была приятная трапеза. Когда мы закончили, мама переложила остатки запеканки (а это была большая ее часть; я думаю, старики мало едят) в пластиковый контейнер и вымыла тарелку. Она поставила тарелку в сушилку, а затем извинилась и пошла в туалет.

Как только она ушла, профессор Беркетт перегнулся через стол.

- Ну как?

- Он был в коридоре, когда я вчера утром вышел из лифта. Я, не задумываясь, бросился вперед и схватил его.

- Он был там? Этот Террио? Ты его видел? Или *чувствовал?* - Все еще наполовину убежденный, что это происходит только у меня в голове. Я видел это по его лицу, но кто мог его винить?

- Ага. Но это уже был не Террио. Существо внутри, этот свет, пыталось вырваться, но я его удержал. Было страшно, но я знал, что если отпущу, мне будет плохо по-настоящему. Наконец, когда существо увидело, что Террио исчезает, оно…

- Исчезает? Что ты имеешь в виду?

В туалете спустили воду. Мама не вернется, пока не вымоет руки, но это не займет много времени.

- Я сказал ему то, что вы велели мне сказать, профессор. Что он должен явиться ко мне по первому же свисту. Что настала моя очередь преследовать *его*. Он согласился. Я заставил его произнести это вслух, и он это сделал.

Моя мать вернулась прежде, чем профессор успел задать еще какие-то вопросы, но я видел, что он выглядел встревоженным и все еще думал, что вся эта стычка происходила только у меня в голове. Я его понимал, но все равно злился - ведь он кое-что знал о кольцах и книге мистера Томаса, - но, оглядываясь назад, я его понимал. Вера - это большое препятствие, которое нужно преодолеть, и я думаю, что для умных людей это препятствие еще выше. Умные люди многое знают, и, возможно, это создает иллюзию, что они знают все.

- Нам пора, Джейми, - сказала мама. - Мне нужно закончить рукопись.

- Тебе всегда нужно закончить рукопись, - сказал я, и она рассмеялась, потому что это было правдой. И офис агентства, и ее домашний кабинет были постоянно завалены высокими

стопками книг. - Прежде чем мы уйдем, давай расскажем профессору, что произошло вчера в нашем здании.

Она повернулась к профессору Беркетту.

- Это было так странно, Марти. Все предохранители в здании внезапно сгорели. Все сразу! Мистер Провенза - он просто супер-мастер - сказал, что, должно быть, произошел какой-то скачок напряжения. Он сказал, что никогда не видел ничего подобного.

Профессор выглядел удивленным.

- Только в вашем здании?

- Только в нашем, - согласилась она. - Ну же, Джейми. Давай уже уйдем и дадим возможность Марти отдохнуть от нас.

Выход был почти точным повторением входа. Профессор Беркетт пристально посмотрел на меня, и я слегка кивнул.

Мы понимали друг друга.

46

В тот вечер я получил от него электронное письмо, отправленное с айпада. Он был единственным из моих знакомых, кто использовал приветствие, когда посылал мэйлы, и писал настоящие письма, а не такие вещи, как «Хав р ю[90]», «РОФЛ» и «ИМХО».

Дорогой Джейми,

После того как вы с матерью уехали, я провел кое-какие исследования, касающиеся обнаружения бомбы в супермаркете Истпорта, что мне следовало сделать раньше. То, что я нашел, было интересно. Элизабет Даттон не занимала видного места ни в одном из выпусков новостей. Большая часть заслуг досталась саперам (особенно собакам, потому что люди любят собак; я думаю, мэр даже выдал собаке медаль). Элизабет упоминалась только как «детектив, получивший наводку из старого источника». Мне по-

[90] Примечания: 1.90
Сокр. от how are you doing — как дела

казалось странным, что она не приняла участия в пресс-конференции после успешного обезвреживания бомбы и не получила официальной благодарности. Однако ей удалось сохранить работу. Возможно, это была единственная награда, которую она хотела, и ее начальство посчитало, что она её заслужила.

Учитывая мои исследования по данному вопросу, плюс странное отключение электричества в вашем здании после твоего противостояния с Террио, плюс другие детали, о которых ты мне сообщил, я не могу не верить тому, что ты мне рассказал.

Я должен добавить еще одно предостережение. Мне не понравилось выражение уверенности на твоем лице, когда ты говорил, что настала твоя очередь его преследовать, или что ты можешь просто свистнуть, и он придет. Может быть это и так, НО Я НАСТОЯТЕЛЬНО ПРОШУ ТЕБЯ НЕ ДЕЛАТЬ ЭТОГО. Канатоходцы иногда падают. Укротители львов могут быть растерзаны дикими кошками, которых они считали полностью

прирученными. При определенных условиях даже самая лучшая собака может развернуться и укусить своего хозяина.

Мой тебе совет, Джейми, оставь его в покое.

С наилучшими пожеланиями от твоего друга,

проф. Мартин Беркетт (Марти)

PS: Мне очень любопытно узнать точные детали твоего экстраординарного опыта. Если ты придешь ко мне и поделишься, я выслушаю с большим интересом. Я предполагаю, что ты все еще не хочешь обременять свою мать этой историей, поскольку, похоже, дело пришло к успешному завершению.

Я сразу же ответил. Мой ответ был намного короче, но я постарался составить его так же, как он, как обычное бумажное письмо.

Дорогой профессор Беркетт,

Я бы с удовольствием это сделал, но не могу до среды из-за поездки в Мет-

рополитен-музей[91] *в понедельник и волейбольного соревнования, - мальчики против девочек, - во вторник. Если среда подойдет, я приду после школы, примерно в 15:30, но я могу задержаться только на час или около того. Я скажу маме, что просто захотел проведать вас, и это правда.*

Вечно ваш друг,

Джеймс Конклин

Профессор Беркетт, должно быть, держал свой айпад на коленях (я могу представить его сидящим в своей гостиной, со всеми этими фотографиями старых времен в рамках), потому что ответил он сразу же.

Дорогой Джейми,

Среда подходит. Готов встретиться с тобой в три тридцать, куплю печенье с изюмом. Ты бы предпочел чай или безалкогольный напиток?

---

[91] Примечания: 1.91

музей искусства «Метрополитен», обиходно известный как Метрополитен-музей - один из крупнейших и четвёртый по посещаемости художественный музей мира.

Твой,

Марти Беркетт.

Я не стал утруждать себя тем, чтобы сделать свой ответ похожим на обычное письмо, просто напечатал:

Я не отказался бы от чашечки кофе.

И, немного подумав, добавил:

Мама возражать не будет.

Что не было полной ложью, и он послал мне эмодзи в ответ: большой палец вверх. Я подумал, что это было круто.

Позже я поговорил с профессором Беркеттом, но никаких напитков и вкусняшек при этом не было. Он больше не пользовался подобными вещами, потому что был мертв.

47

Во вторник утром я получил от него еще одно письмо. Моя мать получила такое же самое, как и еще несколько людей.

Дорогие друзья и единомышленники,

Я получил плохие новости. Дэвид Робертсон - старый друг, коллега и бывший начальник отделения - вчера вечером перенес инсульт в доме престарелых на Сиеста-Ки во Флориде, и сейчас он находится в «Мемориальном госпитале Сарасоты». Он вряд ли выживет или даже придет в сознание, но я знаю Дэйва и его очаровательную жену Мари больше сорока лет и должен совершить эту поездку, чего бы мне это не стоило, хотя бы для того, чтобы утешить его жену и присутствовать на похоронах, если до этого дойдет. Я назначу новые даты ранее намеченных встреч по возвращении.

Я буду проживать в «Бутик-отеле Бентли» (такое название!) в Оспри на протяжении всего моего пребывания, и вы

можете найти меня там, но лучший способ связаться со мной - это электронная почта. Как большинство из вас знает, у меня нет сотового телефона. Приношу свои извинения за причиненные неудобства.

Искренне ваш,

проф. Мартин Ф.Беркетт (Почетный)

- Он - олдскульный, - сказал я маме, когда мы завтракали: грейпфрут и йогурт для нее, хлопья для меня.

Она кивнула.

- Да, и таких, как он, осталось немного. Броситься к постели умирающего друга в его возрасте… - Она покачала головой. - Достойно восхищения. И этот мэйл!

- Профессор Беркетт не пишет мэйлов, - сказал я. - Он пишет письма.

- Верно, но сейчас я не об этом. Как ты думаешь, сколько у него встреч и посетителей в его возрасте?

Ну, как минимум, был один, - подумал я, но промолчал.

48

Я не знаю, умер старый друг профессора или нет. Знаю только, что мистер Беркетт точно умер. Во время полета у него случился сердечный приступ, и, когда самолет приземлился, он был мертв. У него был еще один старый друг, который был его адвокатом - он был одним из получателей последнего письма профессора - и именно ему позвонили. Он взял на себя ответственность за доставку тела домой, а после этого в дело включилась моя мама. Она закрыла контору и занялась приготовлениями к похоронам. Я ей гордился. Она плакала и грустила, потому что потеряла друга. Мне так же было грустно, потому что это был и мой друг. С уходом Лиз он стал моим единственным взрослым другом.

Похоронная служба проходила в пресвитерианской церкви на Парк-авеню, как и служба по Моне Беркетт семь лет назад. Моя мама была возмущена тем, что дочь - та, что жила на западном побережье, - не приехала. Позже, просто из любопытства, я выудил из корзины последнее письмо от профессора Беркетта и увидел, что она не была

одним из его получателей. Тремя женщинами, получившими письмо, были моя мать, миссис Ричардс (пожилая дама с четвертого этажа Дворца-на-парковой, с которой он дружил) и Долорес Магоуэн, женщина, которую, как ошибочно предсказала миссис Беркетт, ее муж-вдовец скоро должен был пригласить на ленч.

Я искал профессора на церковной службе, думая, что если его жена присутствовала на своей службе, то он мог бы присутствовать на своей. Его там не было, но на этот раз мы пошли и на кладбище, и я увидел его сидящим на могильном камне в двадцати или тридцати футах от скорбящих, но достаточно близко, чтобы слышать, о чем идет речь. Во время молитвы я поднял руку и осторожно ему помахал. Не намного больше, чем движение пальцев, но он это увидел, улыбнулся и помахал в ответ. Он был обычным мертвецом, а не чудовищем, как Кеннет Террио, и я заплакал.

Мама меня обняла.

49

Это было в понедельник, так что я так и не попал со своим классом в Метрополитен-музей. Мне дали выходной, чтобы я мог пойти на похороны, а когда мы вернулись, я сказал маме, что хочу прогуляться. Что мне нужно проветрить мозги.

- Я не против... если ты в порядке. Ты *в порядке*, Джейми?

- Да, - сказал я и улыбнулся ей в качестве доказательства.

- Возвращайся к пяти, а то я буду волноваться.

- Как скажешь.

Я добрался до двери, прежде чем она задала мне вопрос, которого я ждал.

- Он был там?

Я подумал было солгать, как будто это могло пощадить ее чувства, но, возможно, именно правда заставит ее почувствовать себя немного лучше.

- Да. Не в церкви, а на кладбище.

- Как... как он выглядел?

Я сказал ей, что выглядел он нормально, и это было правдой. Они всегда носят одежду, которая была на них в тот момент, когда они умерли, что в

случае профессора Беркетта являло собой коричневый костюм, который был немного великоват для него, но все еще выглядел довольно круто, по моему скромному мнению. Мне понравилось, что он надел костюм для полета на самолете, потому что это была еще одна часть старой школы. И у него не было трости, возможно, потому, что он не держал ее, когда умирал, или потому, что он выронил ее, когда случился сердечный приступ.

- Джейми? Не могла бы твоя старая мама обнять тебя перед тем, как ты пойдешь на прогулку?

Мы долго обнимались.

50

Я шел к Дворцу-на-парковой, гораздо старше и выше того маленького мальчика, который однажды осенью пришел из школы, держась одной рукой за руку матери, а в другой держа рисунок зеленой индейки. Старше, выше и, может быть, мудрее, но все тот же человек. Мы меняемся и не меняемся. Я не могу этого объяснить. Это загадка.

Я не мог войти в здание, у меня не было ключа, но в этом и не было необходимости, потому что профессор Беркетт сидел прямо на ступеньках в своем коричневом дорожном костюме. Я сел рядом с ним. Мимо прошла старушка с маленькой пушистой собачкой. Пес посмотрел на профессора. А старая леди - нет.

- Здравствуйте, профессор.

- Привет, Джейми.

Прошло уже пять дней с тех пор, как он умер в самолете, и его голос постепенно угасал. Как будто он говорил со мной издалека и с каждым мгновением удалялся все дальше и дальше. И хотя он казался таким же добрым, как всегда, он

также казался каким-то, я не знаю, отстраненным. Большинство из них так выглядят. Даже миссис Беркетт была такой, хотя и болтливее большинства (а некоторые вообще ничего не говорят, если не задавать им вопросы). Потому что они смотрят на парад, а не участвуют в нем? Близко, но все же не совсем верно. Как будто у них на уме были другие, более важные вещи, и я впервые понял, что мой голос, должно быть, тоже для него угасает. Весь мир, должно быть, угасает.

- Вы в порядке?

- Да.

- Вам было больно? Сердечный приступ?

- Да, но все быстро кончилось. - Он смотрел на улицу, а не на меня. Как будто накапливая знания.

- Я должен что-нибудь сделать?

- Только одно. Никогда не призывай Террио. Потому что Террио больше нет. То, что придет, - это то, что им овладело. Я полагаю, что в литературе такого рода сущности называются *приглашенными*.

- Не буду, обещаю. Профессор, почему оно вообще смогло им овладеть? Потому что Террио изначально был злом? Поэтому?

- Не знаю, но это кажется вполне вероятным.

- Вы все еще хотите услышать, что произошло, когда я его схватил? - Я подумал о его письме. - Подробности?

- Нет. - Это меня разочаровало, но не удивило. Мертвецы теряют интерес к жизни живых. - Просто помни, что я тебе сказал.

- Я буду помнить, не волнуйтесь.

В его голосе послышалась легкая тень раздражения.

- Просто поверь мне. Ты был невероятно храбр, но и невероятно удачлив. Ты этого не понимаешь, потому что ты еще ребенок, но поверь мне на слово. Эта штука из-за пределов вселенной. Там есть такие ужасы, о которых не может и помыслить ни один человек. Если ты будешь с ним возиться, то рискуешь умереть, или сойти с ума, или уничтожить свою душу.

Я никогда не слышал, чтобы кто-то говорил о том, чтобы с кем-то *возиться*, это было еще одно старомодное словечко профессора, типа «морозильник» вместо «холодильник», но суть я уловил. И если он хотел напугать меня, то ему это удалось. Уничтожение моей *души*? Господи!

- Не буду, - сказал я. - Я действительно не буду этого делать.

Он ничего не ответил. Просто смотрел на улицу,

положив руки на колени.

- Я буду скучать по вам, профессор.

- Спасибо. Его голос становился все слабее и слабее. Очень скоро я вообще не смогу его слышать, я смогу только видеть, как шевелятся его губы.

- Могу я спросить вас еще кое о чем? - Глупый вопрос. Когда вы спрашиваете, они должны отвечать, хотя вам может не всегда понравиться то, что вы услышите.

- Да.

И я задал свой вопрос.

51

Когда я вернулся домой, мама готовила лосося по нашему любимому рецепту - завернутого в мокрые бумажные полотенца и приготовленного на пару в микроволновке. Вы, наверное, и подумать не могли, что что-то настолько простое может быть необычайно вкусным, но это так.

- Как раз вовремя, - сказала она. - В холодильнике есть пакетик салата «Цезарь». Ты не мог бы достать его для меня?

- Хорошо. - Я достал салат из холодильника - из морозильника - и открыл пакет.

- Не забудь промыть. На пакете написано, что он мытый, но я в это не верю. Возьми дуршлаг.

Я взял дуршлаг, бросил туда салат и воспользовался пульверизатором.

- Я ходил в наш старый дом, - сказал я. Я не смотрел на нее, я был сосредоточен на своей работе.

- Я так и думала. Он там был?

- Да. Я спросил его, почему дочь никогда не навещала его и даже не прилетела на похороны. - Я выключил воду. - Она в психиатрической лечебнице, мама. Он сказал, что она пробудет там

до конца своей жизни. Она убила своего ребенка, а потом пыталась покончить с собой.

Мама как раз собиралась поставить лосося в микроволновку, но вместо этого поставила его на стол и плюхнулась на один из табуретов.

- О Боже. Мона рассказывала мне, что она работает ассистенткой в биологической лаборатории в Калтехе. Она так ей *гордилась*.

- Профессор Беркетт сказал, что она пребывает в состоянии ката-как-ее-черт.

- В состоянии кататонии.

- Да. Так.

Моя мать смотрела на наш будущий ужин, розовая плоть лосося мерцала сквозь пелену бумажных полотенец. Казалось, она глубоко задумалась. Потом вертикальная линия между бровями разгладилась.

- Итак, теперь мы знаем то, чего, вероятно, не должны знать. Это сделано и не может быть отменено. У всех есть секреты, Джейми. Со временем ты сам это поймешь.

Благодаря Лиз и Кеннету Террио я уже это выяснил, а еще я выяснил и мамин секрет.

Позже.

52

Кеннет Террио исчез из новостей, его сменили другие монстры. И поскольку он перестал меня преследовать, он исчез и из моей головы. Когда та осень перешла в зиму, я все еще имел привычку отступать от дверей лифта, когда они открывались, но к тому времени, когда мне исполнилось четырнадцать, этот маленький бзик сошел на нет.

Время от времени я видел мертвых людей (и, вероятно, многих пропустил, так как они выглядели как нормальные люди, если только не умирали от ран или вы не подходили к ним слишком близко). Я расскажу вам об одном случае, хотя это не имеет никакого отношения к моей основной истории. Это был маленький мальчик, не старше меня в тот день, когда я увидел миссис Беркетт. Он стоял на островке безопасности посередине Парк-авеню, одетый в красные шорты и футболку «Звездных войн». Он был бледен как бумага. Губы у него посинели. И я думаю, что он пытался плакать, хотя слез не было видно. Поскольку он показался мне смутно знакомым,

я пересек часть Парковой, дошел до островка безопасности и спросил его, что случилось. Ну, кроме того, что он мертв.

- Я не могу найти дорогу домой!

- Ты знаешь адрес?

- Я живу в доме 490 по Второй авеню, квартира 16Б.

- О'кей, - сказал я, - это близко. Пойдем, малыш. Я тебя отведу.

Это было здание под названием «Кипс-Бей-Корт». Когда мы туда дошли, он просто сел на тротуар. Он больше не плакал, и у него появился тот рассеянный взгляд, который бывает у всех них. Мне не хотелось оставлять его там, но я не знал, что делать. Перед уходом я спросил, как его зовут, и он сказал - Ричард Скарлатти. И тут я понял, где его видел. Его фотография была на «Нью-Йорк-Ван». Какие-то большие парни утопили его в Лебедином озере, которое находится в Центральном парке. Все эти парни плакали, и, на голубом глазу, говорили, что они просто дурачились. Может быть, это и было правдой. Может быть, позже, я это выясню, но на самом деле я так не думал.

53

К тому времени дела у нас шли достаточно хорошо, чтобы я мог пойти в частную школу. По окончании учебного года, мама показала мне брошюры «Дальтонской школы» и «Семинарии друзей»[92], но я предпочел остаться в общественной, и поехать в Рузвельт, на родину Мустангов. Все было просто прекрасно. Для нас с мамой это были хорошие годы. Она нашла супер-пупер клиента, который писал истории о троллях, лесных эльфах и благородных парнях, которые отправлялись в далекие путешествия. У меня вроде как появилась подружка. Мэри Лу Стайн была своего рода гот-интеллектуалкой, несмотря на то, что соседские девчонки называли её чертовой киноманкой. Мы ходили в «Анжелику»[93] примерно раз в неделю и сидели на заднем ряду, читая субтитры.

Однажды, вскоре после моего дня рождения

---

[92] Примечания: 1.92

престижные частные школы в Нью-Йорке

[93] Примечания: 1.93

киноцентр «Анжелика» - сеть кинотеатров в Соединенных Штатах, где показываются независимые и иностранные фильмы

(мне исполнилось пятнадцать), мама прислала мне сообщение и спросила, могу ли я заглянуть в офис агентства после школы вместо того, чтобы идти прямо домой - ничего особенного, сказала она, просто есть кое-какие новости, которые она хотела передать лично.

Когда я пришел, она налила мне чашечку кофе - необычно, но не неслыханно к тому времени - и спросила, помню ли я Джезуса Эрнандеса. Я сказал ей, что помню. Он был напарником Лиз в течение нескольких лет, и пару раз мама брала меня с собой, когда они с Лиз обедали с детективом Эрнандесом и его женой. Это было довольно давно, но трудно забыть детектива ростом шесть футов шесть дюймов по имени Джезус, даже если оно на самом деле произносится как *Хей-сус*.

- Мне нравились его дреды, - сказал я. - Они были классные.

- Он позвонил мне и сказал, что Лиз потеряла работу. - Мама и Лиз расстались уже давно, но мама все равно выглядела грустной. - В конце концов, ее поймали на перевозке наркотиков. Немалая партия героина, как сказал Джезус.

Меня это сильно прибило. Лиз не была хорошей партией для моей матери, и она, конечно же, не была хорошим другом для меня, но все равно это

был большой облом. Я вспомнил, как она щекотала меня до тех пор, пока я чуть не намочил штанишки, и как сидел между ней и мамой на диване, и как мы, втроем, обсуждали глупое шоу, и как она водила меня в «Зоопарк Бронкса» и там купила мне сахарную вату размером больше моей головы. Кроме того, не забывайте, что она спасла пятьдесят или даже сто жизней, которые были бы потеряны, если бы взорвалась последняя бомба Бомбилы. Ее мотивация могла быть хорошей или дурной, но, как бы там ни было, эти жизни были спасены.

И только сейчас до меня дошла подслушанная фраза из их последнего спора. *Крупная партия,* сказала мама.

- Она ведь не сядет в тюрьму?

- Ну, сейчас ее выпустили под залог, - сказала мама, - но, в конце концов... я думаю, шансы у неё немалые, дорогуша.

- О, черт. - Я подумал о Лиз в оранжевом комбинезоне, как у женщин в сериале на «Нетфликс»[94], который иногда смотрела моя мама.

---

[94] Примечания: 1.94

скорее всего, имеется в виду сериал 2013 года «Оранжевый — хит сезона» - о женской тюрьме Личфилд, куда на 15 месяцев попадает богатая белая американка Пайпер Чапман за то, что в юности она помогла своей бывшей девушке Алекс провезти наркотики в Америку

Она взяла меня за руку.
- Правда, правда.

54

Две или три недели спустя Лиз меня похитила. Вы можете сказать, что в первый раз она это сделала, когда мы охотились на Террио, но тот раз можно было назвать «нежным воровством». На этот раз все было по-настоящему. Она не затаскивала меня в машину силой, не обращая внимания на брыкание и плач, но сесть в машину принудила. Что, по-моему, означает похищение.

Я входил в теннисную команду и возвращался домой после нескольких тренировочных матчей (которые наш тренер почему-то называл «заплывами»). На спине у меня был рюкзак, а в руке - теннисная сумка. Я шел к автобусной остановке, когда увидел женщину, прислонившуюся к потрепанной «Тойоте» и пялившуюся в свой телефон. Я прошел мимо, даже не посмотрев в её сторону. Мне никогда бы не пришло в голову, что эта тощая цыпочка - соломенно-светлые волосы, выбивающиеся из-под воротника расстегнутого шерстяного пальто, не по размеру огромная серая толстовка, потрепанные ковбойские сапоги, в которые были заправлены мешковатые джинсы

- была старой подругой моей мамы. Та старая мамина подруга предпочитала узкие брюки темного цвета и шелковые блузки с глубоким вырезом. Та старая мамина подруга зачесывала волосы назад и стягивала их в короткий хвостик. Та старая мамина подруга выглядела здоровой.

- Эй, Чемпион, даже не поздороваешься со старым другом?

Я остановился и обернулся. Какое-то мгновение я все еще не узнавал ее. Лицо женщины, находящейся прямо передо мной было изможденным и бледным. На лбу у нее были пятна, не скрытые косметикой. Все волнующие изгибы, которыми я восхищался - конечно, по-мальчишески, - исчезли. Мешковатая толстовка под пальто лишь намекала на то, что когда-то было роскошной грудью. Я бы сказал, что она была на сорок или даже пятьдесят фунтов легче и выглядела лет на двадцать старше.

- Лиз?

- Никто иной. - Она одарила меня улыбкой, затем скрыла ее, вытирая нос тыльной стороной ладони.

Закинулась, - подумал я. - *Она под дозой*.

- Как ты?

Может быть, не самый мудрый вопрос, но

единственный, который пришел мне в голову в данных обстоятельствах. И я был достаточно осторожен, чтобы держаться от нее на безопасном расстоянии, чтобы иметь возможность убежать, если она попытается выкинуть что-нибудь странное. Что казалось вполне вероятным, потому что *выглядела* она довольно странно. Не как актеры, прикидывающиеся наркоманами на ТВ, а как настоящие наркоши, которых время от времени видишь, клюющими носами на скамейках в парке или в подъездах заброшенных зданий. Я думаю, что в Нью-Йорке сейчас намного чище, чем раньше, но наркоманы все еще являются частью пейзажа.

- Как я выгляжу? - Потом она рассмеялась, но не очень радостно. - Не отвечай. Но ведь когда-то давным-давно мы совершили мицву[95], не так ли? Я заслужила большей благодарности за это, чем получила, но, черт возьми, мы спасли кучу жизней.

Я подумал о том, через что мне пришлось из-за нее пройти. И не только из-за Террио. Еще она испортила жизнь моей матери. Лиз Даттон заставила нас обоих пережить тяжелые времена,

---

[95] Примечания: 1.95

мицва - предписание, заповедь в иудаизме. В обиходе мицва - всякое доброе дело, похвальный поступок.

и вот она снова здесь. Банный лист, появляющийся, когда ты меньше всего этого ожидаешь. Я разозлился.

- Ты вообще не заслуживала *никакой* похвалы. Это я заставил его заговорить. И я заплатил за это немалую цену. О чем тебе лучше не знать.

Она склонила голову набок.

- Уверена, что знаю. Расскажи-ка мне о цене, которую ты заплатил, Чемпион. Несколько плохих снов о дырке в его голове? Ты думаешь, что тебе снились плохие сны, а ты видел когда-нибудь трех поджаренных людей в сгоревшем внедорожнике, один из которых - ребенок в автокресле. Так какую же цену ты заплатил?

- Забудь, - сказал я, и начал уходить.

Она протянула руку и схватила ремень моей теннисной сумки.

- Не так быстро. Ты мне снова нужен, Чемпион, так что придержи коней.

- Ни за что. И отпусти мою сумку.

Она этого не сделала, и я потянул. Она упала на колени, тихонько вскрикнув и ослабив хватку на ремне.

Проходивший мимо мужчина остановился и посмотрел на меня так, как взрослые смотрят на ребенка, когда видят, что он делает что-то

плохое.

- Ты не должен так поступать с женщиной, малыш.

- Отвали, - сказала ему Лиз, поднимаясь на ноги. - Я из полиции.

- Ладно, ладно, - сказал мужчина и быстренько зашагал прочь. Он даже не оглянулся.

- Ты больше не коп, - сказал я, - и я никуда с тобой не пойду. Я даже не хочу с тобой разговаривать, так что оставь меня в покое. - И все же мне было немного не по себе оттого, что я потянул сумку так сильно, что она упала на колени. Я вспомнил, как она стояла на коленях в нашей квартире, но только потому, что играла со мной в машинки. Я пытался убедить себя, что это было в другой жизни, но это не сработало, потому что это была не другая жизнь. Это была моя жизнь.

- О, но ты *поедешь* со мной. Если не хочешь, чтобы весь мир узнал, кто на самом деле написал последнюю книгу Реджиса Томаса, ты поедешь со мной. Большой бестселлер, который спас Ти от банкротства? *Посмертный* бестселлер?

- Ты этого не сделаешь, - затем, когда шок от того, что она сказала, немного рассеялся, - ты *не сможешь* этого доказать. Это будет твое слово против маминого. Слово перевозчика наркоты.

Плюс наркоманки, судя по твоему виду, так что кто тебе поверит? Никто!

Во время нашей беседы она положила телефон в задний карман. Теперь она его вынула.

- В тот день вела запись не только Тиа. Послушай-ка.

То, что я услышал, заставило мой желудок сжаться. Это был мой голос - гораздо более молодой, но мой - говорящий маме, что Пьюритти найдет ключ, который она искала под гнилым пнем на тропинке к озеру Роанок.

Мама: Откуда она узнает, какой пень?

Пауза.

Я: Мартин Бетанкур поставил на нем мелом крест.

Мама: Что она с ним сделает?

Пауза.

Я: Отнесет Ханне Ройден. Они вместе идут к болоту и находят пещеру.

Мама: Ханна разводит Поисковый Огонь? То, из-за чего ее чуть не повесили как ведьму?

Пауза.

Я: Правильно. И он говорит, что Джордж Тредгилл крадется за ними. И еще он говорит, что, глядя на Ханну, Джордж теряет терпение. - Что это, мама?

Мама: Не обращай внима…

Лиз остановила запись.

- У меня есть гораздо больше. Не все, но, по крайней мере, час. Без сомнения, Чемпион - это ты рассказываешь своей матери сюжет книги, которую она написала. И ты станешь частью этой истории. Джеймс Конклин, мальчик-медиум.

Я уставился на нее, мои плечи поникли.

- Почему ты не проиграла мне это раньше? Когда мы отправились на поиски Террио?

Она посмотрела на меня, как на идиота. Наверное, потому, что так оно и было.

- В этом не было необходимости. Тогда ты был милым ребенком, который хотел делать правильные вещи. Теперь тебе пятнадцать, и ты уже достаточно взрослый, чтобы быть занозой в заднице. Наверное, это твое право как подростка, но поговорим об этом в другой раз. А сейчас вопрос таков: ты сядешь в машину и прокатишься со мной, или я пойду к одному знакомому репортеру из «Пост» и расскажу ему пикантную историю о литературном агенте, который подделал последнюю книгу своего покойного клиента с помощью своего сына-экстрасенса?

- Прокатишься куда?

- Это таинственный тур, Чемпион. Залезай и

узнаешь.

Я не видел другого выхода.

- Хорошо, но только одно. Перестань называть меня Чемпионом, как будто я твоя любимая лошадка.

- Хорошо, Чемпион, - улыбнулась она. - Шучу, просто шучу. Садись в машину, Джейми.

Я сел.

55

- С каким мертвецом я должен поговорить на этот раз? Кто бы это ни был и что бы он не знал, я не думаю, что это убережет тебя от тюрьмы.

- О, я не собираюсь в тюрьму, - сказала она. - Не думаю, что мне понравится еда, не говоря уже о компании.

Мы миновали знак, указывающий на мост Куомо, который все в Нью-Йорке до сих пор называют Таппан-Зи, или просто Тап. Мне это не понравилось.

- Куда мы едем?

- Ренфилд.

Единственный Ренфилд, о котором я знал, был помощником по поеданию мух графа Дракулы.

- Где это? Где-нибудь в Тарритауне?

- Нет. Маленький городок к северу от Нью-Пальца. Это займет у нас два-три часа, так что расслабься и наслаждайтесь поездкой.

Я уставился на нее, более чем встревоженный, почти испуганный.

- Ты, должно быть, шутишь! Я должен быть дома к *ужину*!

- Похоже, сегодня вечером Тиа будет ужинать в одиночестве. - Она достала из кармана своего пальто маленький пузырек с беловато-желтым порошком, к крышке которого была прикреплена маленькая золотая ложечка. Она отвинтила крышку одной рукой, высыпала немного порошка на тыльную сторону ладони, и втянула дозу. Потом закрутила крышку - все так же одной рукой - и спрятала пузырёк обратно. Ловкость процесса говорила о долгой практике.

Она увидела выражение моего лица и улыбнулась. В ее глазах появился блеск.

- Никогда раньше не видел, чтобы кто-нибудь так делал? Что за уединенную жизнь ты вел, Джейми.

Я видел, как дети курят травку, даже сам пробовал, но что-нибудь тяжелее? Нет. На школьных танцах мне предложили экстази, но я отказался.

Она снова провела ладонью по носу, не слишком привлекательный жест.

- Я бы предложила тебе немного, люблю делиться опытом, но это моя собственная особая смесь: кокаин и героин - два к одному, с небольшим добавлением фентанила. У меня выработалось невосприятие. А тебе бы от этого снесло крышу.

Может быть, у нее и выработалось невоспри-

ятие, но я с легкостью понял, когда ее накрыло. Она выпрямилась и заговорила быстрее, но, по-прежнему, ехала ровно и не сбавляла скорости.

- Это твоя мать во всем виновата, ты же знаешь. В течение многих лет я только и делала, что возила наркотики из пункта А, которым обычно был либо лодочный причал на 79-й улице, либо аэропорт Стюарта, в пункт Б, который мог быть где угодно в пяти районах города. Сначала это был, в основном, кокаин, но времена изменились из-за «Оксиконтина». Это дерьмо быстро цепляет людей, я имею в виду *кабанг*[96]. Когда врачи перестали его поставлять, наркоманы начали приобретать эту дрянь на улице. Потом цена поднялась, и они поняли, что могут получить примерно такой же кайф от большой белой медсестры[97], да оно и дешевле. И они пересели. Именно этим и снабжал нас человек, которого мы собираемся навестить.

- Человек, который мертв.

Она нахмурилась.

---

[96] Примечания: 1.96

американское сленговое выражение, означающие крайне острые ощущения

[97] Примечания: 1.97

скорее всего, имеется в виду синтетический опиоидный анальгетик, производное от фентанила

- Не перебивай меня, малыш. Ты хотел знать, я тебе рассказала.

Единственное, что как я мог вспомнить, желал знать, было то, куда мы направляемся, но я промолчал. Я попытался взять себя в руки и перестать бояться. Это сработало, потому что передо мной все еще была Лиз, правда совсем не та Лиз, которую я знал.

- Не кайфуй от того, что возишь, вот что они говорят, это мантра, но после того, как Тиа меня выгнала, я начала понемногу употреблять. Только чтобы не впасть в депрессию. Потом я стала употреблять много. Через некоторое время это уже нельзя было назвать простым употреблением. Я была в системе.

- Моя мама выгнала тебя, потому что ты принесла в наш дом это дерьмо, - сказал я. - Это была твоя вина. - Наверное, было бы умнее промолчать, но я ничего не мог с собой поделать. Ее попытка обвинить маму в том, во что она превратилась, снова вывела меня из себя. Но она не обратила на это никакого внимания.

- Но вот что я тебе скажу, Че… Джейми. Я никогда не использовала шприц. - Она сказала это с какой-то вызывающей гордостью. - Ни разу. Потому что, когда ты нюхаешь, у тебя есть шанс

соскочить. Начнешь колоть эту дрянь, и никогда не соскочишь.

- У тебя из носа идет кровь. - Тонкая струйка стекала по желобку между её носом и верхней губой.

- Да? Спасибо. - Она вытерла кровь тыльной стороной ладони, потом на секунду повернулась ко мне. - Неужели я это заслужила?

- Угу. А теперь смотри на дорогу.

- Да, сэр, мистер Заднесиденьечный Водитель, сэр, - сказала она, и на мгновение ее голос стал похож на голос старой Лиз. Это не разбило мне сердце, но немного сдавило.

Мы ехали. Движение, как для буднего дня, было не таким уж плотным. Я думал о своей матери. Сейчас она находится в агентстве, но скоро вернется домой. Сначала она не будет волноваться. Потом она забеспокоится. А потом она будет сильно волноваться.

- Можно, я позвоню маме? Я не скажу ей, где я, просто скажу, что со мной все в порядке.

- Конечно. Давай.

Я вынул телефон из кармана, и он тут же исчез. Она выхватила его со скоростью ящерицы, охотящейся на жука. Прежде чем я успел сообразить, что происходит, она открыла окно и выбросила

телефон на дорогу.

- Зачем ты это сделала? - крикнул я. - Это был мой телефон!

- Я рада, что ты напомнил мне о своем телефоне. - Теперь мы проезжали указатель «Шоссе I-87». - Я совсем забыла. Они ведь не зря называют это дурью, - и она рассмеялась.

Я стукнул ее по плечу. Машина вильнула, потом выпрямилась. Кто-то нам посигналил. Лиз бросила на меня еще один взгляд, и теперь она не улыбалась. У нее было такое выражение лица, которое, вероятно, появлялось, когда она зачитывала людям их права. Знаете, преступникам. - Ударь меня еще раз, Джейми, и я ударю тебя по яйцам так сильно, что тебя стошнит. Видит Бог, это будет не первый раз, когда кого-то стошнило в этой гребаной развалюхе.

- Хочешь попробовать подраться со мной сидя за рулем?

Теперь улыбка вернулась, ее губы приоткрылись ровно настолько, чтобы показать верхушки зубов.

- А ну-ка попробуй.

Я не стал. Я ничего не попробовал, в том числе (если вам интересно) вызвать существо, обитающее в Террио, хотя теоретически оно должно

было явиться по моей команде - *О, теперь ты должен являться ко мне по первому же свисту, друг мой,* помните? Правда была в том, что это - или *оно* - просто не пришло мне в голову. Я про него забыл, точно так же, как Лиз забыла забрать мой телефон, но вот у меня не было возможности списать забывчивость на наркоту. Так или иначе, я этого не сделал. Кто знает, придет ли оно на самом деле? А если и придет... да, я боялся Лиз, но еще сильнее я боялся мертвого света. *Смерть, безумие, разрушение твоей души*, как говорил профессор.

- Подумай над этим, малыш. Если бы ты позвонил и сказал, что все в порядке, ты просто решил немного прокатиться со своей старой подругой Лиззи Даттон, как ты думаешь, она бы сказала: «Хорошо, Джейми, все норм, пусть она угостит тебя ужином»?

Я промолчал.

- Она вызовет полицию. Но не это самое главное. Я должна была сразу же избавиться от твоего сотового, потому что она может его отследить.

Мои глаза расширились.

- *Чушь* собачья, она не может!

Лиз, улыбаясь, кивнула и перевела взгляд на дорогу, мы как раз обгоняли фуру с прицепом.

- Она установила приложение «Локатор Эпп» на тот, первый, телефон, который купила тебе на десятилетие. Это я ей посоветовала, как спрятать его поглубже, чтобы ты не нашел и не разозлился.

- Я купил новый телефон два года назад, - пробормотал я. В уголках моих глаз стояли слезы, не знаю почему. Я чувствовал себя… Не могу подобрать слова. Погодите-ка, может, и могу. *Срезанным*[98]. Вот как я себя чувствовал, срезанным.

- Ты думаешь, она не поставила это приложение на новый? - Лиз хрипло рассмеялась. - Ты что, шутишь? Ты ее единственный и неповторимый, малыш, ее маленький принц. Она будет следить за тобой и через десять лет, когда ты женишься, и будешь менять пеленки своему первому ребенку.

- Гребаная ложь, - сказал я, но разговаривал при этом со своими коленями.

Она нюхнула еще немного своей особой смеси, как только мы выехали из города, движения были такими же ловкими и отработанными,

---

[98] Примечания: 1.98

whipsawed - срезанный (о трейдере, который терпит убытки из-за того, что сразу после его входа в сделку цена меняет движение на обратное)

но на этот раз машина немного *вильнула*, и мы получили еще один неодобрительный гудок. Я подумал, что какой-нибудь коп нас обязательно остановит, и сначала мне показалось, что это будет хорошо, что это положит конец кошмару, но, потом я решил, что, скорее всего, ничего хорошо не произойдет. В ее нынешнем состоянии Лиз может попытаться сбежать от полиции и убить нас обоих. Я подумал о человеке из Центрального парка. Его лицо и верхняя часть тела были прикрыты чьей-то курткой, так что прохожие не могли видеть худшего, но я все видел.

Лиз снова оживилась.

- Из тебя вышел бы отличный детектив, Джейми. С твоим особым умением ты мог бы стать звездой. Ни один убийца не ускользнет от тебя, потому что ты можешь поговорить с жертвами.

Эта мысль приходила мне в голову раз или два. Джеймс Конклин, Детектив Мертвых. Или, может быть, *по* Мертвым. Я так и не понял, что звучит лучше.

- Но только не в Нью-йоркском полицейском департаменте, - продолжала она. - К черту этих засранцев. Частный детектив. Я уже вижу твое имя на двери. - Она на мгновение оторвала обе руки от руля, как бы обрамляя его.

Еще один гудок.

- Веди эту чертову машину, - сказал я, стараясь не выказать тревоги. Вероятно, это не сработало, потому что тревога только усилилась.

- Не беспокойся обо мне, Чемпион. Я забыла о вождении больше, чем ты когда-либо узнаешь.

- У тебя опять кровь из носа идет, - сказал я.

Она вытерла её тыльной стороной ладони, потом вытерла ладонь о толстовку. Судя по всему, не в первый раз.

- Перегородка сгнила, - сказала она. - Я собираюсь все поправить. Как только стану чистой.

После этого мы некоторое время ехали молча.

56

Когда мы выбрались на шоссе, Лиз взбодрилась еще одной порцией своей особой смеси. Я бы сказал, что она начала меня пугать, но мы уже давно миновали этот момент.

- Хочешь знать, что нас сюда привело? Почему я и ты, Холмс и Ватсон отправились в очередное приключение?

Приключение - не то слово, которое я бы выбрал, но я ей этого не сказал.

- По твоему лицу вижу, что нет. Так я и думала. Долгая история, не очень интересная, но вот что я тебе скажу: ни один ребенок никогда никому не говорил, что хочет вырасти бродягой, деканом колледжа или продажным полицейским. Или уборщиком мусора в округе Уэстчестер, чем в эти дни занимается мой шурин.

Она рассмеялась, хотя тогда я еще не понимал, что смешного в том, чтобы быть мусорщиком.

- Вот то, что *может* тебя заинтересовать. Я перевезла немало наркотиков из пункта А в пункт Б и получила за это деньги, но порошок, который твоя мать нашла в кармане моей куртки в тот

раз, был просто дружеским подгоном. Иронично, когда об этом думаешь. К тому времени ДСБ[99] уже положил на меня глаз. Они не были уверены, но они затягивали удавку. Я до смерти боялась, что Ти проболтается. Это было самое подходящее время, чтобы спрыгнуть, но к тому времени я уже не могла. - Она помолчала, обдумывая это. - Или не хотела. Оглядываясь назад, трудно сказать, что именно. Но это наводит меня на мысль о том, что однажды сказал Чет Аткинс[100]. Ты когда-нибудь слышал о Чете Аткинсе?

Я отрицательно покачал головой.

- Как быстро забываются великие. Погугли, когда вернешься. Отличный гитарист, наряду с Клэптоном и Нопфлером. Когда спрашивали, почему его инструмент всегда дерьмово настроен, он отвечал: «К тому времени, как я понял, что плохо справляюсь с этой частью работы, я был слишком богат, чтобы её бросить». То же самое со мной и моей карьерой перевозчика наркоты. Скажу тебе еще кое-что, пока мы коротаем время на старом добром Нью-йоркском шоссе.

---

[99] Примечания: 1.99

департамент собственной безопасности

[100] Примечания: 1.100

Честер (Чет) Бертон Аткинс (1924-2001) - американский гитарист-виртуоз, продюсер и звукорежиссёр.

Ты думаешь, твоя мать была единственной, кто пострадал, когда экономика накрылась медным тазом в 2008-м? Неправда ваша. У меня был портфель акций - крошечный, но был, - и все пошло прахом.

Она с предельной осторожностью обогнала еще одну фуру с прицепом, включив поворотник, прежде чем выехать на встречку, а затем вернуться обратно. Учитывая, сколько наркотиков она приняла, я был поражен. А еще признателен. Я не хотел ехать вместе с ней в одной машине, но еще больше я не хотел умереть вместе с ней на дороге.

- Но самое важное - это моя сестра Бесс. Она вышла замуж за парня, который работал в одной из крупных инвестиционных компаний. Вероятно, ты слышал о «Бир Стирнс»[101] не больше, чем о Чете Аткинсе?

Я не знал, кивнуть мне или покачать головой, поэтому просто сидел без движения.

- Дэнни, мой шурин, который сейчас специализируется на управлении отходами, только начинал стажироваться в «Бир», когда Бесс вы-

[101] Примечания: 1.101

до 2008 года один из крупнейших инвестиционных банков и игроков на финансовых рынках мира. В августе 2007 года банк оказался в центре кризиса ипотечного кредитования.

шла за него замуж, но у него уже был четкий план на будущее. Будущее было таким ярким, что ему приходилось носить темные очки, если можно позаимствовать строку из старой песни[102]. Они купили дом в деревеньке Такахо[103]. Солидная ипотека, но все уверяли их - в том числе и я, черт бы побрал мою недальновидность, - что цены на недвижимость в этом направлении только растут. Как и фондовый рынок. У них была помощница по хозяйству, она же няня для их ребенка. Они получили членство в загородном клубе. Может быть, они взяли на себя лишнего? Черт, да. И как ты думаешь, Бесси смотрела свысока на мои жалкие семьдесят тысяч в год? Десять-четыре[104]. Но знаешь, что говорил мой отец?

Откуда мне знать? - подумал я.

- Он говорил, что если ты попытаешься убежать от собственной тени, то обязательно грохнешься

---

[102] Примечания: 1.102

«Будущее такое яркое, что я должен носить темные очки» - песня Тимбук3. Это первый трек с их дебютного альбома 1986 года «Привет из Тимбук3».

[103] Примечания: 1.103

деревня в округе Уэстчестер, Нью-Йорк, США. Полтора мили в длину и три четверти мили в ширину, с западной границей реки Бронкс . По данным переписи 2010 года, население села составляло 6 486 человек.

[104] Примечания: 1.104

полицейский код 10-4: Сообщение принял (Понял-принял)

лицом вниз. Дэнни и Бесс поговаривали о том, чтобы построить бассейн, когда дно вывалилось. «Бир Стирнс» специализировалась на ипотечных ценных бумагах, и внезапно бумаги, которые они держали, стали просто бумагой.

Она рассуждала об этом как раз в тот момент, когда мы проезжали мимо знака с надписью «НЬЮ-ПЭЛЦ 59», «ПОКИПСИ 70» и «РЕНФИЛД 78». Мы были чуть более чем в часе езды от нашего конечного пункта назначения, и от одной этой мысли у меня мурашки побежали по коже, поскольку «Пункт назначения»[105] был одним из самых кровавых фильмов ужасов из тех, что нам с друзьями довелось видеть. Конечно, до «Пилы» не дотягивает, но все равно чертовски мрачный.

- «Бир Стирнс»? Посмешище. Одну неделю их акции продавались по сто семьдесят долларов за штуку, а на следующую - уже по десять. «Джей

---

[105] Примечания: 1.105

«Пункт назначения» (англ. Final Destination) - серия фильмов ужасов, созданная американскими продюсерами Джеймсом Вонгом и Гленом Морганом и основанная на неиспользованном сценарии одного из эпизодов телевизионного сериала «Секретные материалы». Основная тема, затрагиваемая в каждом из фильмов, - фатализм, невозможность победить смерть

Пи Морган Чейс»[106] подобрали осколки. Другие компании проделали такой же длинный путь по тому же короткому причалу. Ребята наверху более-менее с этим справились, они всегда справляются. Маленькие парни и девчонки - далеко не все. Зайди на «Ю-Тьюб», Джейми, и ты найдешь ролики с людьми, выходящими из своих шикарных офисных зданий в центре города со всей своей карьерой в картонных коробках. Дэнни Миллер был одним из таких парней. Через полгода после вступления в загородный клуб «Зеленые холмы» он уже ехал в мусоровозке «Гринвайз». И он еще был счастливчиком. Что же касается их дома, - он ушел под воду. Знаешь, что это значит?

Так получилось, что я знал.

- Они задолжали за него больше, чем он стоил.

- Пять с плюсом, Чем... Джейми. Неси дневник. Это был их единственный актив, не говоря уже о месте, где Бесс, Дэнни и моя племянница Франсин могли преклонить головы, не попав под дождь. Бесс рассказывала, что у нее есть друзья, которые ночуют в трейлерах. Кто, по-твоему, достаточно

---

[106] Примечания: 1.106

JPMorgan Chase - американский финансовый холдинг, образовавшийся в результате слияния нескольких крупных банков США. Штаб-квартира банка находится в Нью-Йорке, на Манхэттене

зарабатывал, чтобы успевать вносить взносы за этого белого слона с четырьмя спальнями?

- Полагаю, что ты.

- Правильно. Бесс перестала смотреть свысока на мои семьдесят тысяч в год. Но могла ли я делать это только на свою зарплату, плюс все сверхурочные, которые смогла ухватить? Ни за что. А если прибавить к этому плату за подработки охранником в паре клубов? *Хренушки*. Но я встречалась там с людьми, наводила связи, получала предложения. Некоторые направления работ устойчивы к рецессии. Похоронные бюро всегда в шоколаде. Ломбарды и залоговые поручители. Винные магазины. Ну и наркобизнес. Потому что, хорошие там времена или плохие, люди хотят получить кайф. И, конечно же, я люблю красивые вещи. Не буду скромничать. Я нахожу красивые вещи утешением и чувствую, что их заслуживаю. Я хранила крышу над головой семьи моей сестры, после всех тех лет, когда Бесс ставила меня ниже себя, потому что она была красивее, умнее, училась в настоящем колледже, а не на общественных началах. И, конечно же, она была *гетеросексуальна*. - Последнее слово Лиз почти прорычала.

- И что случилось? - Спросил я. - Как ты потеряла

работу?

- ДСБ ошарашил меня тестом на мочу, к которому я не была готова. Не то чтобы они не знали о наркоте все это время, они просто не могли избавиться от меня сразу после того, как я разрулила ситуацию с Террио. Это выглядело бы не очень правильно. Так что они ждали, что, я полагаю, было разумно, а потом, когда они загнали меня в угол - по крайней мере, думали, что загнали, - они попытались меня перевербовать. Заставить меня надеть прослушку, ну и вся эта *серпикохрень*[107]. Но вот еще одна поговорка, которую я узнала уже не от своего отца: стукачи долго не живут. И они не знали, что у меня есть туз в рукаве.

- Какой туз? - Вы можете считать меня глупым, если хотите, но на самом деле это был честный вопрос.

- Ты, Джейми. Ты мой туз. И еще со времен Террио я знала, что придет время, когда мне придется тобой сыграть.

---

[107] Примечания: 1.107

от «Серпико» (англ. Serpico) - американский биографический фильм режиссёра Сидни Люмета, вышедший в 1973 году. Фильм основан на одноимённой книге-биографии, написанной Питером Маасом, и повествует о полицейском Фрэнке Серпико, выступившим с разоблачениями массовой коррупции в полиции.

57

Мы проехали через деловой центр Ренфилда, где, судя по барам, книжным магазинам и ресторанам быстрого питания на единственной главной улице, должно быть, было много студентов. При выезде из городка дорога поворачивала на запад и начинала подниматься к Катскиллам[108]. Примерно через три мили мы подъехали к площадке для пикника с видом на реку Уоллкилл. Лиз свернула туда и заглушила мотор. Мы были там одни. Она достала свой маленький пузырек с особой смесью, и, казалось, уже собиралась отвинтить крышку, но тут же его убрала. Ее шерстяное пальто распахнулось, и я увидел большое количество пятен засохшей крови на ее толстовке. Я вспомнил, как она сказала, что у нее нет носовой перегородки. Думать о том, как порошок, который она нюхала, въедается в ее плоть, было хуже, чем «Пункт назначения» или «Пила» или любой другой фильм ужасов, потому

[108] Примечания: 1.108
горный хребет в северных Аппалачах, в юго-восточной части штата Нью-Йорк, США, к северо-западу от Нью-Йорка и к юго-западу от Олбани.

что это было реально.

- Пора рассказать тебе, зачем я привезла тебя сюда, малыш. Ты должен знать, чего ожидать, и чего я жду от тебя. Я не думаю, что мы расстанемся друзьями, но, возможно, мы сможем расстаться на относительно хороших условиях.

Что-то сомневаюсь, - и это была еще одна вещь, которую я ей не сказал.

- Если хочешь знать, как работает наркобизнес, вспомни «Прослушку». Действие происходит в Балтиморе, а не в Нью-Йорке, но наркобизнес не сильно различается от места к месту. Это пирамида, как и любая другая организация с большими деньгами. В самом низу, на улице, работают младшие дилеры, и большинство из них - *малолетки*, поэтому, когда их ловят, их судят как малолеток. Сегодня в суде по семейным делам, а завтра снова на углу улицы. На ступеньку выше находятся старшие дилеры, которые обслуживают клубы - где я и была завербована - и жирных котов, которые экономят деньги, покупая товар оптом.

Она рассмеялась, и я не понял, почему это должно быть смешно.

- Поднимись повыше, и ты обнаружишь там поставщиков, таких себе младших менеджеров, следящих за тем, чтобы все шло гладко, дальше

следуют бухгалтеры, юристы, а потом уже и топ парни. Все это разделено, или, по крайней мере, должно быть разделено. Люди внизу знают, кто находится прямо над ними, но это все, что они знают. Люди в середине знают всех, кто ниже их, но все еще только одного человека над ними. Я была другой. Снаружи пирамиды. Вне, гм, иерархии.

- Потому что ты была перевозчиком. Как в том фильме с Джейсоном Стэтхемом.

- В значительной степени. Перевозчики должны знать только двух людей, тех, от кого мы получаем товар в точке А, и тех, кому мы передаем товар в точке Б. Те, кто в точке Б, являются старшими дилерами, которые начинают распределение наркотиков вниз по пирамиде к конечному пункту назначения, - потребителям.

Пункт назначения. Вот оно снова.

- Только как коп - продажный, но все-таки коп - я обращаю на это внимание, ясно? Я не задаю много вопросов, это опасно, но я слушаю. Кроме того, у меня есть - во всяком случае, был - доступ к базам данных Нью-йоркского полицейского департамента и УБН[109]. Нетрудно было про-

---

[109] Примечания: 1.109
управление по борьбе с наркотиками

следить пирамиду до самого верха. Есть, может быть, дюжина людей, завозящих три основных вида наркотиков на территорию Нью-Йорка и Новой Англии, и тот, на кого работала я, живет здесь, в Ренфилде. Я бы сказала - жил. Его зовут Дональд Марсден, и когда он подавал налоговую декларацию, то указывал *девелопер*[110] как свой прежний источник доходов и *пенсия* - как нынешний. Он на самом деле пенсионер, это правда.

Был, я бы сказал. Пенсионером.

Как Кеннет Террио, все повторяется.

- Малыш все понимает, - сказала Лиз. - Фантастика. Не возражаешь, если я закурю? Я не должна больше нюхать, пока все это не закончится. Тогда я побалую себя двойной дозой. По-настоящему взбодрю старое доброе кровяное давление.

Она не стала дожидаться моего разрешения, просто взяла и закурила. Но, по крайней мере, она опустила окошко, чтобы выгнать дым. Во всяком случае, большую его часть.

- Донни Марсден был известен своим коллегам - его *банде* - как Большой Донни, и не без оснований. Он был настоящий жирный ублюдок, простите мою политическую некорректность.

---

[110] Примечания: 1.110

девелопер - предприниматель, занимающийся созданием новых объектов недвижимости или разрабатывающий стратегии развития

Три сотни не в счет, дорогуша, попробуй четыре с четвертью. Он долго выпрашивал и вот вчера получил. Кровоизлияние в мозг. Оно вышибло ему мозги, и даже пистолет не понадобился.

Она глубоко затянулась и выпустила дым в окошко. Дневной свет все еще был ярким, но тени становились длиннее. Скоро свет начнет меркнуть.

- За неделю до того, как он убрался, я получила информацию через двух своих старых знакомых - это были ребята из пункта Б, с которыми я поддерживала дружеские отношения, - что Донни получил посылку из Китая. *Огромную* партию, сказали они. Не порошок, а таблетки. Поддельный «Оксиконтин», много, для личного пользования Большого Донни. Должно быть, в качестве бонуса. Во всяком случае, я так думаю, потому что на самом деле верхушки пирамиды нет, Джейми. Даже у босса есть боссы.

Это напомнило мне о том, что иногда говорили мама и дядя Гарри. Наверное, они узнали об этом еще в детстве, и дядя Гарри помнил это даже тогда, когда все важные вещи из его головы улетучились.

Нам микроскоп открыл, что на блохе

Сидит блоху кусающая блошка;
На блошке той – блошинка-крошка,
Но и в нее впивает зуб сердито
Блошиночка, и так ad infinitum.{1}

Я подумал, что мог бы рассказать об этом своим детям. Если, конечно, мне представиться шанс их заиметь, с учетом нынешней ситуации.

- Таблетки, Джейми! *Таблетки!* - В ее голосе звучал восторг, от которого *мондо*[111] мурашек побежали по коже. - Легко транспортировать и еще легче продавать! *Огромная* партия может означать две или три тысячи, может быть, десять тысяч. А Рико - один из моих ребят из пункта Б - говорит, что они сорокапроцентные. Знаешь, сколько сорокапроцентные стоят на улице? Забей, я знаю, что нет. Восемьдесят баксов за таблетку. И не надо заморачиваться с пластиковыми мешками для мусора, как при перевозке героина, я могла бы носить их в гребаном дипломате.

{1} Комментарии: 2.1
So naturalists observe, a flea
Has smaller fleas that on him prey;
And these have smaller still to bite 'em;
And so proceed ad infinitum.
Джонатан Свифт "Рапсодия. На микроскоп Левенгука."

[111] Примечания: 1.111
Mondo(итал.) - множество

Дым скользнул между ее губами, и она смотрела, как он уплывает к ограждениям с надписью: «ДЕРЖИТЕСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ КРАЯ».

- Мы достанем эти таблетки, Джейми. Ты узнаешь, куда он их спрятал. Мои ребята попросили меня вмешаться, если я получу хоть какую-то информацию, и я, конечно же, сказала «да», но это *мое* дело. Кроме того, там может и не быть десяти тысяч таблеток. Их может быть всего восемь тысяч. Или восемьсот.

Она склонила голову набок, потом покачала. Словно спорила сама с собой.

- Там будет пара тысяч. По крайней мере, пара тысяч. Возможно, даже больше. Премия Донни за хорошую работу по снабжению своей нью-йоркской клиентуры. Но если вы начнете это делить, очень скоро вы останетесь с мелочевкой, а я не дура. Есть небольшая проблема с наркотиками, но это не делает меня дурой. Знаешь, как я поступлю, Джейми?

Я отрицательно покачал головой.

- Переберусь на западное побережье. Исчезну из этой части мира навсегда. Новая одежда, новый цвет волос, новая я. Я найду там кого-нибудь, кто сможет провернуть сделку с «Окси». Может, я и не получу восемьдесят за таблетку, но получу много,

потому что «Окси» все еще золотой стандарт, а китайское дерьмо ничуть не хуже нашего. А потом я куплю себе красивую новую личность, которая будет гармонировать с моими новыми волосами и одеждой. Я зарегистрируюсь в реабилитационном центре и приведу себя в порядок. Попробую наверстать упущенное. Католики называют это искуплением. Как тебе такое?

Несбыточная мечта, подумал я.

Должно быть, это отразилось на моем лице, потому что счастливая улыбка на ее лице застыла.

- Ты так не думаешь? Ну и ладно. Просто следи за мной.

- Я не хочу следить за тобой, - сказал я. - Я хочу убраться от тебя подальше.

Она подняла руку, и я съежился на своем сиденье, думая, что она собирается меня ударить, но она только вздохнула и снова вытерла нос. - Разве я могу тебя за это винить? Так что давай сделаем все по-быстрому. Мы подъедем к его дому - последнему на Ренфилд-роуд, стоящему в гордом одиночестве, - и ты спросишь его, где сейчас находятся эти таблетки. Думаю, в его личном сейфе. Если там, то узнаешь у него комбинацию. Ему придется все тебе рассказать, потому что мертвые не могут лгать.

- Не уверен в этом на сто процентов, - сказал я, и эта ложь доказала, что я все еще жив. - Не то чтобы я допрашивал сотни из них. В основном, я вообще с ними не разговариваю. Зачем мне это? Они мертвы.

- Но Террио рассказал тебе, где находится бомба, хотя и не хотел.

С этим я не мог поспорить, но была и другая возможность.

- А что, если этого парня там нет? А что, если он там, куда делось его тело? Или, я не знаю, может быть, он навещает своих родственников во Флориде. Может быть, когда они умирают, они могут телепортироваться куда угодно.

Я подумал, что это может ее потрясти, но она совсем не выглядела расстроенной.

- Томас был в своем доме, не так ли?

- Но это не значит, что они *все* такие, Лиз!

- Я почти уверена, что Марсден будет там. - Она говорила очень уверенно. Она не понимала, что мертвые люди могут быть непредсказуемыми. - Давай посмотрим. Тогда я исполню твое самое заветное желание: ты больше никогда меня не увидишь.

Она сказала это печально, как будто я должен был ее пожалеть, но я этого не сделал. Единствен-

ное мое чувство к ней в тот момент, - это страх.

58

Дорога бежала вверх серией крутых S-образных поворотов. Сначала вдоль дороги стояли дома с почтовыми ящиками, но они располагались все дальше и дальше друг от друга. Деревья начали сгущаться, их тени пересекались, и казалось, что уже поздний вечер.

- Как ты думаешь, сколько вас? - спросила Лиз.

- А?

- Таких, как ты. Тех, кто может видеть мертвых.

- Откуда мне знать?

- Ты когда-нибудь сталкивался с другими?

- Нет, это не так просто, как ты себе представляешь. Ты что думаешь, я всегда начинаю разговор с людьми со слов: «Эй, а ты можешь видеть мертвецов?»

- Полагаю, что нет. Но ты точно не унаследовал это от своей матери. - Как будто она говорила о цвете моих глаз или моих кучерявых волосах. - Может от отца?

- Я не знаю, кто он. Или кем был. Или что-то еще. - Говорить об отце мне было не по себе, наверное,

потому, что мама категорически отказывалась это делать.

- Ты никогда её об этом не спрашивал?

- Конечно же, спрашивал. Она не отвечает. - Я повернулся, чтобы взглянуть на нее. - Она никогда мне ничего не рассказывала об этом... о нем... - а тебе?

- Я спрашивала и получила тот же ответ, что и ты. Кирпичная стена. Совсем не похоже на Ти.

Больше поворотов, еще более крутых. Уоллкилл остался далеко внизу, сверкая в лучах послеполуденного солнца. Или, может быть, сейчас был ранний вечер. Я оставил свои часы дома на тумбочке, а часы на приборной панели показывали 8:15, что было абсолютной хренью. Тем временем качество дороги ухудшалось. Машина Лиз грохотала по осыпающимся участкам и с глухим стуком врезалась в выбоины.

- Может, она была так пьяна, что ничего не помнит. Или, может быть, ее изнасиловали. - Ни одна из этих мыслей никогда не приходила мне в голову, и я отшатнулся. - Не смотри так потрясенно. Я только предполагаю. И ты достаточно взрослый, чтобы хотя бы подумать о том, через что могла пройти твоя мать.

Я не стал возражать ей вслух, но мысленно это

сделал. На самом деле, я подумал, что это полное дерьмо. Вы когда-нибудь задумывались, является ли ваша жизнь результатом секса в отключке на заднем сиденье чужой машины или что вашу маму затащили в переулок и изнасиловали? Я действительно так не думаю. То, что Лиз предполагала, вероятно, должно было сказать все, что мне нужно было знать о том, кем она стала. Может быть, то, кем она была все это время.

- Может быть, талант достался тебе от твоего дорогого Папули. Жаль, что ты не можешь его об этом спросить.

Я подумал, что не стану его ни о чем спрашивать, даже если с ним столкнусь. Я думал, что просто врежу ему по зубам.

- С другой стороны, может быть, этот талант появился из ниоткуда. Я выросла в маленьком пригороде Нью-Джерси, и через дорогу от нас жила семья Джонсов. Муж, жена и пятеро детей ютились в небольшом хлипком трейлере. Родители были немы, как каменные лодки, и четверо детей тоже. Пятый был чертов гений. В шесть лет он научился играть на гитаре, пропустил два класса, в двенадцать пошел в среднюю школу. Откуда *это* взялось? Скажи мне.

- Может быть, у миссис Джонс был секс с поч-

тальоном? - Эту фразу я слышал в школе. Лиз рассмеялась.

- Ты большой оригинал, Джейми. Жаль, что мы не можем остаться друзьями.

- Может быть, для этого тебе следовало вести себя, как подобает, - сказал я.

59

Асфальтовая дорога резко закончилась, но грунтовка за ней оказалась не в пример лучше: плотно утрамбованная, гладкая, словно смазанная маслом. Мы подъехали к большому оранжевому знаку с надписью: «ЧАСТНАЯ ДОРОГА - ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

- А что, если там остались парни? - Спросил я. - Ну, знаешь, типа телохранители?

- Если бы они там были, они должны были бы охранять тело. Но тела там нет, и парень, который охранял ворота, тоже скоро исчезнет. Кроме садовника и экономки, там не было никого. Если ты представляешь себе сценарий какого-нибудь боевика с мужчинами в черных костюмах, солнцезащитных очках и бронеавтомобилях, охраняющих вора в законе, забудь об этом. Парень у ворот был единственным, кто был вооружен, и даже если Тедди все еще там, он меня знает.

- Что насчет жены мистера Марсдена?

- Жены нет. Она съехала от него пять лет назад, - Лиз щелкнула пальцами. - Как ветром сдуло.

Пуф.

Мы свернули за очередной поворот. Впереди, заслоняя западную половину неба, маячила гора, сплошь покрытая елями. Солнце светило через ущелье, но скоро должно было исчезнуть. Перед нами были ворота, сделанные из железных прутьев. Закрытые. С одной стороны был домофон и клавиатура. С другой стороны, за воротами, был маленький домик, в котором, вероятно, охранник проводил свободное время.

Лиз остановилась, заглушила мотор и положила ключи в карман.

- Сиди спокойно, Джейми. Все это закончится прежде, чем ты успеешь оглянуться.

Ее щеки пылали, а глаза блестели. Из одной ноздри у нее выплыла струйка крови, и она ее вытерла. Лиз вышла и подошла к домофону, но окна машины были закрыты, и я не мог разобрать, что она говорит. Потом она подошла к сторожке, и на этот раз я ее *услышал*, потому что она повысила голос.

- Тедди? Ты там? Это твоя подружка Лиз. Надеюсь засвидетельствовать свое почтение, но мне нужно знать, где ты!

Ответа не последовало, и никто не вышел. Лиз вернулась на другую сторону ворот. Она достала

из заднего кармана листок бумаги, сверилась с ним и набрала несколько цифр на клавиатуре. Ворота медленно открылись. Она, улыбаясь, вернулась к машине.

- Похоже, мы здесь одни, Джейми.

Она проехала. Подъездная дорожка была асфальтированной, гладкой, как стекло. Там был еще один S-образный поворот, и когда Лиз его огибала, по обе стороны подъездной дорожки зажглись электрические фонари. Позже я узнал, что такие фонари называются фламбо[112]. Или, может быть, это верно только для факелов в руках толпы, штурмующей замок в старых фильмах о Франкенштейне.

- Прикольно, - сказал я.

- Да, но посмотри на эту чертову штуку, Джейми!

В конце S-образного поворота показался дом Марсдена. Он был похож на один из тех особняков на Голливудских холмах, которые вы видите в кино: большой и выступающий над обрывом. Сторона, обращенная к нам, была сплошь стеклянной. Я представил себе, как Марсден пьет свой утренний кофе и смотрит на восход солнца.

---

[112] Примечания: 1.112
Flambeaux — фирма в США, выпускающая осветительные приборы

Держу пари, он мог видеть всю дорогу до Покипси, а может, и дальше. С другой стороны... вид на Покипси? Явно не из тех вещей, за что можно убить.

- Дом, который построил героин. - Голос Лиз звучал злобно. - Все эти навороты, плюс «Мерседес» и «Бокстер»[113] в гараже. То, из-за чего я потеряла работу.

Я хотел было сказать: *у тебя был выбор*, как всегда говорила мне мама, когда я лажал, но промолчал. Она была на взводе, как одна из бомб Бомбилы, и я не хотел, чтобы она взорвалась.

Еще один поворот, и мы выехали на мощеный двор перед домом. Лиз объехала по кругу, и я увидел мужчину, стоящего перед двойным гаражом, где стояли шикарные машины Марсдена (они точно не отвезли Большого Донни в морг на его «Бокстере»). Я открыл было рот, чтобы сказать, что это, должно быть, Тедди, охранник - парень был худой, так что это точно был не Марсден, - но потом увидел, что у него отсутствует рот.

- «Бокстер» там? - спросил я, надеясь, что мой голос был более или менее нормальным. Я указал на гараж и человека, стоящего перед ним.

---

[113] Примечания: 1.113

Porsche Boxster - родстер компании Porsche с шестицилиндровым оппозитным мотором, расположенным продольно

Она взглянула.

- Да, но если ты надеялся прокатиться или хотя бы посмотреть, то будешь разочарован. Мы должны заняться своими делами.

Она его не видела. Только я его видел. А судя по красной дыре на месте рта, умер он не своей смертью.

Как я уже говорил, это страшная история.

60

Лиз заглушила мотор и вышла. Она увидела, что я все еще сижу на пассажирском сиденье, положив ноги на кучу упаковок от закусок, и встряхнула меня.

- Ну же, Джейми. Пора выполнить свою работу. И ты свободен.

Я вышел и последовал за ней к входной двери. По дороге я украдкой бросил еще один взгляд на мужчину перед гаражом на две машины. Должно быть, он понял, что я его вижу, потому что поднял руку. Я проверил, не смотрит ли на меня Лиз, и поднял руку в ответ.

Сланцевые ступени вели к высокой деревянной двери с дверным молотком в виде львиной головы. Лиз не стала утруждать себя стуком, просто достала листок бумаги из кармана и набрала несколько цифр на клавиатуре. Красный свет на ней сменился зеленым, и дверь с глухим стуком открылась.

Неужели Марсден дал эти коды какому-то ничтожному перевозчику? Я так не думал и не думал, что тот, от кого она слышала о таблетках,

мог их знать. Мне не понравилось, что они у нее были, и я впервые подумал о Террио... или о том существе, которое теперь жило в том, что от него осталось. Я превзошел это существо в Ритуале Чудь, и, возможно, оно придет, если я его позову, полагая, что должно соблюдать заключенную нами сделку. Но это предположение еще предстояло доказать. Как бы там ни было, я бы сделал это только в крайнем случае, потому что одна только мысль об этом существе приводила в ужас.

Лиз положила листок бумаги в задний карман, а рука, которая его держала, опустилась в карман ее пальто. Я бросил еще один взгляд на мужчину - Тедди, как я предполагал, - стоящего у гаража. Я посмотрел на кровавую дыру на месте его рта и подумал о пятнах на толстовке Лиз. Может быть, они оттого, что она вытирала нос.

А может, и нет.

- Я сказала, входи, - это прозвучало не как приглашение.

Я открыл дверь. Там не было ни вестибюля, ни прихожей, только огромный зал. Посередине комнаты располагалась слегка притопленная площадка, уставленная диванами и стульями. Позже я узнал, что такие вещи называются

«уголками для беседы»[114]. Вокруг уголка для беседы была расставлена дорогая на вид мебель (возможно, чтобы люди могли наблюдать за переговорами, проходившими внизу), бар, который выглядел так, как будто был на колесах, а на стенах висела всякая чушь. Я говорю *всякая чушь*, потому что для меня это не было похоже на искусство, просто куча мазков и закорючек, но мазки были в рамках, и я думаю, что для Марсдена это было искусство. Над уголком висела люстра, которая, казалось, весила, по меньшей мере, пятьсот фунтов, и мне бы ни за что не хотелось под ней сидеть. За уголком для беседы, в дальнем конце комнаты, была крутая двойная лестница. Единственная отдаленно похожая на нее, которую я видел в реальной жизни, а не в кино или по телевизору, была в магазине «Эппл Стор» на Пятой авеню.

- Неплохое местечко, не правда ли? - спросила Лиз. Она с глухим стуком захлопнула дверь - ТУДУХ - и ударила ладонью по ряду выключателей рядом с ней. Загорелись фламбо на стенах,

---

[114] Примечания: 1.114

уголок для беседы — это архитектурный элемент, который включает в себя посадочный островок, обычно в гостиной, расположенный на более низком уровне. Это строение иногда упоминается, как «затонувшая гостиная». Уголки для беседы, были особенно популярны в 50-70-х годах, в Европе и Северной Америке.

плюс люстра. Это была прекрасная вещь, излучавшая прекрасный свет, но я был не в настроении этим наслаждаться. Я все больше и больше убеждался, что Лиз уже была здесь и застрелила Тедди, прежде чем приехала за мной.

Ей не придется в меня стрелять, если она не узнает, что я его видел, сказал я себе, и хотя это имело определенный смысл, я знал, что не могу полностью доверять этой логике. Она была обдолбанной в хлам, и чрезвычайно дерганной. Я снова подумал о бомбах Бомбилы.

- Ты меня не спрашиваешь, - сказал я.

- Спрашиваю тебя о чем?

- Есть ли он здесь.

- Ну, а он есть? - спросила она не с искренним беспокойством в голосе, а скорее для проформы. Что с ней не так?

- Нет, - сказал я.

Она не казалась расстроенной, как тогда, когда мы охотились за Террио.

- Давай проверим второй этаж. Может быть, он в хозяйской спальне, вспоминает счастливые времена, которые провел там, трахая своих шлюх. После ухода Мэдлин их было много. Возможно, и раньше их было немало.

- Я не хочу туда подниматься.

- А почему нет? Здесь нет *призраков*, Джейми.

- Да, а если он там, наверху?

Она задумалась, потом рассмеялась. Ее рука все еще была в кармане куртки.

- Полагаю, ты прав, но раз уж мы ищем именно его, поднимайся. *Андале, андале*[115].

Я указал на коридор, ведущий в сторону от правой стены большой комнаты.

- Может быть, он на кухне.

- Готовит себе легкий перекус? Я так не думаю. Я думаю, он наверху. Вперед.

Я подумал, не поспорить ли еще, не отказаться ли наотрез, но вдруг ее рука вылезет из кармана пальто, и я довольно хорошо представляю, что в ней окажется. Поэтому я начал подниматься по правой лестнице. Перила были сделаны из мутно-зеленого стекла, гладкие и прохладные. Ступеньки - из зеленого камня. Всего, по моим подсчетам, ступенек было сорок семь, и каждая из них, вероятно, стоила как «Киа».

На стене, прямо у вершины этой лестницы, висело зеркало в позолоченной раме, должно быть, семи футов высотой. На противоположной стене висело точно такое же. Я наблюдал в зеркало, как

---

[115] Примечания: 1.115
давай, газуй (исп.)

поднимаюсь, а Лиз идет позади меня, постоянно оглядываясь через плечо.

- Твой нос, - сказал я.

- Я вижу. - Теперь обе ее ноздри кровоточили. Она вытерла кровь ладонью, потом вытерла руку о толстовку. - Это стресс. Все из-за стресса и хрупких капиллярных сосудов. Как только мы найдем Марсдена, и он расскажет нам, где таблетки, стресс развеется.

Нос кровоточил, когда ты стреляла в Тедди? - подумал я. - *Насколько это была стрессовая ситуация, Лиз?*

Коридор наверху представлял собой круглый балкон, почти подиум, с перилами высотой по пояс. Глядя на него, я почувствовал странное ощущение в животе. Если вы упадете - или вас столкнут, - вы совершите короткое путешествие прямо в середину уголка для беседы, где красочный ковер не сильно смягчит удар о каменный пол.

- Поверни налево, Джейми.

Что означало - подальше от перил, и это было хорошо. Мы прошли по длинному коридору со всеми этими дверями слева, так что кто бы ни жил в этих комнатах, он мог наслаждаться видами. Единственная открытая дверь была на

полпути от лестницы. Там находилась библиотека, где каждая полка была забита книгами. Моя мать упала бы в обморок от восторга. У единственной стены, где не было книг, стояли стулья и диван. Эта стена, - сплошное изогнутое стекло, - конечно же, служила окном, выходящим на пейзаж, который теперь становился фиолетовым от сумерек. Я мог видеть скопление огней, которое, должно быть, было городом Ренфилдом, и я бы все отдал, чтобы немедленно туда перенестись.

Лиз не спросила, в библиотеке ли Марсден. Даже не заглянула туда. Мы дошли до конца коридора, и она указала рукой, которая не была в кармане пальто, на последнюю дверь.

- Я почти уверена, что он там. Открой.

И действительно, Дональд Марсден был там, распластавшийся на кровати, такой большой, что выглядела она как трехспальная, может быть, даже четырехспальная, но вовсе не двуспальная. Он и сам был четырехкратным, в этом Лиз была права. На мой, детский, взгляд, его тело было почти галлюцинаторным. Хороший костюм мог бы скрыть хотя бы часть его дряблости, но костюма на нем не было. На нем были гигантские трусы-боксерки и больше ничего. Его необъятная талия, огромная мужская грудь и дряблые руки

были испещрены неглубокими порезами. Его лицо, похожее на полную луну, было в синяках, а один глаз заплыл. Во рту у него торчала странная штука, которая, как я узнал позже (на одном из тех сайтов, о которых не стоит рассказывать маме), была БДСМ-кляпом. Его запястья были прикованы наручниками к столбикам кровати у изголовья. Лиз, должно быть, принесла с собой только две пары наручников, потому что его лодыжки были приклеены к столбикам у изножья скотчем. Она, должно быть, использовала по целому рулону на каждую ногу.

- Взгляни-ка на хозяина дома, - сказала Лиз.

Его целый глаз моргнул. Вы бы сказали, что я должен был догадаться по наручникам и клейкой ленте. Что я должен был догадаться, потому что некоторые порезы все еще сочились. Но я не догадался. Я был в шоке и ничего не понимал. До этого едва заметного моргания.

- Он жив!

- Я могу это исправить, - сказала Лиз. Она достала из кармана пальто пистолет и выстрелила ему в голову.

61

Кровь и мозги забрызгали стену позади него. Я закричал и выбежал из комнаты, вниз по лестнице, за дверь, мимо Тедди и вниз по склону. Я бежал всю дорогу до Ренфилда. И все это за одну секунду. Потом Лиз меня обняла.

- Спокойно, малыш. Споко…

Я ударил ее кулаком в живот и услышал, как она удивленно выдохнула. Потом меня развернуло, и мне заломили руку за спину. Это было больно, *до безумия*, и я опять закричал. Внезапно ноги меня больше не держали. Она выбила их прямо из-под меня, и я упал на колени, крича изо всех сил, с рукой, вывернутой так высоко, что мое запястье касалось лопатки.

- Заткнись! - Ее голос, скорее рык, был у меня в ухе. Это была та самая женщина, которая когда-то играла со мной в машинки и мы оба стояли на коленях, пока мама на кухне помешивала соус для спагетти, слушая старые песни на «Пандоре». - Прекрати визжать, и я тебя отпущу!

Я так и сделал, и она меня отпустила. Теперь я стоял на четвереньках, уставившись на ковер, и

весь дрожал.

- Вставай, Джейми.

Мне это удалось, но я продолжал смотреть на ковер. Мне не хотелось смотреть на толстяка без макушки.

- Он здесь?

Я уставился на ковер и ничего не сказал. Волосы лезли мне в глаза. Мое плечо пульсировало.

- *Он здесь?* Оглянись вокруг!

Я поднял голову и услышал, как скрипнула шея. Вместо того чтобы смотреть прямо на Марсдена - хотя я все еще мог его видеть, он был слишком большим, чтобы быть незаметным, - я посмотрел на стол рядом с его кроватью. На нем стояла груда пузырьков с таблетками. Еще там был толстый сэндвич и бутылка родниковой воды.

- *Он здесь?* - Она хлопнула меня по затылку.

Я оглядел комнату. В ней не было никого, кроме нас и трупа толстяка. Теперь я видел двух мужчин, убитых выстрелами в голову. Террио был плох, но, по крайней мере, мне не пришлось смотреть, как он умирает.

- Нет, - ответил я.

- Почему нет? Почему его здесь нет? - В ее голосе звучало отчаяние. Я не мог четко думать тогда, я был чертовски напуган. Только позже, про-

кручивая в голове те бесконечные пять минут в комнате Марсдена, я понял, что она сомневается во всем. Несмотря на Реджиса Томаса и его книгу, несмотря на бомбу в супермаркете, она боялась, что я вообще не могу видеть мертвых людей, а она убила единственного человека, который знал, где находится тайник с таблетками.

- Я не знаю. Я никогда не был там, где кто-то умер. Может быть... может быть, это займет какое-то время. Я не знаю, Лиз.

- Ладно, - сказала она. - Мы подождем.

- Только не здесь, ладно? Пожалуйста, Лиз, не в том месте, где я должен все время видеть труп.

- Тогда в коридоре. Если я отпущу тебя, ты будешь вести себя хорошо?

- Да.

- Не предпримешь попытку к бегству?

- Нет.

- Даже не пробуй, мне бы не хотелось стрелять тебе в ногу. Это был бы конец твоей теннисной карьеры. Отступай.

Я попятился, и она попятилась вместе со мной, чтобы блокировать, если я попытаюсь сбежать. Когда мы оказались в коридоре, она велела мне еще раз осмотреться. Я это сделал. Марсдена там не было, и я сказал ей об этом.

- Черт. И после: - Ты ведь видел сэндвич, не так ли?

Я кивнул. Сэндвич и бутылка воды для человека, прикованного к своей огромной кровати. Связанного по рукам и ногам.

- Он любил пожрать, - сказала Лиз. - Я как-то обедала с ним в ресторане. Ему следовало бы принести лопату вместо вилки и ложки. Настоящая свинья.

- Почему ты оставила ему сэндвич, который он не мог съесть?

- Я хотела, чтобы он постоянно на него смотрел, вот почему. Просто лежал и смотрел. Весь день, пока я ездила за тобой и везла сюда. И поверь, выстрел в голову - это то, чего он заслуживал. Ты хоть представляешь, сколько людей он убил своим... своим счастливым ядом?

А кто ему помогал? - Подумал я, но, конечно же, ничего не сказал.

- Как ты думаешь, сколько бы он еще прожил? Два года? Пять? Я была в его туалете, Джейми. У него сиденье для унитаза двойной ширины! - Она издала звук, нечто среднее между смехом и фырканьем от отвращения. - Ладно, давай подойдем к балкону. Посмотрим, нет ли его в большой комнате. Только не спеши.

Я и не мог идти быстро, даже если бы захотел, потому что мои бедра дрожали, а колени были как желе.

- Знаешь, откуда у меня код от ворот? От УПС[116] - доставщика Марсдена. У парня адская зависимость от кокаина. Я могла спать с его женой, сколько и когда захочу, и он всегда был рад мне помочь, только бы я продолжала снабжать его этой дрянью. Код от дома я получила от Тедди.

- Перед тем, как его убила.

- А что еще мне оставалось делать? - Как будто я был самым тупым ребенком в классе. - Он мог меня опознать.

Я тоже могу, - подумал я, и это вернуло меня к мысли, кому этот парень - я - мог бы свиснуть. Мне видимо придется это сделать, хотя очень уж не хотелось. Потому что это может не сработать? Да, но не только. Потрите волшебную лампу и вызовите джинна, и это пойдет вам на пользу. Потрите её и вызовите демона - мертвый свет - и только Бог может знать, что произойдет, но я не Бог.

Мы добрались до балкона с низкими перилами. Я оглянулся.

---

[116] Примечания: 1.116

United Parcel Service, Inc., или UPS - американская компания, специализирующаяся на экспресс-доставке и логистике

- Он там, внизу?

- Нет.

Пистолет ткнул меня в поясницу.

- Ты лжешь?

- Нет!

Она тяжело вздохнула.

- Так не должно быть.

- Я не знаю, как это должно происходить, Лиз. Как я понимаю, он может быть снаружи и разговаривать с Т... - Я заткнулся.

Она взяла меня за плечо и развернула. Теперь вся верхняя губа у нее была в крови - должно быть, стресс был очень сильным, - но она улыбалась.

- Ты видел Тедди?

Я опустил глаза. Что было достаточным ответом.

- Ах ты, хитрый лис. - Она даже рассмеялась. - Мы выйдем и посмотрим, если Марсден здесь не появится, но пока давай немного подождем. Мы можем себе это позволить. Его последняя шлюха навещает своих родственников на Ямайке или Барбадосе, или где-то там еще, где растут пальмы, и у него не должно быть компании в течение недели, в эти дни он вершит все свои дела по телефону. Он просто лежал там, когда я вошла,

и смотрел по телевизору шоу Джона Лоу[117]. Господи, жаль, что на нем не было пижамы, понимаешь?

Я промолчал.

- Он сказал мне, что никаких таблеток нет, но я видела по его лицу, что он лжет, поэтому я привязала его, а затем немного порезала. Подумала, что это может развязать ему язык, и знаешь, что он сделал? Он *посмеялся* надо мной. Сказал, что да, хорошо, есть «Окси», много, но он никогда не скажет мне, где они лежат. «С какой стати?» - спросил он. - «Ты все равно меня убьешь». Вот тогда-то пенни и упал[118]. Не могла поверить, что не подумала об этом раньше. *Муй ступидо*[119]. - Она ударила себя по голове рукой, держащей пистолет.

- Я, - сказал я. - Я был тем упавшим пенни.

- Да, конечно. Поэтому я оставила ему сэндвич и бутылку воды, чтобы он мог лежать и любо-

---

[117] Примечания: 1.117

Ричард Джон Синклер Лоус (родился 8 августа 1935 года), также известный как Лоуси, был с 1970-х годов до своей отставки в 2007 году ведущим австралийской утренней радиопрограммы, сочетающей музыку с интервью, мнением, живыми рекламными чтениями и разговорами слушателей

[118] Примечания: 1.118

идиома, обозначающая: наконец-то понял или осознал что-либо

[119] Примечания: 1.119

Muy stupido (итал.) — очень глупо

ваться, поехала в Нью-Йорк, забрала тебя, и мы поехали обратно, и никто нас не остановил, и вот мы здесь, *так, где же он, черт возьми?*

- Вот, - сказал я.

- Что? *Где?*

- Я указал. Она обернулась и, конечно же, ничего не увидела, но я мог видеть за нас обоих. Дональд Марсден, также известный как Большой Донни, стоял в дверях своей библиотеки. На нем не было ничего, кроме боксерских трусов, макушки почти не было, а плечи были залиты кровью, но он смотрел на меня тем глазом, который Лиз не выбила в гневе и разочаровании.

Я неуверенно протянул к нему руку. В ответ он поднял одну из своих.

62

- Спроси его! - Она уткнулась мне в плечо и дышала в лицо. Ни то, ни другое не было приятным, но дыхание было хуже.

- Отпусти меня, и я это сделаю.

Я медленно направился к Марсдену. Лиз следовала за мной по пятам. Я чувствовал, как она *приближается*.

Я остановился футах в пяти.

- Где таблетки?

Он ответил без колебаний, как и все остальные - за исключением Террио, конечно же, - как будто это не имело особого значения. И с чего бы? Ему больше не нужны были эти таблетки, ни там, где он был, ни там, куда он собирался. Если предположить, что он куда-то собирается.

- Некоторые лежат на столике возле моей кровати, но большинство в аптечке. «Топомакс», «Маринокс», «Индерал», «Пепсид», «Фломакс»[120]... - Плюс еще полдюжины. Он пробубнил это, как список покупок.

- Что он сказал...

---

[120] Примечания: 1.120
кардиологические и противоэпилептические препараты

- Помолчи, - сказал я. В данный момент я был главным, хотя и знал, что долго это не продлится. Буду ли я главным, если призову существо, вселившееся в Террио? Этого я точно уж не знал. - Я задал не тот вопрос.

Я повернулся и посмотрел на нее.

- Я могу задать правильный вопрос, но сначала ты должна пообещать, что отпустишь меня, как только получишь то, зачем пришла.

- Конечно, Джейми, - сказала она, и я понял, что она лжет. Я не знаю точно, как я это понял, в этом не было ничего логичного, но это не было и чистой интуицией. Думаю, это было связано с тем, как она отводила от меня глаза, когда произносила мое имя.

Вот тогда-то я окончательно и понял, что от свиста мне не уйти.

Дональд Марсден все еще стоял у двери своей библиотеки. Я на мгновение задумался, действительно ли он там читал книги, или они были нужны только для отвода глаз.

- Ей не нужен твой рецепт, ей нужен «Окси». Где он?

То, что случилось потом, случалось всего один раз - когда я спросил Террио, где он заложил свою последнюю бомбу. Слова Марсдена перестали

соответствовать движениям его рта, как будто он боролся с необходимостью ответить. - Я не хочу тебе говорить.

Именно это сказал и Террио.

- Джейми! Что…

- Молчи, я сказал! Дай мне шанс! - Затем обратился к нему: - Где «Окси»?

Когда на него надавили, Террио выглядел так, словно ему было больно, и я думаю - не знаю, но *думаю*, - что именно в этот момент в него и вошел этот мертвый свет. Марсден, похоже, не испытывал физической боли, но что-то эмоциональное в нем происходило, несмотря на то, что он был мертв. Он закрыл лицо руками, как ребенок, который сделал что-то не так, и сказал:

- В комнате страха.

- Что ты имеешь в виду? Что такое комната страха?

- Это место, где можно спрятаться в случае проникновения с взломом. - Эмоции исчезли так же быстро, как и появились. Марсден вернулся к своему бубнению списка покупок. - У меня есть враги. Она была одной из них. Я просто этого не знал.

- Спроси его, где это! - крикнула Лиз.

Я был почти уверен, что знаю, но все равно

спросил.

Он указал в сторону библиотеки.

- Это секретная комната, - сказал я, но так как это был не вопрос, он ничего не ответил. - Это секретная комната?

- Да.

- Покажи мне.

Он вошел в библиотеку, которая теперь была погружена во тьму. Мертвецы, конечно, не призраки, но когда он вошел в этот полумрак, он определенно выглядел как призрак. Лиз пришлось нащупать выключатель, который включал верхний свет и еще больше фламбо, намекая мне, что она никогда здесь не была, хотя и была заядлой читательницей. Сколько раз она на самом деле была в этом доме? Может, раз или два, а может, и никогда. Может быть, она знала его только по фотографиям и очень осторожным расспросам людей, которые там побывали.

Марсден указал на полку с книгами. Поскольку Лиз не могла его видеть, я повторил его жест и сказал:

- Вон там.

Она подошла к ней и потянула. Я мог бы убежать прямо сейчас, если бы она не потянула меня за собой. Она была под кайфом и покрасневшей

от возбуждения, но у нее все еще оставались, по крайней мере, некоторые из ее полицейских инстинктов. Свободной рукой она дернула несколько полок, но ничего не произошло. Она выругалась и повернулась ко мне.

Чтобы предотвратить очередную дрожь или выкручивание рук, я задал Марсдену очевидный вопрос.

- Есть ли секрет, который ее открывает?

- Да.

- Что он говорит, Джейми? Черт побери, что он говорит?

Кроме того, что она пугала меня до чертиков, она еще сводила меня с ума своими вопросами. Она забыла вытереть нос, и теперь свежая кровь текла по верхней губе, делая ее похожей на одного из вампиров Брэма Стокера. Кем, по-моему, она и была.

- Дай мне шанс, Лиз, - и обратился к Марсдену: - Где секрет?

- Верхняя полка справа,- сказал Марсден.

Я передал это Лиз. Она встала на цыпочки, пошарила еще немного, и тут раздался щелчок. На этот раз, когда она потянула, книжный шкаф распахнулся на потайных петлях, открывая стальную дверь, еще одну клавиатуру и еще одну

маленькую красную лампочку над цифрами. Лиз не нужно было объяснять мне, о чем спрашивать дальше.

- Какой код?

Он снова поднял руки и закрыл глаза - тот детский жест, который говорит, что если я не вижу тебя, то и ты меня не видишь. Это был печальный жест, но я не мог позволить себе быть им тронутым, и не только потому, что он был наркобароном, чей продукт, несомненно, убил сотни, может быть, даже тысячи людей, и подцепил еще тысячи. У меня и своих проблем хватало.

- Ка... кой... код? - Выговаривая каждый слог, как я это делал с Террио. Это было по-другому, но и то же самое.

Он мне сказал. Ему некуда было деться.

- 73612, - сказал я.

Она набрала цифры, все еще держа меня за руку. Я почти ожидал услышать глухой стук и шипение, как будто открылся воздушный шлюз в научно-фантастическом фильме, но единственное, что произошло, - красный свет сменился зеленым. Там не было ни ручки, ни поворотника, поэтому Лиз толкнула дверь, и она распахнулась. Комната внутри была темной, как черная кошачья задница.

- Спроси его, где выключатели.

Я так и сделал, и Марсден сказал:

- Их нет.

Он снова опустил руки. Его голос уже начал затихать. В тот момент я подумал, что, может быть, он так торопится, потому что был убит, а не умер естественной смертью или попал в аварию. Позже я передумал. Я думаю, он просто хотел уйти до того, что, как мы выясним позже, было внутри.

- Просто войди, - сказал я.

Она сделала неуверенный шаг в темноту, не выпуская моей руки, и над головой зажглись флуоресцентные лампы. В комнате было пусто. В дальнем углу стоял морозильник (до меня донесся голос профессора Беркетта), плита и микроволновая печь. Слева и справа стояли полки с дешевыми консервами, такими как «Спам», «Тушеная говядина Динти Мур» и «Сардины Короля Оскара». Там также были пакеты с едой (позже я узнал, что это то, что в армии называют ГКУ, готовая к употреблению пища) и шесть ящиков воды и пива. На одной из нижних полок находился стационарный телефон. Посреди комнаты стоял простой деревянный стол. На нем - настольный компьютер, принтер, толстая папка и сумка для бритья на молнии.

- А где «Окси»?

Я спросил.

- Он говорит, что они в инструментарии, что бы это ни было.

Она схватила сумку для бритья, расстегнула молнию и перевернула её. Оттуда выпала куча пузырьков с таблетками и два-три маленьких пакетика, завернутых в пищевую пленку. Не похоже на сокровищницу. Она закричала:

- Что *это* за чертовщина?

Я едва её слышал. Я открыл папку рядом с компьютером, просто потому, что она там была, и пришел в шок. Поначалу мне казалось, что я даже не понимаю, что вижу, но, конечно же, я понимал. И я знал, почему Марсден не хотел, чтобы мы сюда приходили, и почему он чувствовал стыд, хотя и был мертв. Это не имело никакого отношения к наркотикам. Интересно, у женщины, на которую я смотрел, во рту был такой же кляп? Настоящая поэтическая справедливость, если такой же.

- Лиз, - сказал я. Мои губы онемели, как будто дантист сделал мне укол «Новокаина».

- Это все? - кричала она. - Не смей, мать твою, говорить мне, что это все! - Она открутила одну из бутылочек и вывалила содержимое. Там было около двух дюжин таблеток. - Это даже не «Окси»,

это чертовы «Дарвоны»[121]!

Она отпустила меня, и я мог бы убежать прямо сейчас, но даже не подумал об этом. Даже мысль о том, чтобы свистнуть Террио, вылетела у меня из головы.

- Лиз, - повторил я.

Она не обращала на меня внимания. Она открывала бутылочки одну за другой. Разные виды таблеток, но их не было много ни в одном флаконе. Она смотрела на несколько голубых.

- «Рокси», конечно же, но даже не дюжина! Спроси его, где остальные!

- Лиз, посмотри на это. - Это был мой голос, но, казалось, он доносился откуда-то издалека.

- Я сказала, спроси его... - Она повернулась и замерла, глядя на то, на что смотрел я.

Это была глянцевая фотография поверх тонкой стопки других глянцевых фотографий. На ней было три человека: двое мужчин и женщина. Одним из них был Марсден. На нем не было даже боксерок. Другой мужчина тоже был голым. Они что-то делали с женщиной с кляпом во рту. Мне очень не хочется этого говорить, но у Марсдена в руках была маленькая паяльная лампа, а у дру-

---

[121] Примечания: 1.121

наркотический анальгетик, по своей структуре очень близок к метадону, но обладает более слабым обезболивающим действием

гого мужчины была одна из тех двузубых вилок для мяса.

- Черт, - прошептала она. - О, *черт*, - она пролистала еще несколько. Они были просто неописуемы. Она закрыла папку. - Это она.

- Кто?

- Мэдди. Его жена. Похоже, она все-таки не сбежала.

Марсден все еще сидел в библиотеке, но смотрел в другую сторону. Его затылок превратился в развалины, как и левая сторона головы Террио, но я этого почти не заметил. Есть вещи и похуже пулевых ранений, об этом я узнал в тот вечер.

- Они замучили ее до смерти, - сказал я.

- Да, и веселились, пока этим занимались. Посмотри на эти улыбки. Ты все еще жалеешь, что я его убила?

- Ты убила его не из-за того, что он сделал со своей женой, - сказал я. - Ты об этом не знала. Ты убила его из-за наркотиков.

Она пожала плечами, как будто это не имело значения, и для нее это, вероятно, не имело значения. Она выглянула из комнаты страха, куда он приходил посмотреть на свои ужасные картинки, и через библиотеку в коридор.

- Он все еще там?

- Да. В дверном проеме.

- Сначала он сказал, что никаких таблеток нет, но я знала, что он лжет. Потом он сказал, что их много. Очень много!

- Возможно, он солгал и насчет этого. Он мог, потому что еще не был мертв.

- Но он же сказал тебе, что они в комнате страха! Тогда ведь он уже был мертв!

- Он не сказал, сколько. - И к Марсдену: - Это все, что у тебя есть?

- Все, - сказал он. - Его голос начал дрейфовать.

- Ты сказал ей, что у тебя их много!

Он пожал окровавленными плечами.

- Пока она верила, что у меня есть то, что ей нужно, я думал, она сохранит мне жизнь.

- Но та информация, которую она слышала, о том, что ты получил крупную частную партию…

- Чушь собачья, - сказал он. - В этом бизнесе много дерьма. Люди говорят всякую чушь только для того, чтобы быть услышанным.

Лиз покачала головой, когда я пересказал ей то, что он мне сказал, не веря в это. Не *желая* верить, потому что если это так, то все ее планы о западном побережье рухнули. А еще это означало, что ее обманули.

- Он что-то скрывает, - настаивала она. - Что-то.

Где-то. Спроси его еще раз, где остальные.

Я открыл было рот, чтобы сказать, что если бы было что-то еще, он бы уже мне рассказал. Затем - вероятно, потому, что эти ужасные картинки разбудили ошеломленную часть меня - у меня в голове возникла идея. Может быть, я и сам сумею ее надуть, потому что она, конечно же, готова к тому, чтобы ее надули. Если это сработает, я смогу сбежать от нее, не вызывая демона.

Она схватила меня за плечи и встряхнула.

- Спроси его, я сказала!

Так я и сделал.

- И где же остальные наркотики, мистер Марсден?

- Я же сказал, это все, что у меня есть, - Его голос все слабел и слабел. - У меня есть кое-что для Марии, но она на Багамах. Бимини.

- Да ладно. Вот так-то лучше, - я указал на полки с консервами. - Видишь банки со спагетти на верхней полке? - Она никак не могла их пропустить, так как их, должно быть, было не меньше тридцати. Большой Донни, видимо, очень любил свою франко-американку. - Он сказал, что спрятал кое-что в них - не «Окси», а что-то другое.

Она могла бы потащить меня за собой, но я подумал, что, скорее всего, она будет слишком

нетерпелива, и оказался прав. Она подбежала к полкам с консервами. Я подождал, пока она встанет на цыпочки и протянет руку. Затем я выскочил из комнаты страха и пересек библиотеку. Хотел бы я не забыть закрыть дверь, но тут как уж есть. В дверном проеме стоял Марсден, и вид у него был солидный, но я пробежал сквозь него. На мгновение меня пронзил ледяной холод, и во рту появился маслянистый привкус, наверное, пепперони. Затем я побежал к лестнице.

Позади меня раздался грохот падающих банок.

- Вернись сюда, Джейми! Вернись!

Она побежала за мной. Я это слышал. Я добрался до того места, где лестница начинала спускаться вниз, и оглянулся через плечо. Это было ошибкой. Я споткнулся. Не имея других вариантов, я поджал губы, чтобы свистнуть, но не смог сделать ничего, кроме как выдохнуть воздух. Во рту и на губах было слишком сухо. Поэтому вместо свиста я закричал.

- ТЕРРИО!

Я начал ползти вниз по лестнице головой вперед, с волосами, застилающими глаза, но она схватила меня за лодыжку.

- ТЕРРИО, ПОМОГИ МНЕ! УБЕРИ ЕЕ ОТ МЕНЯ!

Внезапно все - не только балкон, не только

лестница, но и все пространство над большой комнатой и уголком для беседы - наполнилось белым светом. Я оглянулся на Лиз, когда это случилось, и прищурился от яркого света, почти ослепленный им. Он исходил из того высокого зеркала, и еще больше его лилось из зеркала на другой стороне балкона.

Хватка Лиз ослабла. Я схватился за одну из ступенек и дернулся вперед изо всех сил. И тут же упал на живот и покатился вниз, как ребенок на самой ухабистой в мире санной прогулке. Я остановился примерно в четверти пути до конца лестницы. Позади меня визжала Лиз. Я взглянул между рукой и боком, и поэтому увидел ее вверх ногами. Она стояла перед зеркалом. Я не знаю точно, что видела она, и это хорошо, потому что тогда бы я, возможно, никогда больше не заснул. Света было достаточно - того яркого и одновременно темного света, который исходил из зеркала, как солнечная вспышка.

Мертвого света.

Потом я увидел - *кажется*, увидел - как из зеркала высунулась рука и схватила Лиз за шею. Рука дернула ее к стеклу, и я услышал, как оно треснуло. Лиз продолжала кричать.

Весь свет в доме погас.

Еще не настолько стемнело, чтобы установились полные потемки, но стемнело достаточно. Комната подо мной была колодцем теней. А за моей спиной, на верхней площадке винтовой лестницы, Лиз все кричала и кричала. Я ухватился за гладкие стеклянные перила, чтобы подняться на ноги, и сумел, спотыкаясь, но ни разу не упав, спуститься в гостиную.

Позади меня Лиз перестала кричать и начала смеяться. Я обернулся и увидел, как она спускается вниз по лестнице, просто темная фигура, смеющаяся, как Джокер в фильме о Бэтмене. Она шла слишком быстро и не смотрела, куда идет. Она раскачивалась из стороны в сторону, отскакивая от перил, оглядываясь через плечо на зеркало, где свет теперь угасал, как нить в старомодной лампочке, когда ее выключают.

- Лиз, берегись!

Я закричал, хотя единственное, чего я хотел, - это сбежать от нее. Предупреждение было чисто инстинктивным, и оно не принесло ничего хорошего. Она потеряла равновесие, упала вперед, ударилась о ступеньки, кувыркнулась, снова ударилась о ступеньки, сделала еще одно сальто и соскользнула вниз. Она продолжала смеяться после того, как ударилась в первый раз, но смех

прекратился после второго. Как будто она была радио, и кто-то его выключил. Лиз лежала лицом вверх у подножия лестницы, склонив голову набок, со свернутым носом, закинув одну руку за спину до самой шеи, и ее глаза смотрели в темноту.

- Лиз?

Ничего.

- Лиз, ты в порядке?

Что за глупый вопрос, и почему меня это волнует? На этот вопрос я могу ответить. Я хотел, чтобы она была жива, потому что что-то там было позади меня. Я не слышал, но знал, что оно там есть.

Я опустился на колени рядом с Лиз и прижал руку к ее окровавленному рту. Её дыхание не охладило мою ладонь. Ее глаза не моргали. Она была мертва. Я встал, повернулся и увидел именно то, что и ожидал: Лиз стояла там, в расстегнутом пальто и окровавленной толстовке. Она не смотрела на меня. Она смотрела через мое плечо. Она подняла руку и на что-то указывала, напоминая мне в этот ужасный момент, Призрак Рождества, указывающий на надгробную плиту Скруджа.

Кеннет Террио - по крайней мере, то, что от него осталось, - спускался по лестнице.

63

Он был похож на обгоревшее бревно, внутри которого все еще пылал огонь. Я не знаю другого способа, чтобы это описать. Он почернел, его кожа потрескалась в десятках мест, и сквозь нее просвечивал яркий мертвый свет. Он шел из носа, из глаз, даже из ушей. Когда он открыл рот, он вырвался и оттуда.

Он ухмыльнулся и поднял руки.

- Давай проведем Ритуал еще раз и посмотрим, кто победит. Я думаю, что ты передо мной в долгу, потому что я спас тебя от нее.

Он поспешил ко мне вниз по лестнице, расставив руки, готовый к воссоединению. Инстинкт велел мне бежать, поджав хвост, но что-то более глубокое подсказывало мне стоять на месте, как бы мне ни хотелось убежать от этого надвигающегося ужаса. Если я это сделаю, он схватит меня сзади, обхватит своими обугленными руками, и это будет конец. Он победит, и я стану его рабом, обязанным прийти, когда он позовет. Он овладеет мной живым, как овладел мертвым Террио, что будет еще хуже.

- Стой, - сказал я, и почерневшая оболочка Террио остановилась у подножия лестницы. Эти вытянутые руки были меньше чем в футе от меня.

- Уходи. Я с тобой закончил. Уходи навсегда.

- Ты никогда не закончишь со мной, - и затем он произнес еще одно слово, от которого моя кожа покрылась мурашками, а волосы на затылке встали дыбом. - *Чемпион.*

- Поживем-увидим, - сказал я. Смелые слова, но я не смог сдержать дрожь в голосе.

Руки по-прежнему были вытянуты, почерневшие ладони с светящимися трещинами находились всего в нескольких дюймах от моей шеи.

- Если ты действительно хочешь избавиться от меня навсегда, то хватайся. Мы снова проведем Ритуал, и он будет более справедливым, потому что на этот раз я готов к встрече с тобой.

Я испытывал странное искушение, не спрашивайте меня почему, но часть меня, которая была далеко за пределами эго и глубже, чем инстинкт, взяла верх. Вы можете победить дьявола один раз - благодаря провидению, храбрости, дурацкой удаче или комбинации всего этого - но не дважды. Я не думаю, что кто-то, кроме святых, сможет победит дьявола дважды, а может быть,

даже они не смогут.

- Уходи, - настала моя очередь указывать пальцем, как последний призрак Скруджа. Я указал на дверь.

Тварь презрительно приподняла обугленную и покрытую сажей губу Террио.

- Ты не можешь прогнать меня, Джейми. Неужели ты до сих пор этого не понял? Мы связаны друг с другом. Ты не подумал о последствиях. И вот они.

Я повторил свое единственное слово. Это было все, что я смог выдавить из горла, которое вдруг показалось мне шириной с булавку.

Тело Террио, казалось, готово было сократить расстояние между нами, прыгнуть на меня и заключить в свои ужасные объятия, но этого не произошло. Может быть, он не мог.

Лиз отпрянула, когда он прошел мимо нее. Я ожидал, что он пройдет прямо через дверь - как я прошел через Марсдена, - но что бы это ни было, это был не призрак. Его рука ухватилась за ручку и повернула ее, еще больше рассекая кожу и проникая сквозь нее. Дверь распахнулась.

Он снова повернулся ко мне.

- Только свистни, и я приду к тебе, мой мальчик.

После чего он ушел.

64

Ноги у меня подкашивались, ступеньки были совсем рядом, но я не собирался на них сидеть, в то время, когда переломанное тело Лиз Даттон валялось распростертым у их подножия. Пошатываясь, я добрался до уголка для беседы и рухнул на один из стульев. Я опустил голову и всхлипнул. Это были слезы ужаса и истерики, но я думаю, что это были также - хотя точно не помню - слезы радости. Я был жив. Я находился в темном доме в конце частной дороги с двумя трупами и двумя призраками (Марсден смотрел на меня с балкона), но я был жив.

- Три, - сказал я. - Три трупа и три призрака. Не забудь про Тедди.

Я начал смеяться, но потом вспомнил, что Лиз перед смертью смеялась точно так же, и заставил себя остановиться. Я пытался придумать, что мне теперь делать. Я решил, что первым делом захлопну эту чертову входную дверь. Видеть, как

эти два ревенанта[122] (слово, которое я узнал, как вы догадались, позже) пялятся на меня, было неприятно, но я привык к тому, что мертвецы знают, что я их вижу. Что мне действительно не нравилось, так это мысль о том, что Террио находится где-то рядом, с мертвым светом, сияющим сквозь его гниющую кожу. Я приказал ему уйти, и он ушел... Но что, если он вернется?

Я прошел мимо Лиз и закрыл дверь. Вернувшись, я спросил ее, что мне делать. Я не ожидал ответа, но внезапно его получил.

- Позвони матери.

Я подумал о стационарном телефоне в комнате страха, но не собирался подниматься по лестнице в ту комнату. Даже за миллион баксов.

- У тебя есть телефон, Лиз?

- Да. - Прозвучало безразлично, как говорили большинство из них. Впрочем, не все: у миссис Беркетт еще оставалось достаточно жизни, чтобы критиковать художественные достоинства моей индейки. А Большой Донни пытался укрыть свой тайник с пыточным порно.

- Где же он?

---

[122] Примечания: 1.122

ревенант (фр. Revenant - «вернувшийся») - разновидность разумной нежити: ходячий мертвец, сохраняющий душу и прижизненные черты личности

- В кармане пальто.

Я подошел к ее телу и полез в правый карман пальто. Я дотронулся до рукояти пистолета, из которого она прикончила Дональда Марсдена, и отдернул руку, словно коснулся чего-то горячего. Я попробовал другой карман, и достал ее телефон. Я включил его.

- Какой пароль?

- 2665.

Я набрал его, набрал код Нью-Йорка и первые три цифры маминого номера, затем передумал и сделал другой звонок.

- 911, что у вас случилось?

- Я в доме с двумя мертвецами, - сказал я. - Один убит, а другая упала с лестницы.

- Это что, шутка, сынок?

- Хотел бы я, чтобы это было так. Женщина, которая упала с лестницы, похитила меня и привезла сюда.

- Где вы находитесь? - Теперь женщина на другом конце провода проявляла живой интерес.

- Это в конце частной дороги за пределами Ренфилда, мэм. Я не знаю, сколько миль или название улицы. - Потом я подумал о том, что должен был сказать сразу. - Это дом Дональда Марсдена. Это тот человек, которого убила жен-

щина. А сама она упала с лестницы. Ее зовут Лиз Даттон. Элизабет.

Она спросила, все ли со мной в порядке, а потом велела оставаться на месте, офицеры уже в пути. Я так и сделал, а еще взял и позвонил матери. Это был гораздо более долгий разговор, и не всегда слишком понятный, потому что мы оба рыдали. Я рассказал ей все, кроме истории с мертвым светом. Она бы мне поверила, но одного кошмара для неё было достаточно. Я просто сказал, что Лиз споткнулась, преследуя меня, упала и сломала шею.

Во время нашего разговора Дональд Марсден спустился по лестнице и остановился у стены. Один мертвец без макушки, другой - с головой, свернутой набок. Та еще парочка. Я говорил вам, что это страшная история, вас об этом предупреждали, но я мог смотреть на них без особой тревоги, потому что настоящий ужас исчез. Если, конечно, я не захочу его вернуть. Если бы я это сделал, он бы наверняка пришел.

Все, что мне для этого было нужно - свистнуть.

Через пятнадцать очень долгих минут я расслышал где-то вдалеке вой сирен. Через двадцать пять, красные и синие огни заполнили окна. Там было, по меньшей мере, полдюжины полицей-

ских, обычный отряд. Сначала они были всего лишь темными силуэтами, заполнявшими дверь, заслоняя тем самым последние искры дневного света, если, конечно, они еще были эти искры. Один из них спросил, где эти чертовы выключатели. Другой сказал: «Нашел», а потом выругался, когда ничего не произошло.

- Кто здесь? - крикнул другой. - Все, кто здесь есть, назовите себя!

Я встал и поднял руки, хотя сомневался, что они могли видеть что-нибудь, кроме двигающейся темной фигуры.

- Я здесь! Руки подняты! Свет не горит! Я тот парень, который звонил!

Зажглись фонарики, противоречивые лучи которых сначала рыскали по комнате, а затем сосредоточились на мне. Один из полицейских вышел вперед. Женщина. Она обошла вокруг Лиз, конечно же, не осознавая, зачем она это делает. Сначала ее рука лежала на рукоятке пистолета в кобуре, но, увидев меня, она её отпустила. И это было облегчением.

Женщина опустилась на колено.

- Ты один в доме, сынок?

Я посмотрел на Лиз. Я посмотрел на Марсдена, стоявшего довольно далеко от женщины, которая

его убила. Даже Тедди подошел. Он стоял в дверном проеме, который освободили полицейские, возможно, привлеченный суматохой, а может, просто по прихоти. Три Немертвых Недотепы.

- Да, - сказал я. - Я здесь один.

65

Женщина-полицейский обняла меня за плечи и вывела наружу. Я начал дрожать. Она, вероятно, думала, что это от ночного воздуха, но, конечно же, это было не так. Она сняла куртку и накинула на меня, но этого было недостаточно. Я опустил руки в слишком длинные рукава и прижал к груди. В карманах было полно всяких полицейских штучек, но меня это вполне устраивало. Тяжесть была приятной.

Во дворе стояли три патрульные машины: две по бокам от маленькой машины Лиз и одна позади нее. Пока мы там стояли, подъехала еще одна машина, на этот раз внедорожник с надписью: «НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ РЕНФИЛДА» на двери. Я предположил, что сейчас в городе праздник для пьяниц и любителей полихачить, потому что большая часть городских полицейских сил, должно быть, была здесь.

Еще один полицейский вышел из машины и присоединился к женщине.

- Что там произошло, малыш?

Прежде чем я успел ответить, женщина-поли-

цейский приложила палец к моим губам. Я не возражал; на самом деле это было даже приятно.

- Никаких вопросов, Дуайт. Этот мальчик в шоке. Ему нужна медицинская помощь.

Дородный мужчина в белой рубашке с бейджем на шее - Начальник полиции, как я предположил, - вышел из внедорожника и как раз успел услышать последние слова. - Позаботься о нем, Кэролайн. Пусть его осмотрят. Есть ли подтвержденные мертвецы?

- У подножия лестницы лежит тело. Похоже, это женщина. Я не могу подтвердить, что она умерла, но судя по изгибу её шеи…

- О, она точно мертва, - сказал я им и заплакал.

- Давай, Каро, - сказал Начальник. - И даже не думай везти его в окружной центр. Отвези в «МедНоу». Никаких вопросов, пока я туда не приеду. А также до тех пор, пока у нас не появится взрослый, который за него отвечает. Как его зовут?

- Пока не знаю, - ответила Кэролайн. - Это сплошное безумие. Там нет света.

Начальник наклонился ко мне, положив руки на бедра, и я снова почувствовал себя пятилетним.

- Как тебя зовут, сынок?

Вот тебе и никаких вопросов, - подумал я.

- Джейми Конклин, и моя мама уже едет сюда. Ее зовут Тиа Конклин. Я ей позвонил.

- Угу, - он повернулся к Дуайту. - Почему здесь нет света? Во всех домах по дороге сюда было электричество.

- Не знаю, шеф.

- Он отключился, когда она бежала за мной по лестнице. Думаю, именно поэтому она и упала.

Я видел, что ему просто зудит расспросить меня поподробнее, но он только еще раз сказал офицеру Кэролайн, чтобы та брала меня и уезжала. Когда она выбралась со двора и поехала по извилистой подъездной дорожке, я пошарил в карманах брюк и обнаружил там телефон Лиз, хотя и не помнил, как клал его туда.

- Можно я еще раз позвоню маме и скажу, что мы едем к доку-в-коробке[123]?

- Конечно.

Уже позвонив, я понял, что если офицер Кэролайн узнает, что я пользуюсь телефоном Лиз, у меня могут быть неприятности. Она может спросить, откуда я знаю пароль покойницы, и я не

---

[123] Примечания: 1.123

doc-in-the-box - доктор в коробке - небольшое медицинское учреждение, обычно в торговом центре, куда можно обратиться за помощью без предварительной записи

смогу быстро подобрать хороший ответ. Но она меня ни о чем не спрашивала.

Мама сказала, что она уже вызвала «Убер» (что, вероятно, обойдется в небольшое состояние, так что хорошо, что агентство вернулось к рентабельности), и они отлично проводят время. Она спросила, действительно ли со мной все в порядке. Я сказал ей, что это так, и что офицер Кэролайн везет меня в «МедНоу» в Ренфилде, но только для осмотра. Она велела мне не отвечать ни на какие вопросы, пока она не приедет, и я ответил, что не буду.

- Я позвоню Монти Гришэму, - сказала она. - Он не занимается подобной юридической практикой, но наверняка знает того, кто занимается.

- Мне не нужен адвокат, мама, - офицер Кэролайн бросила на меня быстрый косой взгляд, когда я это произнес. - Я ничего не сделал.

- Если Лиз кого-то убила, а ты был там, то он тебе нужен. Будет дознание... пресса... я не знаю, что еще. Это моя вина. Я привела эту суку в наш дом. - Потом она сплюнула: - Чертова *Лиз*!

- Сначала она была хорошей. - Это было правдой, но внезапно я почувствовал себя очень, очень уставшим. - Увидимся, когда приедешь.

Я закончил разговор и спросил офицера Кэро-

лайн, сколько времени нам понадобится, чтобы добраться до доктора-в-коробке. Она сказала - двадцать минут. Я оглянулся через плечо, через сетку, отгораживающую заднее сиденье, внезапно уверенный, что Лиз будет там. Или - что гораздо хуже - Террио. Но там было пусто.

- Здесь только ты и я, Джейми, - сказала Кэролайн. - Не беспокойся.

- А я и не беспокоюсь, - сказал я, но была одна вещь, о которой я *должен* был побеспокоиться, и, слава Богу, я вспомнил, иначе мы с мамой могли бы попасть в большие неприятности. Я прислонился головой к окну и отвернулся от Кэролайн. - Собираюсь немного вздремнуть.

- Валяй, - в ее голосе была улыбка.

Я действительно немного вздремнул. Но сначала я включил телефон Лиз, спрятав его своим телом, и удалил запись, которую она сделала, ту, где я пересказывал сюжет «Тайны Роанока» моей маме. Если они изымут телефон и узнают, что он не мой, я что-нибудь придумаю. Или просто скажу, что ничего не помню, что было бы безопаснее. Но они не должны были услышать эту запись.

Ни за что.

66

Начальник полиции и еще двое полицейских появились в «МедНоу» примерно через час после того, как мы с Кэролайн туда приехали. А еще парень в костюме, представившийся окружным прокурором. Врач осмотрел меня и сказал, что я, в целом, в порядке, кровяное давление немного повышено, но, учитывая то, что я пережил, это не удивительно. Он был уверен, что к утру все снова придет в норму, и объявил меня «обычным здоровым подростком». Я был обычным здоровым подростком, который мог видеть мертвых людей, но я не стал в это вдаваться.

Мы с полицейскими и окружным прокурором отправились в комнату отдыха персонала, чтобы дождаться маму, и как только она туда вошла, начались вопросы. Ту ночь мы провели в мотеле «Ренфилд Стардаст», а на следующее утро вопросов стало еще больше. Моя мать рассказала им, что она и Элизабет Даттон были в отношениях, которые закончились, когда мама обнаружила, что Лиз была вовлечена в торговлю наркотиками. А я рассказал им, как Лиз похитила меня после

теннисной тренировки и отвезла в Ренфилд, где рассчитывала похитить большую партию «Окси» из дома мистера Марсдена. В конце концов, он сказал ей, где наркотики, а она его убила, то ли потому, что не получила джекпот, которого ожидала, то ли из-за тех вещей, которые нашла в той комнате. Фотографий.

- Есть одна вещь, которую я не понимаю, - сказала офицер Кэролайн, когда я вернул ей куртку, которую до этого не снимал. Мама бросила на нее настороженный взгляд, готовая защитить своего детеныша, но офицер Кэролайн этого не заметила. Она смотрела на меня. - Она связала парня…

- Она сказала, что *зафиксировала* его. Она воспользовалась этим словом. Наверное, потому, что раньше была копом.

- О'кей, она его зафиксировала. И судя по тому, что она тебе рассказала, а также по тому, что мы обнаружили наверху, она немного его отрихтовала. Но не так, чтобы очень.

- Не могли бы вы перейти к делу? - спросила мама. - Мой сын пережил страшное испытание и очень устал.

Офицер Кэролайн проигнорировала сказанное. Она смотрела на меня, и ее глаза были очень яркими.

- Она могла бы сделать гораздо больше, пытать, пока не добьется своего, но вместо этого оставила его, поехала в Нью-Йорк, похитила тебя и привезла обратно. Зачем её это?

- Я не знаю.

- Вы ехали с ней два часа, и она ничего не говорила?

- Она сказала только, что рада меня видеть. - Я не мог вспомнить, действительно ли она это говорила или нет, так что, думаю, технически это была ложь, но я этого не чувствовал. Я вспомнил о тех вечерах на диване, когда мы сидели и смотрели «Теорию Большого взрыва», и хохотали до упаду, и заплакал. Что и вывело нас оттуда.

Как только мы оказались в мотеле за закрытой и запертой дверью, мама сказала:

- Если тебя спросят еще раз, скажи, что, возможно, она собиралась взять тебя с собой, когда отправится на запад. Ты можешь это сделать?

- Да, - сказал я. Интересно, может быть, эта мысль и вертелась где-то в голове Лиз? Это было не слишком хорошо, но лучше, чем то, о чем я подумал тогда (и все еще думаю сейчас): она планировала меня убить.

Я не спал в смежной комнате. Я спал на диване рядом с мамой. Мне снилось, что я иду по пу-

стынной проселочной дороге под серпом луны. «Не свисти, не свисти», - говорю я себе. Но ничего не могу с собой поделать. Я насвистывал «Пусть будет так»[124]. Не успел я закончить и первых шести-восьми нот, как услышал за спиной шаги.

Я проснулся, зажав рот руками, словно пытаясь подавить крик. С тех пор я еще несколько раз точно так же просыпался, и никогда не боялся крика. Я боялся, что проснусь со свистом, и передо мной будет этот мертвый свет.

И руки, протянутые для объятий.

[124] Примечания: 1.124
Let It Be — хит группы «Beatles»

67

Есть много недостатков в том, чтобы быть ребенком; зацените: прыщи, мучительный выбор подходящей одежды для школы, девчачьи тайны. И это только три из них. После поездки в дом Дональда Марсдена (точнее, моего похищения) я выяснил, что есть и некоторые преимущества.

Одним из них было то, что на дознании мне не пришлось бегать под натиском репортеров и телекамер, потому что мне не нужно было давать показания лично. Вместо этого я дал показания по видеосвязи, сидя рядом с адвокатом, которого подобрал для меня Монти Гришем, с одной стороны, и моей мамой - с другой. Пресса знала, кто я такой, но мое имя никогда не появлялось в прессе, потому что я был тем волшебным существом, несовершеннолетним. Дети в школе об этом знали (дети в школе почти всегда все узнают), но никто меня не дразнил. Вместо этого я получил уважение. Мне не нужно было выяснять, как заводить знакомства с девушками, потому что они подходили к моему шкафчику и сами заводили разговор.

Лучше всего было то, что не возникло никаких проблем с моим телефоном - который на самом деле был телефоном Лиз. Во всяком случае, его больше не существовало. Мама бросила его в мусоросжигатель и велела мне сказать, что я его потерял, если кто-нибудь спросит. Никто не спросил. Что касается того, почему Лиз поехала в Нью-Йорк и похитила меня, полиция пришла к выводу, который мама уже озвучивала: Лиз хотела, чтобы рядом с ней был ребенок, когда она поедет на запад, возможно, полагая, что женщина, путешествующая с ребенком, привлечет меньше внимания. Никто, казалось, не рассматривал возможность того, что я попытаюсь сбежать или, по крайней мере, позову на помощь, когда мы остановимся на заправке или в кафешке, где-то в Пенсильвании, Индиане или Монтане. Конечно же, я бы этого не сделал. Я был бы послушной маленькой жертвой похищения, как Элизабет Смарт[125]. Потому что я был ребенком.

---

[125] Примечания: 1.125

Элизабет Энн Гилмор (урожденная Смарт) - американская активистка движения за безопасность детей и комментатор телеканала ABC News. Впервые она привлекла внимание всей страны в возрасте 14 лет, когда была похищена из своего дома в Солт-Лейк-Сити Брайаном Дэвидом Митчеллом. Митчелл и его жена Ванда Барзи держали Смарт в плену в течение девяти месяцев, пока ее не спасли полицейские на улице в Сэнди, штат Юта.

В течение недели газеты раскручивали этот ролик, отчасти потому, что Марсден был наркобароном, но в основном из-за фотографий, найденных в его комнате страха. И Лиз была своего рода героем, странно, но это правда. БЫВШИЙ КОП ПОГИБАЕТ ПОСЛЕ ПЫТОК И УБИЙСТВА ПОРНО ДОНА, гремели «Дейли Ньюс». Ни слова о том, что она потеряла работу в результате расследования ДСБ и положительного теста на наркотики, но тот факт, что она сыграла важную роль в обнаружении последней бомбы Бомбилы, прежде чем та смогла отправить на тот свет кучу покупателей, был там упомянут. Должно быть, репортер из «Пост» проник в дом Марсдена («Тараканы вездесущи», - сказала мама), а может быть, у них в картотеке были фотографии его дома в Ренфилде, потому что их заголовок гласил «В ДОМЕ УЖАСОВ ВЕЛИКОГО ДОННИ» Моя мать просто смеялась над этим, говоря, что понимание апострофа в «Пост» было хорошей параллелью их понимания американской политики.

- Не большой, - сказала она, когда я спросил. - А «ВЕЛИКИЙ»[126].

Ладно, мам. Как скажешь.

---

[126] Примечания: 1.126

в оригинале обыгрывается расставление апострофа в словах BIGS' и BIG'S

68

Вскоре другие новости вытеснили «Дом ужасов» Большого Донни с первых полос газет, и моя слава в школе померкла. Как там Лиз говорила про Чета Аткинса: как быстро забываются великие. Я снова столкнулся с проблемой знакомства с девушками, потому что стоял и ждал пока они подойдут к моему шкафчику, с глазами, накрашенными тушью и поджатыми губами, чтобы завести со мной разговор. Я играл в теннис и пробовался на роль в школьной постановке. В итоге я получил только второстепенную роль и две фразы, но постарался вложить в них всю свою душу. Я играл в видеоигры со своими друзьями. Я повел Мэри Лу Стайн в кино и поцеловал ее. Она поцеловала меня в ответ, и это было великолепно.

Вот набросок, полный переворачивающихся календарных страниц. Это должно быть было в 2016-м, а потом в 2017-м. Иногда мне снилось, что я нахожусь на этой проселочной дороге и просыпаюсь, зажимая рот руками и думая: *Не свистнул ли я? О Боже, неужели я свистнул?* Но эти сны приходили все реже. Иногда я видел

мертвых людей, но не слишком часто, и они не были страшными. Однажды мама спросила меня, вижу ли я мертвецов, и я ответил, что почти не вижу, зная, что от этого ей станет легче. Именно этого я и добивался, потому что она тоже прошла через трудные времена, и я это понимал.

- Может быть, ты это перерастаешь, - сказала она.

- Может быть, - согласился я.

Это подводит нас к 2018 году, когда ваш герой Джейми Конклин выше шести футов ростом, отрастивший козлиную бородку (которую моя мать чертовски ненавидела), почти достигший возраста, дающего право голоса, готовился к поступлению в Принстон. Я достигну нужного возраста в ноябре, когда выборы уже состоятся.

Я сидел в своей комнате, готовясь к выпускным экзаменам, когда зазвонил телефон. Это была мама, звонившая с заднего сиденья еще одного «Убера», на этот раз направляющегося в Тенафлай, где теперь жил дядя Гарри.

- Опять воспаление легких, - сказала она, - и я не думаю, что на этот раз он выздоровеет, Джейми. Они попросили меня приехать, а они этого не делают, если только положение не достаточно серьезное. - Она сделала паузу, потом сказала:

- Смертельное.

- Я приеду так быстро, как смогу.

Подтекст был в том, что я никогда не знал его по-настоящему, по крайней мере, когда он был умным парнем, строящим карьеру для себя и своей сестры в мире крутых Нью-йоркских издательств. Который на самом деле являлся очень жестоким миром. Теперь, когда я тоже работал в офисе - всего несколько часов в неделю, в основном заполняя документы, - я знал, что это правда. И это правда, что у меня были только смутные воспоминания об умном парне, который должен был оставаться умным намного дольше, но ему просто не свезло.

- Я доберусь на автобусе. - Что я мог сделать с легкостью, потому что автобус был тем, на чем мы всегда ездили в Нью-Джерси в те дни, когда «Убер» и «Лифт» были вне нашего бюджета.

- Твои экзамены… ты должен готовиться к выпускным экзаменам…

- Книги - это уникальная портативная магия. Я это где-то прочел. Я возьму их с собой. Увидимся на месте.

- Возможно, нам придется остаться там на ночь, - сказала она. - Ты уверен?

Я ответил, что да.

Я не знаю точно, где находился, когда дядя Гарри умер. Может быть, в Нью-Джерси, может быть, пересекал Гудзон, может быть он умер в тот момент, когда я лицезрел стадион «Янки» из моего изгаженного птицами окна автобуса. Все, что я знаю, - мама ждала меня возле спецучреждения - его последнего спецучреждения - на скамейке под тенистым деревом. У нее были сухие глаза, но она курила сигарету, а я давно не видел, чтобы она это делала. Она крепко меня обняла, и я ответил ей тем же. Я чувствовал запах ее духов, тот старый сладкий запах «La Vie est Belle», который всегда возвращал меня в детство. К тому маленькому мальчику, который думал, что его зеленая индейка была просто кошачьей задницей. Мне не нужно было спрашивать.

- Не успела на десять минут, - сказала она.

- Ты в порядке?

- Да. Грустно, но еще я испытываю облегчение из-за того, что все, наконец, закончилось. Он продержался гораздо дольше, чем большинство людей, страдающих от того, что у него было. Знаешь, я сидела здесь и думала о трех мухах и шести

землянах[127]. Ты знаешь, что это такое?

- Думаю, да.

- Другие мальчики не хотели брать меня в игру, потому что я была девочкой, но Гарри сказал, что если они меня не примут, он тоже не будет играть. А он был популярен. Всегда самый популярный. Так что я была, как говорится, единственной девушкой в игре.

- Ты была хороша?

- Я была потрясающе хороша, - сказала она и рассмеялась. Потом она вытерла глаза. Все-таки плачет. - Послушай, мне нужно поговорить с миссис Акерман - она здесь главная - и подписать кое-какие бумаги. Потом мне нужно зайти в его комнату и посмотреть, не забрать ли что-нибудь на память о нем. Не могу себе представить, что.

Я почувствовал волну тревоги.

- Он все еще не...?

- Нет, милый. Здесь есть похоронное бюро. Завтра я договорюсь о том, чтобы отвезти его в Нью-Йорк и... ну, ты знаешь, проводить в последний путь. - Она помолчала. - Джейми?

---

[127] Примечания: 1.127

своего рода неконкурентная бейсбольная игра. То есть в нее играют с бейсбольным снаряжением, но только по самым элементарным правилам бейсбола (то есть кто-то бросает мяч, кто-то пытается его ударить, кто-то пытается поймать попавший мяч).

Я посмотрел на нее.

- Ты не... ты не видишь его?

Я улыбнулся.

- Нет, ма.

Она схватила меня за подбородок.

- Сколько раз я говорила тебе не называть меня так? Кто говорит «мее»?

- Детеныш овечки, - сказал я и добавил: - Да, да, да.

Это ее рассмешило.

- Подожди меня, милый. Это не займет много времени.

Она вошла в дом, а я посмотрел на дядю Гарри, который стоял не более чем в десяти футах от нас. Он был там все это время, одетый в пижаму, в которой умер.

- Привет, дядя Гарри, - сказал я.

Нет ответа. Но он смотрел на меня.

- У тебя все еще болезнь Альцгеймера?

- Нет.

- Значит, теперь ты в порядке?

Он посмотрел на меня с едва заметным проблеском юмора.

- Полагаю, да, если быть мертвым вписывается в твое определение «порядок».

- Она будет скучать по тебе, дядя Гарри.

Ответа не последовало, да я и не ждал, потому что это был не вопрос. Но у меня был один. Он, вероятно, не знал ответа, но есть старая поговорка, которая гласит: если не спросишь, никогда не узнаешь.

- Ты знаешь, кто мой отец?

- Да.

- Кто? Кто он?

- Я, - ответил дядя Гарри.

69

Почти готово (и я помню тот момент, когда подумал, что тридцать страниц - это много!), но не совсем, так что не бросайте чтиво, пока не зацените:

Мои бабушка и дедушка - как оказалось, мои единственные бабушка и дедушка - умерли по дороге на рождественскую вечеринку. Парень, переполненный рождественским весельем, свернул через три полосы четырехполосного шоссе и врезался в них лоб в лоб. Пьяный выжил, как это часто бывает. Мой дядя (и отец, как оказалось) был в Нью-Йорке, и уже *посетил* несколько рождественских вечеринок, болтая с издателями, редакторами и писателями, когда узнал о случившемся. Его агентство тогда было совсем новым, и дядя Гарри (старый добрый папик!) был похож на парня в глухом лесу, дующего на крошечную кучку тлеющих веток в надежде разжечь костер.

Он приехал домой в Арколу - это маленький городок в Иллинойсе - на похороны. Когда все закончилось, у Конклинов был прием. Лестера и Норму все любили, поэтому пришло много

народу. Некоторые принесли еду. Некоторые принесли выпивку, которая служила крестным отцом великому множеству неожиданных младенцев. Тиа Конклин, в то время, незадолго до окончания колледжа, работавшая на своей первой работе в бухгалтерской фирме, порядком набралась. Как и ее брат. А как еще, правда?

Когда все расходятся по домам, Гарри обнаруживает ее в своей комнате, она лежит на его кровати в пижаме и плачет. Гарри ложится рядом и обнимает ее. Просто для утешения, ну вы понимаете, но один вид утешения ведет к другому. Всего один раз, но одного раза достаточно, и через шесть недель у Гарри - вернувшегося в Нью-Йорк - звонит телефон. Вскоре после этого моя беременная мать присоединяется к фирме.

Преуспело бы «Литературное агентство Конклина» в этой жесткой конкурентной борьбе без нее, или маленькая кучка веток и листьев моего отца/дяди испарилась бы в маленьком потоке белого дыма, прежде чем он смог бы начать добавлять первые большие поленья? Трудно сказать. Когда все пошло вверх, я лежал в люльке, писал в памперсы и гугукал. Но она хорошо справлялась со своей работой, я это знаю. Если бы не она, агентство обанкротилось бы позже, когда

финансовый рынок пробил дно.

Позвольте мне рассказать вам, что существует много дерьмовых мифов о детях, рожденных от инцеста, особенно когда речь идет об отце-дочери и сестре-брате. Да, могут возникнуть проблемы со здоровьем, и да, шансы на это намного выше, когда дело доходит до инцеста, но сплетни о том, что большинство этих детей рождаются слабоумными, с одним глазом или косолапыми? Чистое дерьмо. Я выяснил, что один из самых распространенных дефектов у детей от кровосмесительных отношений - это сросшиеся пальцы рук или ног. У меня есть шрамы на внутренней стороне второго и третьего пальцев на левой руке, от хирургической операции, проведенной, когда я был еще младенцем. В первый раз, когда я спросил об этих шрамах - мне было не больше четырех или пяти лет, - мама сказала, что врачи сделали операцию еще до того, как она привезла меня домой из роддома. «Проще пареной репы», сказала она.

И, конечно, есть еще одна вещь, с которой я родился, которая, возможно, имеет какое-то отношение к тому факту, что когда-то, страдая от горя и находясь под воздействием алкоголя, мои родители стали немного ближе, чем должны

быть брат и сестра. Или, может быть, видение мертвых людей не имеет к этому никакого отношения. Родители, которые не могут унести мелодию в жестяном ведре, могут произвести на свет вокального вундеркинда; неграмотные могут произвести на свет великого писателя. Иногда талант приходит из ниоткуда, или мне это просто так кажется.

Только, погодите, погодите минуточку.

Вся последняя история - вымысел.

Я не знаю точно, как Тиа и Гарри стали родителями крепыша по имени Джеймс Ли Конклин, потому что я не спрашивал дядю Гарри о деталях. Он рассказал бы мне все - мертвые не могут лгать, как мы, кажется, уже установили, - но я не хотел знать. После того, как он произнес это местоимение - *Я* - я отвернулся и пошел внутрь спецучреждения, чтобы найти там свою мать. Он не последовал за мной, и я больше никогда его не видел. Я думал, что он придет на свою похоронную службу или появится на церемонии у могилы, но его там не было.

На обратном пути в город (в автобусе, как в старые добрые времена) мама спросила меня, не случилось ли чего. Я сказал, что нет, что я просто пытаюсь привыкнуть к мысли, что дядя Гарри на

самом деле нас покинул.

- Такое чувство, будто я *потерял* один из своих молочных зубов, - сказал я.

- Я знаю, - сказала она, обнимая меня. - Я чувствую то же самое. Но мне не грустно. Я этого ожидала. Потому что на самом деле он покинул нас уже давно.

Как хорошо, когда тебя обнимают. Я любил свою маму и люблю ее до сих пор, но в тот день я солгал ей, и не только по недомолвке. Это не было похоже на *потерю* зуба; то, что я обнаружил, было похоже на отращивание другого зуба, для которого не было места во рту.

Некоторые вещи делают историю, которую я вам только что рассказал, более правдоподобной. Лестер и Норма Конклин *были* убиты пьяным водителем по дороге на рождественскую вечеринку. Гарри *действительно* вернулся в Иллинойс на их похороны; я нашел статью в «Аркола Рекорд Геральд», где говорится, что он произнес надгробную речь. В начале следующего года Тиа Конклин *действительно* уволилась с работы и переехала в Нью-Йорк помогать брату в его новом литературном агентстве. А Джеймс Ли Конклин *на самом деле* дебютировал на арене примерно через девять месяцев после похорон, в

больнице «Ленокс-Хилл».

Так что да, да, да и правда, правда, все могло быть именно так, как я и рассказал. В этом есть своя логика. Но могло быть и по-другому, чего мне хотелось бы гораздо меньше. Изнасилование молодой женщины, которая напилась до положения риз, совершенное ее пьяным, перевозбужденным старшим братом. Причина, по которой я его об этом не спросил, проста: я не хотел знать. Интересно, обсуждали ли они аборт? Наверняка. Беспокоит ли меня то, что я унаследовал от своего дяди/отца больше, чем ямочки, которые появляются, когда я улыбаюсь, или тот факт, что я заметил первые следы седины в моих черных волосах в нежном возрасте двадцати двух лет? И не боюсь ли я потерять рассудок в нежном возрасте тридцати, тридцати пяти или сорока лет? Да. Конечно же, да. Если верить Интернету, мой отец-дядя страдал РНБА: ранним началом болезни Альцгеймера. Она выжидает свое время в генах PSEN1 и PSEN2, и для её выявление есть тест: просто плюнь в пробирку и жди ответа. Полагаю, я его сделаю.

Позже.

Вот забавная вещь - оглядываясь назад на все эти страницы, я вижу, что почерк становился

лучше по мере того, как я продвигался. Я не пытаюсь сказать, что я там, наверху, с Фолкнером или Апдайком; я говорю, что я стал лучше, делая это, что, я полагаю, имеет место с большинством вещей в жизни. Мне остается только надеяться, что я стану лучше и сильнее в других отношениях, когда снова встречусь с тем, что вселилось в Террио. Потому что я обязательно с ним встречусь. Я не виделся с ним с той самой ночи в доме Марсдена, когда то, что Лиз увидела в зеркале, свело ее с ума, но он все еще ждет. Я это чувствую. На самом деле я это знаю, хотя и не знаю, кто он на самом деле.

Это не имеет значения. Я не буду жить с нерешенным вопросом о том, сойду ли я с ума в зрелом возрасте, и я не буду жить с тенью этой твари, нависающей надо мной. Он высосал цвет из слишком многих дней. Тот факт, что я - дитя инцеста, кажется смехотворно незначительным по сравнению с черной оболочкой Террио и мертвым светом, сияющим из трещин в его коже.

Я много читал за годы, прошедшие с тех пор, как эта тварь попросила меня провести еще один Ритуал Чудь, и я наткнулся на множество странных суеверий и странных легенд - вещи, которые не попали в книги Реджиса Томаса о Роаноке

или «Дракулу» Стокера, - и хотя об одержимости живых людей демонами, написано много чего, я не обнаружил ни одного рассказа о существе, способном вселяться в мертвых. Ближе всего к этому я подошел в рассказах о злобных призраках, но это совсем не одно и то же. Так что я понятия не имею, с чем имею дело. Все, что я знаю, - я должен с этим справиться. Я свистну ему, он придет, мы обнимемся друг с другом вместо ритуального кусания языка, и тогда... Тогда посмотрим, не так ли?

Пусть так и будет. Поживем-увидим.

Позже.